

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МАРЬЯНА СУРИКОВА

ОТЫЩИ МЕНЯ

Annotation

Зоя – странная и неловкая ученица Школы Естествознания, не похожая на других. Она одинока и избегает привязанностей, дружбы и любви, ведь ей довелось слишком много потерять.

Но все изменится, когда Зоя попадет в загадочные и пугающие пустыни, полные убийственных монстров. Ей предстоит столкнуться лицом к лицу со своим самым страшным кошмаром, раскрыть тайну своего прошлого и открыть в себе невероятный дар.

И, конечно, обрести любовь. Только вот обретет ли Зоя счастье – или погибнет от рук возлюбленного?

- [Марьяна Сурикова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
-

Марьяна Сурикова

Отыщи меня

© Сурикова М., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

*Ты меня отыщи,
Даже если сам заблудился,
Запутал в беспросветной ночи,
Средь сверкающих звезд растворился.
Сделай шаг против крепких оков,
И поверь, что я есть,
Существую,
И живу не среди зыбких снов,
Я реальна, Я жду тебя и тоскую.*

Тихий шепот раздавался каждый раз, стоило миновать очередную стайку одноклассниц. Они вновь разбились по интересам и теперь шушукались и обсуждали очередные сплетни, впрочем, не приглашая присоединиться к ним. Привычно заняв место у стены, напротив двери в класс, я принялась изучать трещинки на деревянном полотне. На этом их было тридцать три – последнюю я сама прочертила недавно для ровного счета. Не специально, конечно, а когда отлетела от не самого дружеского толчка в спину, сопровождавшегося приглушенным хихиканьем, и процарапала эту последнюю черточку ремнем сумки. Зато наконец-то вышел заверченный рисунок, и теперь, если слегка прищуриться и подключить воображение, все царапинки складывались в схематичное изображение крыльев, похожее на рисунок в старой тетрадке.

– Зоя, – раздался за плечом знакомый голос, и я резко обернулась.

– Привет, – уголки губ непроизвольно дрогнули, а пальцы крепче вцепились в потертый ремень сумки.

– На что смотришь? – с неизменным оттенком превосходства в мелодичном голосе спросила красавица Ирэн. Впрочем, ни этот слегка дребезжащий оттенок, ни едва заметная высокомерная складочка в уголке рта не могли испортить идеальность девушки, а потому она имела полное право смотреть свысока на такую, как я. Ведь она была настолько же совершенна, насколько я нет. Оттого ее присутствие

каждый раз приводило в ужасное смятение, хотя Ирэн единственная благодаря собственной идеальности общалась со мной вполне нормально, без постоянных подколов и издевок, хотя тоже, как остальные, считала странной. Она даже не коверкала нарочно мое имя, находя особое удовольствие в том, чтобы высмеять очередную мою глупость. Когда я поступала в школу Естествознания^[1], то наивно призналась в директорской, что Зоя – это, вполне вероятно, сокращенная форма от Зояна и Зоира, а может, Зоэна, Зоура или даже Зорна. В записке, приколотой к короткому платьицу оставленной у дверей приюта девочки, почерк был настолько коряв и неразборчив, что даже воспитательницы детского учреждения терялись в догадках, как меня зовут на самом деле. Отчетливо просматривались только две первые и последняя буквы. Я же помнила лишь короткое Зоя.

– Это правда, что Трен пригласил тебя на свидание?

Когда я ужасно покраснела и проямлила нечто неразборчивое, девушка удовлетворенно кивнула.

– Значит, правда. Полагаю, это из-за... – она на секунду запнулась, а затем продолжила излагать в более мягкой форме: – по причине твоих успехов в учебе.

Я кивнула в ответ и негромко вздохнула. Пускай все считали меня ужасно странной, заодно приписывая непомерную глупость, я видела и понимала многие вещи, часть из которых попросту видеть не хотелось. Оттого и придумывала им другие, не столь уродливые формы, переворачивала и меняла, чтобы хоть таким образом принять неприглядную истину. А если исходить из реального положения дел, Трен пригласил меня на свидание, потому что арис^[2] Нейтон мне благоволил. Учитель обмолвился, будто выберет меня в свою экспедиционную группу для поездки в пустыни. Выезд планировали через месяц в оазис Альберга, арис хотел собрать как можно больше информации о чудовищах, а Трен искренне считал, что ему непременно доведется участвовать в настоящей схватке, и тогда он привезет голову одного из самых страшных чудищ в качестве трофея. Вероятно, полагал, я уговорю учителя, чтобы выбрал и Трена в состав экспедиции. Однако даже понимая это, я разволновалась при мысли, что встречу с парнем, о котором мечтают почти все девчонки группы.

– Хочешь, – она выразительным взглядом окинула мою цветастую юбку и вытянутую на локтях зеленую вязаную кофту, – помогу тебе собраться?

Вероятно, по доброте душевной Ирэн собиралась предложить что-то из своей одежды, но я всегда с трудом переносила благотворительность, а потому яростно замотала головой:

– Нет, нет, спасибо. У меня есть... платье.

Девушка выразительно изогнула идеальные темные брови, но не стала переубеждать, вновь проследив за моим взглядом.

– Что ты видишь на двери? Так внимательно смотришь.

– Крылья, – сорвалось с языка.

– Опять, – Ирэн позволила себе лишь чуть-чуть усмехнуться. – Тебе везде мерещатся крылья. У тебя вся тетрадка ими разрисована, всевозможные схемы этих самых крыльев.

– Просто они все такие разные и красивые.

Мою старую тетрадку времен приюта рассмотрел, кажется, каждый в нашей группе, когда один из одноклассников стащил ее со стола. На рисунках были в основном крылья, начиная от самых неумелых корявых зарисовок испуганной девочки, верящей в защитников^[3], один из которых непременно появится однажды у дверей приюта и вызволит ее оттуда. Потом они становились все более и более изящными, совершенствуясь вместе с даром художника. Местами на страницах виднелись подпалины или дырки, надорванные верхушки и уголки, но даже одноклассники не смогли вырвать из тетради страницы. Однажды от страха за эту вещь, что была для меня волшебным талисманом, хранящим от несчастий даже в суровых приютских условиях, я вырвала тетрадь из рук жестокого мальчишки и непонятным образом зачаровала так, что никто теперь не мог нанести ей непоправимый вред.

Над нашими головами мелодично и громко зазвучал колокольчик, а дверь в класс сама собой распахнулась.

– Пора на урок, – кивнула на вход Ирэн.

– Итак, ученики, – арис Нейтон пожевал губами и почесал кончик носа, – занятие подошло к концу, потому напомню, что оазис Альберга одобрил наш запрос о проведении экспедиции.

Мужчина достал бумажку и помахал ею в воздухе. Лист выглядел так, словно его от счастья сперва прижали к груди, а затем не

отнимали больше, так и храня возле сердца и изрядно помяв в процессе.

– Здесь стоит подпись самого энсгара^[4], чье слово в Альберге имеет решающее значение, а значит, нам предоставят возможность исследовать пустыню и дадут сопровождение. По этой причине я могу выбрать только самых одаренных учеников. А еще собираюсь назначить заместителя, который подменит меня при случае.

Он вынул из ящика еще одну бумажку и, как и предыдущей, помахал ею в воздухе.

– Я составил предварительный список.

Все принялись вытягивать головы, пытаясь рассмотреть слова, написанные мелким почерком, а ученики с задних рядов едва не завалились на впереди сидящих, в кои-то веки жалея, что забрались на галерку.

– Так, здесь у меня... ммм, хм, ага, и вот этот, и этот, и потом замена, да... Итак, заместителем назначаю Зою.

Кажется, кто-то все-таки упал там, на заднем ряду. Трен, сидевший на два стола выше чуть наискосок, бросил на меня столь выразительный взгляд, что я невольно принялась приглаживать волосы и поправлять ворот кофты. Черные глаза блеснули, а губы растянулись в дразнящей улыбке, и у меня сердце скакнуло к горлу. Из девчонок многие закатили глаза и покрутили пальцем у виска, намекая, что наш необычный и весьма увлеченный собственным предметом руководитель недалеко ушел от замены по умственному развитию, ибо в твердой памяти назначить такую, как я, на собственное место мог только не одаренный логикой человек.

– Зоя? – Учитель оторвал взгляд от листка и принялся разыскивать мое лицо среди остальных, хотя я, как обычно, сидела практически перед ним. – А, вот ты.

Он ткнул пальцем в начало списка и сунул его мне под нос, а затем принялся говорить, как если бы мы просто столкнулись в коридоре школы и принялись в очередной раз обсуждать наш грандиозный проект.

– Зоя, ты уникальна. Твой дар редкий. Пока я не встречал человека, способного при одном взгляде на предмет воспроизвести его с поразительной точностью. Вместе мы создадим превосходную книгу, опишем каждое чудовище, сотворим уникальное учебное пособие с

точными иллюстрациями, которое пригодится сотням, тысячам учеников!

– Арис Нейтон, а если вашу замену вдруг съедят, кто тогда заменит ее? В пустынях разное бывает, а чудовища такие голодные, – прервал учителя едкий голосок, вслед за которым раздался взрыв хохота.

– Это как – съедят? – возмутился Нейтон, обрывая смех. – Вы сами поняли, что сказали? Съедят моего главного иллюстратора? Тогда мы все не поедим в пустыни! Или думаете, будто можно организовать экспедицию, а потом не собрать материал для книги? Или думаете, что кто-то еще способен один раз взглянуть на чудовище, а затем его нарисовать? Или полагаете, будто сами сможете приблизиться к монстру настолько, что он даст себя рассмотреть в деталях и запомнить?

Все замолчали от греха подальше, позволяя арису выпустить пар. Наш рассеянный и добродушный учитель редко выходил из себя, вечно пребывая в собственных мыслях, но зацепи его за живое – и пожалеешь, что вообще открыл рот. В данный момент камнем преткновения стала моя персона, и я уже чувствовала сверлящие спину недобрые взгляды, а арис использовал все последующее время до звонка, рассуждая о сложностях изучения чудовищ, включая и ту, которая не позволяла исследовать уже неживых – многие из страшных созданий после гибели попросту рассыпались пеплом.

За дверь я выскочила едва ли не первой, меня опередила только Ирэн, поспешно покинувшая класс, что ей было определенно несвойственно. Однако ни удивиться этому, ни быстро сбежать самой и укрыться в укромном закутке у окна в дальнем коридоре мне не удалось. Чья-то рука ухватила за вытянутый рукав кофты и потянула назад с такой силой, что ткань сползла, оголив плечо. Я резко развернулась, когда уже другая рука обхватила за талию и крутанула меня к стене. Оказавшись между двух широко расставленных мужских ладоней, удобно легших на каменную кладку рядом с моими плечами и перекрывших путь к побегу с обеих сторон, я непроизвольно затаила дыхание.

Робко бросив взгляд поверх этих крепких ручищ на раздраженных девчонок неподалеку, я перевела взгляд на довольное лицо Трена. Он же оглянулся через плечо и с намеком спросил:

– Какие-то проблемы?

Одна из заводил, с досадой прикусив губу, ответила:

– Что ты, Трен, вообще никаких.

Парень усмехнулся и с вызовом бросил:

– Так не мешайте разговаривать, – и вновь повернулся ко мне, пока я провожала взглядом уходящих одnogруппниц.

– Зои, – Трен тоже предпочитал менять мое имя, тягуче произнося последнюю букву, словно каждый раз интересовался: «И-и-и? И как будем на меня реагировать?» Я среагировала как обычно – сердце заколотилось, и в горле пересохло. – Зои, – повторил парень, аккуратно возвращая на место вязаную ткань и слегка коснувшись обнаженной кожи. Мурашки пробежали по руке, а я непроизвольно сжалась, втянув голову в плечи, – скажи, а в том списке было мое имя?

Арис Нейтон столь увлекся повествованием о чудовищах, что единственной, увидевшей себя среди участников экспедиции, оказалась я. Однако волнение тогда было столь сильно, что других имен попросту не прочитала.

– Не знаю, Трен.

– В смысле?

– Я не рассмотрела.

– Ты не рассмотрела? – он недоверчиво хмыкнул и убрал со стены одну руку, запустив пальцы в мою густую слегка лохматую шевелюру. Заставив поднять опущенную голову, он посмотрел мне прямо в глаза. – То есть всякие мелкие ненужные детали ты можешь схватывать с первого взгляда, запоминать буквально на лету, чтобы потом зарисовать, а имена запомнить не в состоянии?

Я была способна нарисовать Трена прямо сейчас таким, каким он предстал передо мной: харизматичный, уверенный в себе, сильный, с темными-темными блестящими глазами, носом с горбинкой, волнистой почти черной прядью над низким лбом и бровями вразлет, но вспомнить, было ли его имя в списке, не могла. Мне оставалось лишь кивнуть.

– Думаю, арис Нейтон сейчас повесит его на доску, чтобы все могли прочитать.

И действительно, из класса вышел учитель, держа в руках вожденный листок, и направился прочь.

Трен мгновенно отлепился от стены, выпутал пальцы из моих волос и последовал за преподавателем. Я же слегка перевела дух и воспользовалась моментом, чтобы сбежать наконец в свой укромный уголок, где тишина позволила бы переварить последние новости, пока не прозвучит сигнал к послеобеденному чаю.

Однако меня ожидало большое разочарование. Кто-то уже занял мое укрытие. Впереди раздавались голоса, заставившие замереть на полпути. Особенно поразил громкий голос Ирэн, которая почти никогда не повышала тона.

— Я сама отлично справлюсь, Арриен! Твою бывшую невесту не нужно сопровождать в Альбергу. Не понимаю, что за странная идея пришла родителям в голову? Список утвердили сегодня, вдруг меня в нем даже нет? А ты сам разве забыл о расторгнутой помолвке? С какой стати опекаешь? Я вообще не хочу тебя видеть!

Подобное заявление от сдержанной идеальной Ирэн повергло в шок не меня одну, поскольку собеседник девушки тоже молчал некоторое время, а потом заговорил. Прозвучавший голос оказался не просто приятным, он странным образом обволакивал и затуманивал сознание, даря удивительное чувство неги, защищенности и покоя.

— Я собирался поехать к брату с женой. Когда обмолвился об этом твоему отцу, он упомянул про экспедицию и попросил согласовать поездку с тобой. Несложно отложить отъезд на пару недель и выехать вместе с вами.

— Нет! — рассерженной кошкой прошипела девушка. — Я запрещаю! Запрещаю! И если ты думаешь, будто ваш с отцом пересмотр договоренностей меня разозлил, то ошибаешься, ведь я терпеть тебя не могу! О нашей помолвке уже написали журналы, а потом они же извинялись за публикацию ложной информации и неподтвержденных слухов.

— Мне удивительно сознавать, что отмена договорного брака, когда все его нюансы обсуждались исключительно посредством писем и устных сообщений, могла вызвать в тебе столько эмоций. Ирэн, мы виделись лишь раз во время семейного праздника по случаю помолвки...

— А может, этого хватило? И почему не считаешь сегодняшнюю встречу, когда тебе пришлось в голову заглянуть в нашу школу, чтобы лично со мной поговорить? Это только вы, ваша странная, необычная

раса не способны чувствовать! Вы холодные, вы равнодушные! Вы ужасные! За что только вами восхищаются?

– Ирэн, – в мягком голосе говорившего не прозвучало и толики ответной агрессии, – порой лучше не начинать, чем после горько раскаяться, а я не смог бы дать...

– Да! Ты не смог бы дать ничего! Поэтому убирайся! Убирайся прочь! Не смей даже заикаться о помощи! Ничего мне от тебя не нужно. И видеть не хочу!

Тишина, а затем нарушивший ее звук быстрых шагов любого здравомыслящего человека заставил бы поскорее скрыться, чтобы не выдать своего присутствия, но я сообразила только прижаться к стене, когда из-за угла вылетела раскрасневшаяся девушка и промчалась мимо, едва ли заметив меня. Зато, едва следом за ней медленно вышел высокий мужчина, мы почти столкнулись лоб в лоб. Хотя вернее будет сказать, он имел все шансы встретить удар грудью, поскольку я оказалась ниже ростом.

Если незнакомец и был удивлен, обнаружив шпионку, ринувшуюся в обратном Ирэн направлении и едва не налетевшую на него, то не выдал этого. Лишь посторонился, собираясь меня пропустить, и мог бы вовсе спокойно прошествовать мимо, не обратив внимания, как это сделала одnogруппница, но я сама помешала.

– Как вы могли обидеть ее? Ирэн же замечательная!

– Простите? – Он был столь поражен внезапным вмешательством незнакомого человека в личные дела, что даже остановился. Брови слегка приподнялись, едва ли в полной мере выразив всю степень его удивления. Хотя шок от общения со мной являлся обычным делом, он не мог этого знать. Я всегда поступала не так, как принято, и если люди не начинали смеяться, то предпочитали просто сторониться.

– Глупо расторгать помолвку! Где вы теперь найдете вторую идеальную девушку? – вывалив на него разом собственные умозаключения, я замолчала, поддавшись чарам напавшего столбняка.

– Прошу меня извинить, – проговорил мужчина, явно желая уйти от новой неприятной сцены, но я застыла на его пути, и сперва следовало меня отодвинуть. Самой посторониться пока не приходило в голову – она была слишком поглощена осознанием полнейшего совершенства собеседника, без малейшего изъяна. Прежде идеальной я называла Ирэн, игнорируя отдельные недостатки внешности, вроде

широкого носа или достаточно массивной для хрупкого тела шеи. В этот миг, как никогда ранее, захотелось схватить альбом, тетрадь, кусочек листа и запечатлеть его образ. Мне доводилось находить красоту даже в ужасающей внешности, вроде облика тех же чудовищ, осознавая все соответствие внешнего вида и внутренней сути, а теперь перед глазами предстал их полнейший антипод. И еще прежде, чем взгляд замер на золотистой нашивке на рукаве, я поняла, кто передо мной. Люди несовершенны, идеальны только защитники.

Пальцы чуть подрагивали, когда рука потянулась вперед, чтобы обвести схематические контуры крыльев. Защитник. Первый за мою жизнь, которого увидела так близко вживую. И хотя я была достаточно закалена всякого рода потрясениями, сейчас третий раз за всю жизнь от волнения подогнулись колени. Только в этот раз, в отличие от предыдущих, когда никто не думал помогать, мужчина резко подался вперед. Он не подхватил на руки, как поступают с прекрасными принцессами, не прислонил к стене, освобождая напряженные ладони от лишнего веса незнакомой и наглой девушки, просто удержал за плечи. От его рук шло тепло, а от всего облика – поразительная энергетика, разметающая всю внутреннюю неуверенность, смятение и испуг от осознания неуместности моего поведения. И даже невзирая на его досаду, которую не могли не вызвать обвинения в глупости, он мне помог, а когда ощутил, что я снова крепко стою на ногах, отпустил, ловко подвинув в сторону:

– Прошу извинить, я тороплюсь.

И обогнул, едва задев рукавом, за который я и схватилась:

– Подождите!

Тончайшая ткань манжеты громко треснула, а мужчина снова замер, наблюдая, как кусочек дорогой вещицы повисает в моих пальцах некрасивым неровным обрывком. Защитник вскинул глаза, а я прошептала прямо в это идеальное лицо обладающего поистине железной волей существа:

– Какие они, ваши крылья?

В нашей стране самой закрытой общностью испокон веков оставались защитники, они надежно скрывали тайны своих способностей, точно так же, как и тайны собственных чувств и эмоций, никто не смел спрашивать о личном, о том, к чему доводилось прикоснуться лишь самым близким. Потому глупо было ждать ответа

от мужчины, на которого я наскочила из засады подобно чудовищу, но в этот момент раздался неудержимый хохот.

За углом притаились девчонки из группы, я узнала их смех. И судорожно сжала в пальцах полуоторванный батистовый кусочек, прижав к груди вторую руку. Мужчина едва повернул голову к источнику звука, затем окинул меня быстрым взглядом.

— Очень большие, — ответил он, мягко вытянул рукав из вцепившихся пальцев, оставив клочок, и наконец сбежал от моего общества. А когда он завернул за угол и миновал веселившихся одноклассниц, в той стороне тотчас повисло благоговейное молчание.

* * *

— Слушай, Трен, главное — не переборщи. Несколько капель достаточно. Особенно эффективно, если добавить в вино. Один бокальчик, и девчонка сама набросится.

— Да понял. — Трен сжал в руке крохотный бутылек.

— Знаешь, — расплылся в улыбке собеседник, — я бы еще понял, возмись ты красотку Ирэн очаровывать, но с этой, пф.

— Много ты понимаешь.

— А есть на что посмотреть под этими ее вязаными кофтами?

— После твоей настойки и узнаю.

— А усилий не много? Подмигнул пару раз, и дело в шляпе.

— Мне нужно наверняка. С ней же вечно непонятно, что учудит в следующий момент.

— Непредсказуемая малышка?

— Своеобразная. Я слышал, талантливые все с причудами.

— Прямо зацепила?

— Что-то есть, а главное — Нейтон меня в список не включил.

— Сочувствую.

— Девчонка его любимица. Замолвит за меня словечко, быстро переписет свой список.

— Какое коварство! Очаровать, соблазнить и воспользоваться. — Собеседник выставил ладонь, и Трен ударил о нее своей пятерней, отчего поставщик зелья даже поморщился. — Дерзай, а мне пора.

— Ага, исчезни, да держи рот на замке.

– Больно надо распространяться.

Парень в неприметной темной одежде быстро растворился в сумраке, свернув с широкой тропинки, ведущей к воротам учебного заведения, а Трен пошел в противоположную сторону, прикинув, что до свидания осталось часа два и есть время все подготовить. Опыт имелся большой, а в запасе хранились дурацкие романтические штучки вроде свечей, бокалов и даже звездного ока^[5]. Только явно не мешало не только вино поставить, но и чары навести, чтобы никто не появился в неподходящий момент. Испортят его шанс на поездку в Альбергу – заставит сожрать собственные ботинки.

Трен засунул руки в карманы и, насвистывая, направился к общежитию.

От новостей и тревог этого дня к вечеру разболелась голова. Я даже не поужинала толком, едва проглотив несколько ложек рассыпчатой крупы. Устала так, что подрагивали руки.

Помяв в руках кусочек ткани, я подбросила его в воздух, и он истлел, не коснувшись пола. Даже не пожалела на него затратного заклинания. Ах, какая же досада! Как я могла повести себя так, чтобы лишиться, возможно, единственного шанса узнать о крыльях. И вечно так: сперва бросаюсь вперед во власти внутренних переживаний, а после возвращаюсь в реальность. В этот раз, услышав смех одноклассниц, поняла, как глупый порыв выглядел со стороны.

А ведь помимо дневного происшествия вечером ждало свидание с Треном. Трен! Первое в жизни свидание, да еще с парнем, который нравился долгое время, но стал обращать на меня внимание лишь недавно.

Платье из шкафа я доставала бережно и осторожно. Его довелось получить в день выпуска из приюта, как раз перед поступлением в школу при элитной столичной гимназии. Нашу директрису настолько поразила новость, как я прошла конкурс и поступила на бесплатное обучение, что в тот день она впервые расщедрилась на необычный подарок, поднеся этот темно-зеленый наряд из мягкой ткани словно редчайшую драгоценность. Платье село по фигуре, столь разительно отличаясь от форменных приютских нарядов и связанных мной кофт и свитеров, что я себя не узнала в зеркале. С тех пор я хранила его для особых случаев, однако, надев сейчас, вдруг ощутила, что простому крою не хватает нарядности.

Мне ужасно захотелось разбавить его чем-то ярким, и я стала рыться в одежде, надеясь подобрать нечто подходящее. Возня и попытки приодеться, чтобы в кои-то веки выглядеть привлекательно, утомили сверх меры. Присев на кровать, я приложила ладони к вискам и принялась разминать, чтобы чуточку унять головную боль. Предстояло еще соорудить из вечно распушенной шевелюры нечто более приличное, в чем я совершенно не была мастером. Прислонившись к подушке, я зажмурилась, потихоньку массируя голову, пока перед мысленным взором проносились видения сегодняшних происшествий.

Когда я вновь открыла глаза, в окно светило утреннее солнце, освещая угловатую узкую комнату. Я резко села в кровати.

– Не может быть! Быть не может!

Я проспала собственное свидание!

Если настроение может быть мрачнее тучи, то ему в самый раз составлять контраст с обещавшим яркий солнечный день утром наступившей весны. И я брела в столовую на завтрак, уныло повесив голову. Даже по сторонам не смотрела, и потому резкий рывок за руку застал врасплох.

– Доброе утро, – проговорил Трен, но таким тоном, каким можно пожелать только благополучного упокоения.

– Трен, – прошептала с раскаянием, глядя в перекошенное лицо парня. – Извини, я...

– Ты держишь меня за дурака?

– Нет...

– Что это было? Я, как идиот, прождал всю ночь!

– Послушай, пожалуйста...

– Это ты послушай или лучше посмотри!

Он еще крепче сжал мое запястье и потащил куда-то по дорожке, извивавшейся вдоль забора между нашей школой, корпусами и домами, составлявшими основную часть сооружений известной гимназии Сенаториума^[6]. Сад занимал крохотную часть, но оформлялся лучшими знатоками своего дела, поскольку примыкал к искусственно высаженной роце гимназии. Потому даже на маленьком участке находились все необходимые составляющие миниатюрного

ландшафта, включая беседку в зарослях. В нее-то Трен меня и втолкнул.

Я вцепилась в ремень сумки, словно он был той соломинкой, что могла удержать на плаву, когда увидела по центру беседки напротив круглых скамей небольшой раскладной столик, накрытый на двоих. Со свечами, бутылкой вина и двумя наполненными бокалами. Впервые в жизни кто-то подготовил нечто подобное для меня, а я все проспала.

– Ну как, – парень выпустил руку и крепко сжал плечо, склонившись пониже, – я отлично подготовился?

– Прости.

– Прости? – он коротко рассмеялся. – Да ладно! Всего лишь «прости» за то, что разрушила тщательно продуманный план?

– План? – эхом повторила я, чувствуя себя самой несчастной на свете.

– Да, отличный план! Вот это, – он указал на один из бокалов, – твой, а в него, – мне под нос сунули какой-то бутылек, – добавлено отличное средство. Ты бы выпила пару глотков и здесь, прямо на этой скамье, с удовольствием мне отдалась.

– Что?

– А то, – он развернул меня лицом к себе и спиной к накрытому столу, – что ты пропустила жаркую ночь, возможно единственную, которая тебе светила, Зои. Я планировал соблазнить любимицу Нейтона ради поездки в пустыни.

Воздух со свистом вырвался сквозь сжавшиеся зубы. Тихий шелестящий звук, знакомый каждому, кому доводилось шипеть от боли. Я отшатнулась от парня, ударившись боком о стол. Бокалы качнулись, но устояли, звонко ударившись о бутылку.

Сжав ладонями край стола до хруста в суставах, я спросила, не глядя на Трена:

– А себе добавил?

– Нет, – он зло рассмеялся, – полагал, и так справлюсь.

Я схватила бокал, который он мне показал, и разом опрокинула вино в рот, а потом запустила им в стену, слушая звон осколков и пораженную тишину за спиной. Когда я резко обернулась, Трен перевел взгляд с разбитого бокала на мое лицо.

– Ты и правда ненормальная, – ошеломленно заявил он, – сейчас-то зачем?

– Ты хотел в пустыню, Трен? А знаешь, туда слабаков не берут!
– Кто слабак? – он стиснул зубы до побелевших скул.
– Сможешь выпить, как я, и продержаться под действием яда, тогда поговорю с Нейтоном. А пока ты – слабак!

Он молча приблизился к столу, нервным движением схватил еще целый бокал и откупорил бутылку. Ладонь слегка дрогнула, пролив тонкую струйку в вино. Парень схватился за тонкую ножку и опрокинул яд в себя, а после швырнул бокал вслед за первым. Я медленно опустилась на скамью, слушая, как затихает звон осколков на полу. Трен упал на скамью напротив, засунул руки в карманы и вытянул длинные ноги.

Действие дурманящей настойки ощутилось как жаркая волна, прошедшая по горлу. Сердце пустилось вскачь и стало трудно проталкивать сквозь легкие кислород. В животе закрутился и стянулся горячий узел, каждая клеточка стала больше, задышав жадно и ненасытно. Кожа вспыхнула, как от огня, и сразу все тело заныло, требуя прикосновений, ласк и поцелуев.

Я гулко сглотнула и прижала к груди сумку, с тревогой подняв глаза на Трена. Взгляд парня менялся, как и выражение лица, а потом он нервным жестом рванул ворот рубашки и подрагивающей пятерней провел сквозь густые черные пряди.

– Зои, – голос прозвучал хрипло и непривычно низко.
– Что? – мой остался на уровне шепота.
– Лучше беги.

Я сорвалась со скамьи, миновав ступеньки в полете, перепрыгнула на выложенную камнями дорожку и, молясь, чтобы не споткнуться, ринулась по направлению к общежитию. Позади раздался грохот, словно Трен сломал стол. Оглянувшись на бегу, я увидела, что он толкнул его ко входу, попутно обрушив всю живописную композицию романтического ужина. Стол опрокинулся, перекрыв проход, но парень уже запрыгнул на скамью и перемахнул невысокий бортик беседки. Я рванула прочь из сада на пределе сил, пока еще была способна соображать.

Глава 2

Негромкий стук привел меня в чувство. Я лежала на полу, так и не рискнув упасть в кровать в мокрой одежде. Ничто не мешало снять ее, сырую и холодную, кроме страха вновь испытать те же мучения. А в кувшине воды уже не осталось.

– Зоя, – из-за двери доносился голос Ирэн, – ты там? Меня аريس Нейтон послал узнать, все ли в порядке. В лазарете он тебя не нашел. Ты сегодня пропустила все уроки.

Я с трудом оттолкнулась от пола, чувствуя дрожь в каждой мышце – даже глаз подергивался, привстала на коленях, дернула за ручку двери – и вспомнила, как выкинула в окно ключ.

– Ирэн, – голос прозвучал слабо и тихо, но девушка расслышала.

– Что? Ты заболела?

– Нет, – хотя здоровой я себя не ощущала, – я ключ потеряла. Он где-то там, в траве под окном. Теперь не могу выйти.

За дверью замолчали. Спустя пару секунд Ирэн уточнила:

– Потеряла, но знаешь, что он под окном? А когда потеряла?

– Рано утром.

– Весь день в комнате просидела? И в столовой не была?

Как-то мне было совсем не до еды.

– Подожди, я посмотрю.

Куда же я денусь, конечно, подожду.

Вздыхнув, прижалась спиной к стене и прикрыла глаза. В окно подул холодный ветер, и дрожь снова охватила тело. Спустя довольно продолжительное время в замке заскрипело, и раздался щелчок. Ирэн отворила дверь и, заглянув внутрь, увидела меня на полу.

– Плоховато выглядишь, – проговорила она.

– Ты тоже, – удивилась я.

И хотя в мокрой одежде со слипшимися волосами и бескровным лицом я точно представляла собой жалкое зрелище, бледная и измученная Ирэн выглядела немногим лучше.

– Могла бы и промолчать. – Девушка зашла в комнату и огляделась. – У тебя просто каморка, даже душевой нет.

– А у тебя есть душевая? – Я с трудом поднялась на ноги.

– Думала, у всех она есть. – Ирэн обернулась. – Переоденься да ступай к Нейтону, он просил тебя на консультацию. Если ты здорова.

Я устало поплелась к шкафу, а девушка осторожно присела на стул.

– А ты сама здорова? – Я потянулась за одним из собственноручно связанных свитеров.

К моему удивлению, девушка пожала плечами.

– Понятия не имею, – ответила она. – Даже не знаю, можно ли назвать болезнью влечение к человеку. Или не совсем к человеку. Главное, абсолютно неясно, как так случилось. И самое странное, что оно не проходит, невзирая на обстоятельства. Испытывала нечто подобное?

Стоя спиной к девушке и стягивая через голову мокрую одежду, я лишь неопределенно хмыкнула, задумавшись над тем, прошло ли мое увлечение Треном после сегодняшнего происшествия, но вдруг со вздохом констатировала, что чувствами управлять намного сложнее, чем разумом.

– А еще меня мучают угрызения совести, – добавила девушка.

– Почему тебя? Не ты же помолвку расторгла.

Пока я поспешно натягивала свитер, Ирэн резко сказала:

– Ты нас подслушивала?

– Я просто шла мимо, Ирэн, услышала голоса... извини.

Этот день внезапно оказался полон бесконечных извинений.

– С твоей стороны это было некрасиво. Так не поступают. Следовало сразу уйти. Считается, слух о помолвке распустили журналы, а после его опровергли, и мне не нравится, что ты была очевидицей моего срыва. Я себя не контролировала, не подумав о возможных свидетелях.

Она резко прервалась и поднялась со стула.

– Да зачем я тебе объясняю?

– Мне кажется, он непременно пожалеет, что расстался с идеальной будущей парой, – проговорила я искренне, а выражение лица Ирэн смягчилось.

– Я тоже виновата, – произнесла она. Подозреваю, ей все же хотелось выговориться. – Проявила личную заинтересованность, а с ними так нельзя. С ними вообще, – она замаялась, подбирая слово, – непросто. Существует масса правил и условий, их мне объясняли

родители, когда обсуждалась только возможность помолвки. Но кто откажется породниться с защитниками? Сугубо деловой проект, куда не стоит вмешивать чувства. Я же с собой дважды не справилась. Вчера еще оскорбила, а сегодня написала письмо, что хочу извиниться при личной встрече. Так надеялась, что он придет.

– Я думала, ты не хотела его видеть.

– В том-то и проблема, – она вздохнула громче, – говоришь одно, желаешь другого. Видишь, совсем расклеилась, даже выболтала тебе все.

– Я никому не расскажу.

– Никто и не поверит, даже слушать не станут, – она пожалала плечами, что оставило неприятный осадок. Она выговорила мне, поскольку не нашла более подходящего объекта. – Сегодня день потерянных ключей и заклинивших дверей, – продолжила Ирэн. – У Трена тоже что-то приключилось в общежитии, парни сказали учителю, когда он спросил об отсутствующих. В общем, ты иди, Нейтон ждет.

Учитель и правда с нетерпением ожидал моего прихода и обрадовался, стоило переступить порог кабинета. Только мне эта встреча не добавляла энтузиазма, поскольку начали проявляться последствия выпитого зелья: напала слабость и стало морозить, да и голод усилился стократ.

– Зоя, у меня потрясающая новость!

Я присела возле стола, заваленного свитками, брошюрами и книгами, так или иначе упоминавшими разнообразных чудовищ и методы борьбы с ними.

– Сегодня я получу в руки уникальный дневник! Вещь раритетная, очень ценная, и, конечно, не в моих силах взять ее на долгое время, но нужно, чтобы ты посмотрела рисунки.

– А чей дневник? – я потерла ноющий лоб.

– О, – выдохнул арис Нейтон, пока я пыталась согреть ладони, – личная реликвия защитников. Лучше спроси, как я ее добыл. Невероятная удача! Вчера столкнулся нос к носу здесь, на территории гимназии, с Арриеном тен Лораном. Ты ведь знаешь, он брат энсгара Эсташа тен Лорана, который и подписал наше разрешение на поездку в пустыни?

– Нет, я не...

– Так вот, мы заговорили о чудовищах, об экспедиции, и этот приятный молодой человек упомянул в разговоре о дневнике, а когда понял, насколько ценной может оказаться для нас подобная вещь, согласился сегодня лично его принести. Это заставляет нервничать не на шутку. Мне даже страшно прикасаться к дневнику. Мы, конечно, собирали материалы повсюду, но дойти до самих защитников! Я полагал, подобный шанс представится лишь в пустынях. В общем, Зоя, ты единственная, кроме меня, кто сможет взглянуть на эту ценность.

– А он принесет ее прямо сюда? В кабинет?

– Да. И я бы, конечно, не посмел просить ни о чем подобном, но он сам предложил. Обещал вечером, когда будет свободен, ко мне заглянуть. И я ужасно взволнован.

Арис взглянул на часы и прошелся по кабинету, а я отчетливо представила, как он бродит так уже долгое время, поскольку невероятно нервничает и очень ждет встречи. Оно и понятно, поведать подробности о чудовищах из первых уст могли именно защитники, ведь они боролись с монстрами испокон веков, начиная с первого оплота защиты – башен Царима на границе страны.

– Арис Нейтон, может, я пойду, а взгляну на дневник в другой раз?

– Зоя! Ты плохо меня слушала?

Нет. Просто плохо себя ощущала, совершенно не в состоянии вновь увидеть защитника. Ведь опять могу наброситься, сморозить очередную глупость или выкинуть чего похуже. Мало отката, так и нервы совсем на пределе.

– Не будет другого шанса взглянуть на дневник. Я не могу взять на себя ответственность хранить столь ценный артефакт в собственном кабинете. В моих планах изучать его всю ночь, а утром вернуть. Тебе же достаточно просмотреть рисунки.

– Я сегодня вообще не в состоянии, арис...

Да и перед глазами плыло.

– Зоя, ты в полном порядке, выглядишь как обычно, это все нервы. Я сам волнуюсь.

От стука в дверь мы оба синхронно вздрогнули, да еще и посмотрели друг на друга с такими выражениями, словно обоих вот-вот хватит удар: учителя от радости, а меня от предчувствия очередного конца света.

– Добрый вечер, – оказывается, арис уже распахнул дверь и теперь обеими ладонями ухватил и тряс руку защитника. Я мгновенно отвернулась, надеясь стать максимально незаметной.

– А это Зоя! Моя уникальная помощница, – тут же представил арис.

Мне пришлось подняться и развернуться лицом к защитнику.

– Вы меня, наверное, не помните, – пролепетала и спрятала за спиной вспотевшие от волнения ладони, вместо того чтобы протянуть их галантному мужчине. Ему пришлось заменить привычное приветствие легким поклоном.

– Я вас помню, – со спокойной и непоколебимой уверенностью ответил защитник.

– Очень досадно, – сорвалось у меня с языка.

– У Зои отличная, просто феноменальная память, – тут же вмешался учитель, говоря о своем и не замечая ни моего состояния, ни легкого удивления защитника моим ответом.

Вздых сам собой сорвался с губ. Ну вот, началось.

– Зоя! – арис Нейтон вскричал с таким надрывом в голосе, что я не на шутку испугалась и думать забыла о нормах поведения. – Мои очки, где мои очки?

Только сейчас я обратила внимание, что, пока прятала от защитника руки и пятилась в дальний угол комнаты, учитель пытался вывернуть наизнанку собственный стол.

– Их здесь нет!

От подобной скорби могло бы дрогнуть любое сердце. Вновь отсрочить драгоценную минуту прикосновения к дневнику из-за такой мелочи, как очки. А ведь без них не разглядеть в деталях вожаденные строки и иллюстрации.

– А где вы ими пользовались в последний раз? Может, на уроке?

– Подождите, – умоляюще сложил руки учитель, обратившись к защитнику, – только не уходите, не оставляйте дневник без присмотра. Я мигом!

– Арис Нейтон, давайте... – начала я – и закончила в захлопнувшуюся дверь: – схожу.

Преподаватель улетел так скоро, словно у него выросли крылья, а порыв воздуха от двери усилил озноб. Спокойный и невозмутимый защитник прошелся вокруг стола, остановился неподалеку, достал из

внутреннего кармана мягкой замшевой куртки книжку в кожаной обложке и положил ее на столешницу. Затем он вдруг стянул куртку с плеч и подал мне:

– Возьмите.

Я перевела ошеломленный взгляд на его руку. Мне? Он предлагал ее мне? Я представила, как закутываюсь в теплую ткань, крепко сжимаю на груди полы куртки, так крепко, что потом никто не вытряхнет из этой чудесной вещи. И отшатнулась, словно он протягивал по меньшей мере змею.

– Не надо!

– Прошу прощения, – мужчина опустил руку, – не хотел напугать вас... курткой.

– Мне она ни к чему.

Я снова сжала руки крепче, чтобы ни в коем случае не вцепиться в заманчивый предмет, совершенно не представляя, как девушкам положено вести себя в подобных ситуациях, а потому добавила, скрывая собственную неловкость:

– Здесь не холодно!

– Тогда почему вы дрожите?

– Я дрожу от озноба, а не от холода.

– Разве одно с другим не связано?

Удивительно, но в его голосе не было и намека на насмешку, затаенную жалость к человеку с явно ограниченными умственными способностями или досаду, когда люди находят поведение собеседника неадекватным. И он точно охарактеризовал мой жест, назвав его испугом, словно мог считывать эмоции.

– В данном случае не связаны. Просто оставьте вашу шикарную вещь на собственных плечах. Я в порядке. В полном-преполном порядке.

Он слегка наклонил голову, будто отстраненно изучая нечто интересное, а потом, абсолютно не меняя выражения лица или тона голоса, ответил:

– Нет, не в порядке.

Я растерянно замолчала. Обычно мне доводилось всех шокировать, а теперь меня саму выбили из привычной колеи. Он как-то не так реагировал, вел себя не так, но оставался исключительно вежлив. Пришлось опустить глаза и сосредоточиться на изучении

кончиков его туфель, поскольку для полноты душевного смятения не хватало только нашивки в виде очертаний крыльев, что виднелась на плече его рубашки.

Напрочь проигнорировав его абсолютно верное утверждение, на которое я не нашла ответа, и рискуя вновь оскорбить воспитанного мужчину, я молча плюхнулась на стул и стянула со стола дневник, открыв его резко и совершенно без должного уважения. Учитель бы руки оторвал, увидев.

Вот сейчас изучу и пойду, и он тоже пойдет и унесет свою куртку с собой. Мало ведь идеального поведения, защитник еще и одевался с безупречным вкусом. Сам красивый, и вещи красивые и, наверное, ужасно удобные. Я громко вздохнула и перелистнула страницу. Перелистнув, вдруг осознала, что абсолютно ничего не уловила на предыдущей. Попробовала всмотреться в строчки, которые плыли перед глазами. Почему так сложно разобрать смысл? Неужели книжка написана на древнем языке?

– Если перевернуть дневник, читать станет удобнее, – прозвучал совет.

Я перевернула, и все встало на свои места, теперь непонятные значки складывались в слова, но, странное дело, то тут то там недоставало черточек. Стоило присмотреться к буквам, как часть черт начинала куда-то уплывать или перескакивать. Словно оживали. Я потерла лоб, передернула плечами, которые вновь сжало в холодных тисках, и перевернула еще одну страницу. Здесь была картинка, она изображала одно из чудовищ, но стоило попробовать уловить детали, как части рисунка опять куда-то перескочили. Я нервно захлопнула дневник.

Взгляд сам собой метнулся к красивой нашивке из золотых нитей на плече у защитника. Это схематическое изображение крыльев я разглядела и запомнила вчера, но теперь в нем тоже недоставало фрагментов.

Мужчина как раз склонился над столом, заинтересовавшись одним из рисунков, выполненных мной для ариса Нейтона. Я же поднялась и быстро протянула руку, коснувшись нашивки. На ощупь она оказалась цельной, никаких оборванных нитей или недостающих частей.

Откат! Будь он неладен! Рухнули все планы учителя. В теперешнем состоянии я ни одного изображения правильно не запомню.

Арриен тен Лоран повернул голову, проследил за моими пальцами, выводящими плавные линии на его плече, потом взглянул на меня, отчего я осознала, что ощупываю не просто нашивку, но, в общем-то, самого защитника.

— Простите, — севшим голосом пробормотала я, собираясь тут же отдернуть руку. Но вместо этого стиснула ткань в кулаке, слегка покачнувшись. Защитник даже не поморщился от щипка, но накрыл ладонью мой кулак, крепко прижав к своему плечу, чтобы не вздумала снова рвать чужую одежду, и осторожно уточнил:

— Хотите взять нашивку на память?

В шоке от самой себя я вскинула голову, успела поразиться тому, как же близко прильнула к нему, такому ужасно красивому, к какому девушки, наверное, льнут довольно часто, и попыталась отобрать руку.

— Разожмите для начала ладонь.

Разжала. Он отпустил. Точно канатоходец на представлении, покачиваясь в стороны, я отступила и запнулась о ножку стола. Защитник рефлекторно дернулся ко мне, но, предупреждающим жестом выбросив ладонь: «Я не буду падать», — я тут же приземлилась на ловко подставленный стул. Скрип ножек по полу еще звучал в ушах, к тому же я успела заметить быстрое движение мужской ладони. Надежной и широкой. Ее тепло до сих пор ощущалось кожей.

— Вы все еще в полном-преполном порядке? — уточнил защитник.

— Всего лишь в полном — и то не до конца.

— Не лучше ли отправиться домой и отдохнуть? — спросил он, проявляя чудесное умение невозмутимо поддерживать беседу абсолютно с любым собеседником и в любом состоянии, но ответить мне не довелось. Дверь распахнулась, и в нее влетел счастливый арис Нейтон.

— Нашел!

Он лихорадочно зашарил взглядом по столу и остановился на моей руке, которая неуважительно сжимала древний дневник, заложив пальцем страницу. Какое счастье, что не уронила, пока качалась и ощупывала защитника.

— Ты уже читаешь?

Право слово, судя по выражению учительского лица, лишить ребенка желанной конфеты было более гуманно, чем прежде преподавателя раскрыть этот чудесный дневник.

– Просто взглянула на рисунки, – я быстро переложила книжку на стол.

Учитель мигом сцапал ее, придвинул к себе и, сбив на кончик носа очки, трепетно перевернул первую страницу.

– Арис, – я кашлянула, пытаюсь привлечь внимание.

– Дам тебе посмотреть, но попозже, – отмахнулся Нейтон.

– Арис, там все черточки на месте или каких-то не хватает?

– Какие черточки? – учитель так удивился, что даже оторвал глаза от дневника.

– В буквах, – почти шепотом поинтересовалась я.

Мужчина взглянул вниз и пожал плечами:

– Буквы как буквы, – он прицокнул языком, досадуя, что не даю ему сосредоточиться. – Зоя, не отвлекай. Ты задерживаешь уважаемого гостя. Простите нас, – обратился он к Арриену, – достало и беглого взгляда. Разобраться в написанном не составит труда. Здесь все доступно изложено.

Молча наблюдавший за нами защитник слегка склонил голову.

– Тогда оставлю вас. – И вдруг повернулся ко мне: – Вас проводить?

Я ощутила себя точно так же, как и в момент с курткой.

– Меня? Проводить?

– Зою? – повторил не менее удивленный учитель. – Зачем провожать Зою? Она же не заблудится. Да и не пойдет никуда, она тоже хочет посмотреть дневник. Мы вместе будем изучать его до утра! – Его глаза засверкали ярче драгоценных камней. – А иначе она просто не успеет запомнить рисунки.

– В ваших планах изучать его всю ночь?

– Конечно! Да разве можно уснуть? Я понимаю, что подобное удивляет, но вы владели этой вещью всегда!

– У меня нет намерения лишать вас удовольствия изучить его подробнее в любое удобное время.

– Я не могу оставить его без присмотра! И носить с собой тоже опасно! А если потеряю! А если украдут? Нет! Нет! Завтра же утром его верну!

Защитник перевел на меня задумчивый взгляд и, наверное, не углядел в лице того же воодушевления, каким светился мой учитель. Он снова посмотрел на Нейтона.

– Все дело в возможности потерять?

– Конечно!

Арриен тен Лоран, не размениваясь более на лишние фразы, склонился над столом и провел по раскрытой книге ладонью, после чего выпрямился.

– Теперь я заберу его, когда вы в полной мере ознакомитесь с содержанием.

– А что вы сделали? – не понял учитель и даже закрыл книгу, посмотрел на обложку, потом заглянул с обратной стороны, но ничего не увидел. Перелистнул пару страниц, и опять ничего.

– Попробуйте поднять, – проговорил Арриен.

Последующие минут пять я наблюдала, как с упорством истинного ученого арис Нейтон тщетно отдирает дневник от стола.

– Это как же? – запыхавшись, поднял он голову.

– Никто не унесет его отсюда, пока я лично не заберу.

Я с облегчением перевела дух. Все это время сидела, чувствуя себя ужасно виноватой, что физически не в состоянии справиться с возложенной задачей, а когда мой излишне шумный вздох привлек внимание учителя, поднялась, слегка опершись на стол:

– Арис, я тогда пойду, не стану вам мешать, а изучу его завтра.

– Завтра? – не поверил Нейтон.

– Да, – ответила, немного смутившись.

– Ты сможешь ждать до завтра?

– Полагаю, ваша помощница просто нуждается в отдыхе, – ответил за меня защитник, когда я промолчала, покраснев от осуждающего взгляда преподавателя, возлагавшего на будущую замену в экспедиции столь огромные надежды.

– В отдыхе? Разве с ней что-то не так? – уточнил почему-то у защитника Нейтон.

– Почему бы не спросить у нее? – Арриен с легкой улыбкой невозмутимо откrestился от чести заявлять от чужого имени.

– Зоя, что с тобой не так? – потребовал ответа Нейтон.

– Просто устала, арис.

– Устала! – Он фыркнул, словно ниже пасть в его глазах после этой фразы было некуда. – Ну что же, иди тогда. Буду ждать тебя завтра после уроков. Надеюсь, завтра прогулов не будет?

– Нет.

– Хорошо.

Он великодушно махнул в сторону двери, а сам снова схватился обеими ладонями за руку защитника.

– Благодарю вас, это такая честь...

Точно зная, что последует долгая фраза, ведь в короткой попросту не вместится вся переполнявшая ариса благодарность, я быстро выскользнула за дверь.

Держась за стеночку, спустилась по ступенькам и вышла на улицу. Холод снаружи просто сбил с ног. Умом я понимала, что температура вовсе не упала ниже нуля, но никто не смог бы втолковать это моему дрожащему, страдающему от отравления телу.

– Бр-р, – я обхватила себя за плечи, – вот т-теперь не прост-то озноб.

Я попробовала ускорить шаг, чтобы хоть немного согреться, но тут тропинка начала двоиться перед глазами, и пришлось замереть, чтобы определиться, какое же из двух направлений верное. Встав посреди тропы, услышала тихий шелест шагов за спиной.

Я обернулась и увидела неторопливо идущего за мной защитника. Уже? Учитель еще минут пятнадцать должен был его благодарить.

– Так б-быстро? – вырвалось у меня.

– Не люблю долгих прощаний, – ответил мужчина и замедлил шаг.

– Меня н-не нужно провожать, – повторила я.

– Я иду к воротам, разве они не в той стороне?

Он указал направление, я проследила за рукой и наконец поняла, которая из дорог верная. Кивнула и отвернулась, ощутив себя глупее некуда, ведь замерла у него как раз поперек пути. Я поспешно продолжила путь, а защитник пошел следом, не ускоряя и не замедляя шаг.

Тропинка перед глазами неожиданно растроилась, и я опять остановилась. Пришлось отрывать взгляд от земли и искать впереди очертания строений. Холод пробрал до самых костей. Отличная была идея отплатить Трену его же монетой. Хуже затеи выпить отраву был только поход к арису Нейтону.

В этот момент мне пришло в голову, что своими маневрами я определенно мешаю защитнику, мельтешу перед глазами и загораживаю путь. Я чуть-чуть сдвинулась в сторону, но проблема с координацией в теперешнем состоянии сыграла злую шутку, и с тихим вскриком я повалилась в кусты. Наверное, так бы в них до утра и ночевала, и большего позора уже невозможно было представить. Все воображаемые неприятности, которые я предчувствовала, едва учитель упомянул о визите защитника, произошли.

Мужчина свернул следом столь хладнокровно, словно сюда и лежал его путь. Он присел на корточки и принялся выпутывать меня из цепкого кустарника.

– Вы отлично себя чувствуете, – произнес Арриен тен Лоран, выуживая меня из ломких веточек пострадавшего растения, – и предпочитаете идти по тропинке зигзагом, чтобы дольше наслаждаться прогулкой.

Я сделала вывод, что в теперешнем состоянии лучше вообще молчать, но тут же нарушила зарок, протестуя замывав, когда он начал укутывать меня в собственную куртку.

– На ней тоже есть крылья, – мягко увещевал защитник, явно приравняв меня в исследовательских устремлениях к арису Нейтону, – можете их изучить.

– Где?

– Здесь, – мужская рука указала на выдавленные на коже линии. Но уговаривать уже не было необходимости, поскольку сопротивление угасло в зародыше, едва на плечи легла мягкая ткань. Она совершенно нереальным теплом для обычной с виду вещи окутала тело. Я судорожно ухватилась за отвороты и вцепилась в них точь-в-точь как воображала это в кабинете.

Куртка чудесная, а день ужасный – закономерное продолжение вчерашних жестоких слов Трена.

– Идемте.

Он помог мне встать и отпустил мои плечи, но остался рядом.

Мне прежде казалось, что истинные защитники – это некие идеальные божества, слишком возвышенные для проявлений земных эмоций. Они поддерживали людей, поскольку их предназначение в том и состояло – защищать, но манера обращения, которую демонстрировал Арриен тен Лоран, совершенно сбивала с толка.

– Зачем вы мне помогаете? – вероятно, стоило сформулировать четче, но он и так уловил смысл.

– Видел ваш рисунок, – словно продолжая прерванный разговор, произнес мужчина, мягко направив по правильной дороге, – идеальное изображение. Можете представить, если на нем вдруг поменять местами хвост и голову чудовища? Какие у вас возникнут ощущения?

– Премерзкие, – я поморщилась.

– Такое же чувство.

– У вас? Рядом со мной?

Я чуть не задохнулась от нового взрыва эмоций, но попросту не успела, поскольку защитник продолжил:

– Рядом с тем, кому нужна помощь.

И все. Коротко, без подробностей, но очень понятно для меня он обрисовал эту их главную особенность, предназначение – защитить любого, кто пострадал. Я крепче сжала пальцами мягкую кожу, а второй рукой украдкой погладила отпечаток крыльев.

Когда впереди показалась освещенная дорожка, ведущая напрямик к общежитию, защитник остановился.

– Благодарю за чудесную компанию, – он подхватил мою опущенную руку и, пока я ошарашенно моргала, легонько прикоснулся к ней губами, – приятного вам вечера.

Повернулся и скрылся из виду, прежде чем я сообразила ответить и тоже его поблагодарить. Я опустила изумленный взгляд на ладонь и слегка покрутила ею в воздухе, ощущая все нарастающее тепло в том месте, которого едва коснулись его губы. Сперва жар поднялся выше к локтю, плечу, горлу, стало сложнее дышать, потом тепло заполнило грудь, сменяя въедливый холод, затем и вовсе испарина проступила на висках, а ветер сдул ее. Сделав несколько быстрых вдохов, я развернулась лицом к дорожке и поняла, что вижу теперь более отчетливо, чем прежде, да и шатать стало меньше.

О том, что куртка осталась на моих плечах, я вспомнила только у самого крыльца и вновь развернулась, торопливо направившись обратно, но оказалось, что спешить не следовало. Голоса защитника и Ирэн звучали из-за ближайшего дерева, перед которым я затормозила. Похоже, мужчина столкнулся с девушкой у общежития, поскольку ему пришлось меня провожать.

– Значит, твой приход не связан с моим письмом? Но я же хотела извиниться.

– Прийти на встречу лишь ради того, чтобы вынудить девушку извиняться?

– Я повела себя неправильно...

– Ирэн, – он говорил совсем негромко, но она мгновенно замолкла, – не стоит.

Чего именно не стоит, защитник не пояснил. Но понять было просто. Не стоило рубить хвост по частям. Ирэн сама признавалась, что письмо было попыткой заставить его явиться на новую встречу. Девушка, вероятно, все же надеялась на что-то, а он это понял. Признаюсь, прежде я и не подозревала в ней подобной эмоциональности. Ирэн вновь сорвалась:

– Значит, так вы поступаете? Вы, защитники? Подобным образом проводится грань? Барьер, за который нам, простым смертным, не шагнуть в ваш мир? Вежливо, но жестко, да, Арриен?..

Она продолжила говорить, но мне наконец достало ума сообразить, что ситуация повторяется. Я вновь подслушивала их разговор, хотя вовсе этого не хотела. Нет. Нужно поскорее уходить, а куртку можно будет оставить у ариса Нейтона. Защитник унесет ее с собой, когда заберет дневник.

Я торопливо отступила и вернулась на дорожку. Оказавшись в собственной комнате, аккуратно повесила куртку на стул, стянула свитер, а после легла на кровать. Стоило умыться, но едва легла, как не осталось сил на то, чтобы подняться. Умоюсь утром, а пока...

Я заснула, не успев додумать эту мысль. А ночью впервые за очень и очень долгое время увидела старый кошмар. Мельтешение безликих фигур, крики, страх и быстрые тела чудовищ, снующих среди людей. То тут, то там резко обрывающиеся вопли. Тонкие руки, обхватившие мои плечи, и дрожащий шепот: «Девочка моя. Прости нас, милая, не смотри». А потом эти хрупкие, но укрывающие меня объятия вдруг исчезли, и резкий удар сбросил меня вниз с песчаной кручи. Я покатилась и остановилась у подножия, а там все-таки вскинула голову и посмотрела. Вот тогда первая картинка намертво отпечаталась в моем мозгу, и после проявилась феноменальная способность запоминать изображения в деталях с первого брошенного взгляда. А потом я закричала, а чудовище с окровавленной пастью

бросилось вниз. Его зубы почти сомкнулись на моей шее, но в это мгновение путь монстру преградил человек. Лицо мне не довелось увидеть, только исполозованную спину, разорванную рубашку и лоскут ткани на изодранном плече, где виднелись линии причудливого рисунка, скрещивающиеся и складывающиеся в схематичное изображение крыльев. «Беги!»

Я проснулась, задыхаясь, дрожь била с такой чудовищной силой, что по кровати пришлось буквально ползти. Кое-как дотянувшись до спинки стула, я стащила куртку и закуталась в нее вместо одеяла, уткнувшись лицом в выдавленный на коже рисунок. Сердце постепенно переставало бешено колотиться, а я плотнее завернулась в мягкую теплую замшу и провалилась в новый сон уже без сновидений.

Глава 3

Первым уроком в этот день шло законоведение, и ведущая его учительница была полной противоположностью Нейтона. Для нее отсутствие на уроке приравнивалось к нарушению разом всех статей принятого в Кенигхэме кодекса. Благо меня абсолютно отпустили последствия выпитого приворота, даже голова не болела и тело не ломило. Отличное было состояние, за исключением зверского голода, с которым я очень быстро расправилась в столовой.

В классе я привычно устроилась за отдельным столом и раскрыла тетрадь, собираясь, как обычно, поделаться зарисовки, когда на столешницу легли широкие ладони. Подняв глаза, вздрогнула.

– Доброго утра, Зои, – проговорил очень злой Трен. Правда, вздрогнула я не от ощущения исходившей от него ярости, а от того, каким измученным он выглядел. – Как самочувствие?

– Хорошее, – ответила чистую правду.

– А у меня паршивое. Паршивей некуда! Всю ночь не спал из-за идиотского озноба и ощущения, будто на меня падают стены, а теперь так болит голова, что утром кусок в горло не лез. Зверски хочу есть, но, думаю, вывернет наизнанку.

До его рассказа я полагала, что мне стало лучше, поскольку тело справилось с отравой. Но сейчас вспомнился поцелуй руки, и я усомнилась в силе собственного организма. Ведь именно после прикосновения защитника состояние начало стремительно улучшаться, а ночью дрожь скорее была спровоцирована кошмаром, чем приворотным зельем.

– Значит, легче перенесла? – прищурился Трен.

Я кивнула, ведь это была правда. Но если бы парень нарушил данное слово и снял напряжение, используя приворот по назначению, то тоже ощущал бы себя гораздо лучше и не выглядел бы настолько кошмарно.

Трен еще не успел отойти от моего стола, когда сзади его хлопнули по плечу.

– Эй, Трен! – Он резко обернулся.

– Ого-го! – присвистнул одноклассник. – Паршиво выглядишь. Слышал, на свидание ходил с ней.

Он кивнул в мою сторону и захохотал.

– Да ты рискованный. Отважился пойти с нашей ненормальной. Потому сейчас живым мертвецом смотришься?

– Заткнись, Дел.

– Чего? – парень резко оборвал смех.

– Что слышал.

– Не понял. Я тебе посочувствовал. Сказал, что с ненорм...

Он не успел договорить. В следующую секунду Дел свалился на пол, зажимая ладонью расквашенный нос.

– Да ты спятил, идиот! – загнул Дел, пока несколько человек бросились его поднимать. – От нее заразился?

От следующего удара, пришедшегося в ухо, парень вновь не упал лишь благодаря поддержке других, но взвыл хуже раненого зверя и бросился на Трена, вырвавшись из рук одноклассников. Завязалась нешуточная драка.

Я быстро опустила глаза и принялась обводить плавно изгибающиеся линии рисунка, надавливая на грифель чуть сильнее, чем нужно. Никогда не любила драки, вид крови и жестокости.

– Это что такое! – громкий возглас вошедшей донь^[7] Лиес заставил мужскую часть нашей группы броситься разнимать сцепившихся драчунов. Трена оттащили трое, а Дела удержал один – лучший друг нашей звезды.

– Вы, – голос законницы срывался от гнева, – лучше места не нашли? После урока будете наказаны! А теперь быстро навели порядок после этой свалки! И закрепите обратно доску.

Трен махнул приятелям, и те мигом кинулись выравнивать столы, поднимать упавшие вещи, а сам герой побоища вновь облокотился о мою столешницу. Поскольку глаза на него я не подняла, он накрыл рукой лист тетради.

– Ты это всерьез? Рисуешь, пока начищаю за тебя морду дурному остолопу? Даже не смотрела!

– Зачем смотреть? – Я встретила недовольный взгляд Трена.

За меня прежде никто не дрался из-за нанесенного оскорбления. И именно это смущало больше всего. Я снова попыталась опустить голову, но Трен схватил меня за подбородок.

– Он тебя обозвал, я набил ему морду, но тебе все равно? – возмущенно прошипел парень.

Никому и никогда не было дела до ругани в мою сторону, я и сама привыкла пропускать ее мимо ушей. Что тут скажешь?

На мгновение я задумалась и тут же пожала плечами:

– Я ведь не просила. Решила, ты хочешь выпустить пар.

– Ты это серьезно? Не просила? Да? – Стоило видеть, как изменилось и перекосилось его лицо. – Ладно!

Он резко сдернул со стола руку, попутно зацепив и уронив на пол тетрадь. Мне пришлось подниматься и подбирать ее, пока Трен широким шагом направился в другой конец класса, где шумно уселся за стол.

Победитель в схватке, он демонстративно устроился на месте, где предпочитал сидеть Дел. Тот бросил в ответ злобный взгляд, отер с лица кровь и занял другой стол в противоположном конце, согнав из-за него девчонок. Учительница хлопнула в ладоши, привлекая внимание, и начала с опроса, кто присутствует на уроке.

* * *

Трен посмотрел туда, где Зои, вновь открыв обшарпанную тетрадь, что-то рассеянно набрасывала на одном из уже испещренных множеством линий листочков.

Что за странная девчонка? Другая бы пицала от радости, а эта даже не смотрела за дракой, начавшейся из-за нее. Что вообще с ней делать?

– Трен, ты просто настоящий защитник, – зашептали за спиной. Парень слегка повернул голову. – Было б из-за кого!

– Ревнуешь, Олли?

Девушка громко фыркнула, словно подобный ответ ее позабавил. На самом деле, конечно, ревновала. Уже полгода, если не больше, она отчаянно строила ему глазки, а как-то на одной вечеринке они неплохо провели время, уединившись вдвоем. Но с тех пор парень не выказывал желания продолжить знакомство, а девчонка явно злилась и продолжала попытки снова привлечь внимание.

– Глупо ревновать к девице, что уединяется по кустам с какими-то мужиками.

Трен слегка напрягся.

– Вчера собственными глазами наблюдала, как твоя очаровашка выбирается из зарослей на тропинку в сопровождении мужчины.

– Кого? – сквозь зубы спросил Трен.

– Не разглядела.

– Раз не разглядела, то и помолчи. Ты им свечку не держала, так и не распускай слухи.

– А иначе что? Ударишь меня, как Дела?

– Отхожу по мягкому месту, чтобы сидеть не могла.

Она снова громко фыркнула, сопроводив этот звук кокетливым взглядом из-под ресниц, словно была совсем не против обещанной порки. А парень положил подбородок на кулаки и снова посмотрел на Зою, которая в этот миг вскинула голову и поднялась, вызванная учительницей отвечать.

Она прошла к доске и взялась за меловой грифель, вскинув повыше тонкую руку. Мешковатый вязаный свитер висел на покатых узких плечах, сползши с одного и слегка оголив очень белую, почти мраморную кожу. Широкая цветастая юбка открывала только стройные икры. А волосы, как обычно, лежали на плечах светлыми «рассеянными», как она сама, прядями. Однако во всей ее позе не ощущалось ни напряжения, ни усталости, да и девушка призналась, что чувствовала себя хорошо.

Ладно. Он лично выяснит у нее после уроков, кто это такой отзывчивый взялся ей вчера помогать.

Я собралась отправиться к айрису Нейтону сразу, не заходя по пути в общежитие. Учитель наверняка с нетерпением ждал, чтобы я поскорее занялась переносом рисунков на отдельные листы, которые затем послужат прообразом иллюстраций для нашей энциклопедии. Однако мне не довелось уйти дальше коридора, окончившегося тупиком у окна. Именно сюда затащил меня Трен, незаметно отправившийся следом, едва прозвучал звонок к концу занятий.

– Зою, а давай поговорим, – начал он, перекрыв мне путь к отступлению.

– Разве ты не наказан? – уточнила я, рассматривая наливающийся на скуле парня синяк.

– А, это, – он махнул рукой. – Задание уже выдали, нужно отдраить ботанический класс, там снова разлили удобрения. Дело не проблема, потому подождет.

Он вдруг вытянул руки, крепко обхватил меня за талию и, подняв, усадил прямым на подоконник. Сумка соскользнула с плеча на пол, а парень небрежно подцепил ее ногой, оттолкнув подальше, чтобы самому удобнее было встать максимально близко.

– Расскажи-ка мне, Зои, как ты так быстро избавилась от последствий отравы? Тебе кто-то помог?

– Помог.

– Вот как! – Он внезапно изменился в лице. – Ты что, отправилась искать помощника сразу после того, как сбежала из сада?

Трен разговаривал странным тоном, в котором смешались и злость, и возмущение, словно я совершила нечто абсолютно противозаконное.

– Нет. Сразу я отправилась в общежитие. А это случилось уже вечером, когда шла от ариса Нейтона.

– В смысле – случилось? – Трен внезапно побледнел. – Тебя кто-то заставил? У меня к вечеру уже откат начался!

Я не поняла, отчего он вдруг так разнервничался, что деревянный подоконник буквально захрустел у него под пальцами.

– Я сама не знала, что он мне помог, – попыталась его успокоить, наблюдая, как взгляд из злого становится ужасно недоуменным.

– В смысле?

– Не заметила.

Он внезапно закашлялся и даже убрал одну руку, чтобы потереть лоб.

– Зои, как такое в принципе можно не заметить?

– Поцелуй был данью хорошим манерам, только и всего.

– Поцелуй? – Трен выглядел шокированным. Словно прямо сейчас я разрушила всю его привычную картину мира.

Парень попытался снова что-то спросить, захрипел, откашлялся и опять заговорил:

– Давай четко и по существу. Что тебе помогло?

– Поцелуй. Поцелуй руки.

Он отстранился и несколько неуверенно хохотнул.

– Серьезно?

– Да.

Я перевела взгляд на его ладони, снова поймавшие меня в западню, и негромко вздохнула.

– Не переживай, я сдержу слово. Сейчас отправлюсь к Нейтону и поговорю с ним о твоём участии в экспедиции.

Казалось, более удивленным Трен уже выглядеть не мог, но сейчас я его просто ошарашила.

– Цахарис! Реально же, поездка!

– Ты ради нее меня опоил, – прервала я, чтобы не слушать вновь те слова, что уже причинили достаточно боли, – отойди, Трен. Чем быстрее отправлюсь к учителю, тем быстрее поговорю о тебе.

– Да Цахарис с тобой! – внезапно выругался парень. – Я умудрился забыть о проклятушей экспедиции.

И вдруг он наклонился ко мне и совершенно неожиданно поцеловал в губы.

Мой первый в жизни поцелуй буквально обездвигил и абсолютно лишил сил, в теле словно не осталось ни единой цельной косточки, они разом расплавились, и не было сил сопротивляться или оттолкнуть. И даже обида вдруг начала отступать. Лишь недоверие все еще держало меня здесь, в этой реальности. Привычка не давать второго шанса тем, кто однажды предал. Но прикосновения губ...

Прежде мне доводилось слышать разные высказывания, когда девчонки из группы, хихикая, громко обсуждали между собой поцелуи. То слишком мокро, то что-то про ужасный запах или слабый напор, то – что это было совершенно пресно и скучно. Некоторые же, напротив, заявляли, будто, если парень это умеет, ощущения поистине волшебные, и земля уходит из-под ног.

Вероятно, Трен как раз умел, потому что раньше мне сложно было представить, что в прикосновениях губ может уместиться столько разных эмоций. Но стоило хоть раз ощутить, что есть поцелуй на самом деле, как все встало на свои места, и все слова сделались понятны. И я могла точно сказать: это было не мокро, не неприятно и совсем не пресно. А напору Трена можно было позавидовать, поскольку он буквально стянул меня с окна, почти удерживая руками на весу, одной крепко обхватив поперек спины, а второй придерживая

затылок. Поясница ощущала край подоконника, а в воздухе словно потрескивали искры, ровно до момента, когда он вдруг меня отпустил. Поставил на ноги и попытался отдышаться.

– Я и правда забыл о поездке, что за ерунда?

А я почти забыла о его поступке, зато сейчас вспомнила.

– Последствия зелья, которым собирался опоить?

– Оно не влияет на память, а срабатывает только, когда влечение есть. Вот так, малышка, – он подцепил мой подбородок и обвел край нижней губы, – я тебе нравлюсь, а иначе зелье не пробудило бы страсть. Ты же наказала нас обоих вместо того, чтобы хорошо провести время.

– А ты решил его сэкономить.

Действительно. Зачем прилагать усилия, если и так нравишься девушке? Проще сразу опоить и довести дело до победного конца.

– Уже месяц за тобой хожу, этого мало? Замечал твои взгляды, реакцию. – Он провел пальцем по губам, я же опять не совладала с собой и в смятении отвела глаза, услышав, как он довольно хмыкнул. – Нейтон к тому же списки составил. На внесение изменений от силы два дня, а затем утвержденный вариант отправится в пустыни.

– Просто отпусти, – я попробовала его оттолкнуть, но Трен был достаточно мощным, чтобы легко обхватить и сжать в ладони оба моих запястья.

– Даже не собираюсь.

– Сам меня задерживаешь! Я поговорю с Нейтоном, ведь обещала. Мало этого?

– Мало!

– Да чего ты хочешь?

– Тебя.

Я увернулась от его губ, которые не давали ясно мыслить, ужасно теряясь от его непонятного желания подчинить себе. Теперь-то для чего обманывать и мучить меня? Будь под рукой тетрадь или учебник, стукнула бы его по голове, но в распоряжении оказались только ладони, и я наотмашь залепила Трену пощечину, едва запястья оказались на свободе.

Он сперва отшатнулся. Только если я полагала, что его отпугнет мое сопротивление, то жестоко ошиблась.

– Ну, Зои...

Парень снова навис надо мной, а я вжалась спиной в стекло, Трен же резко стиснул мою талию и дернул к себе, приблизив наши лица почти вплотную. У меня срывалось дыхание и бешено колотилось сердце, он же нарочно неторопливо принялся касаться губами кожи на щеке, шее, плече, с удовольствием, будто смакуя, стягивая ниже широкий ворот свитера. А потом и вовсе прижался так близко, как только позволяла широкая юбка, обхватив ладонями за бедра.

– Трен, а ну отпусти ее! – прозвучал голос, который я меньше всего ожидала услышать и на который мы оба резко среагировали: я – вынырнув из впервые обрушившегося на меня и совершенно ошеломившего чувственного забвения, а Трен – с руганью и отразившимся на лице разочарованием.

– Что тебе надо, принцесса?

Ирэн стояла неподалеку, уперев руки в бока.

– Мне нужна Зоя.

– Она мне самому нужна, так что иди куда шла.

– А ты не слишком далеко зашел, Трентий оль Вин? Забыл, где находишься? Это коридор школы, между прочим!

Я не ожидала увидеть, что Трен и правда оглядится вокруг, а на лице его проступит растерянность. Потом он провел ладонями по щекам и тряхнул головой, скидывая наваждение. Под конец парень бросил на меня какой-то голодный взгляд и резко отвернулся.

– Ладно, принцесса, твоя взяла. Возвращаю подружку в целости и сохранности. Последствия этого зелья не хуже похмелья, мне нужно протрезветь.

– Именно, – Ирэн сложила на груди руки, – иди набей морду еще кому-нибудь.

– Твоему возлюбленному?

Девушка громко рассмеялась.

– Это едва ли.

Трен наклонился, подхватил сумку, после чего сунул ее мне в ладони и быстро ушел. Я крепко прижала сумку к груди, а Ирэн покачала головой:

– Зоя, о чем ты думала?

– Вообще не думала, – ответила я.

– Оно и заметно.

– Я пыталась, но у меня не получилось.

– Понимаю. Сложно противостоять. И тебе особенно. Тут мужская энергетика и харизма на уровне инстинктов, сплошная чувственность, но Трен последний парень, которым стоит увлекаться. Это его сегодня вдруг накрыло. Подозреваю, вчера перебрал с друзьями. А если завтра и имени не вспомнит, тебе же будет плохо.

– Он перебрал зелья влечения, так что это лишь последствия. Едва ли повторится. – Я принялась оправлять юбку и кофту.

– Да ладно.

– Точно знаю.

– Трену подлили зелье влечения? Забавно, – а потом она как-то задумчиво повторила: – Забавно. Хм. Вроде приворота с кратковременным эффектом.

– Что ты хочешь сказать, Ирэн?

Девушка очнулась от задумчивости и махнула рукой.

– Если вчера, то это не может быть влияние зелья. Подобные составы так долго не действует. Трен на тебя нацелился.

– Едва ли.

– Скорее, едва ли нет. Даже если сегодня он не в лучшей форме, а похоже на то, в остальном у него заболевание кобелизм так проявляется. И самое верное, что можно сделать, – держаться от него подальше, иначе любая плоскость подойдет для приема «лекарства»: подоконник, лавка, может, даже стена.

Я смущенно посмотрела на девушку, а та кивнула.

– А что? Это вполне в его духе: закинул на плечо и потащил излечиваться. Ладно, довольно о Трене. Я тебя искала по другой причине.

– Какой?

Закинув сумку на плечо, я направилась прочь от окна, намереваясь сегодня все же дойти до Нейтона.

– Мне на завтра нужна подруга.

– Что? – обычно я выражалась непонятными фразами, а Ирэн всегда говорила ясно, и ее слова сложно было интерпретировать в ином ключе.

– Очень нужно, чтобы завтра ты сопровождала меня в одно место. Как моя подруга.

– Разве мы подруги?

– Мы общаемся, а в высшем обществе именно это принято интерпретировать как дружбу.

– Ты хочешь отправиться в высшее общество?

– Если точнее, на благотворительный вечер, но прежде по торговым рядам, где непременно встречу с одним человеком. Мне рядом нужен тот, кто сможет удержать меня от чересчур эмоциональных и резких высказываний.

– У тебя много друзей, Ирэн, я самый странный выбор из всех.

И ведь не покривила против истины. Девчонки из нашей группы, да и из других, с удовольствием общались с Ирэн. Они вечно куда-то ходили вместе, посещали веселые вечеринки или те же магазины. Меня никогда в их компанию не приглашали.

– Зоя, я тебе помогла, почему так сложно помочь мне в ответ?

– Не уверена, что помогу, а не испорчу. Ты уж извини.

– И не подумаю, – она остановилась и гневно на меня посмотрела. – Прежде казалось, в сложную минуту на тебя можно рассчитывать. Я не позвала никого из девчонок, потому что понимаю – ты сможешь держать язык за зубами и не станешь распространять слухи и тем более злорадствовать, что бы ни случилось там, куда я хочу отправиться. Неужели я в тебе так ошиблась, Зоя?

Вздыхнув, попробовала объяснить:

– У меня много работы с Нейтоном.

– Я с ним поговорю.

– Он каждый вечер ждет меня к себе.

– Завтра не будет. Да и, в конце концов, неужели нельзя сходить по магазинам? Ты же не в рабстве. Так что, могу на тебя рассчитывать?

Она слегка изогнула идеальные брови и поджала губы, словно от дальнейшего ответа зависело, как именно они изогнутся: искривятся в гримасе или, напротив, на них появится улыбка.

Я подергала сумку туда-сюда на плече, ощущая, словно та стала весить гораздо больше, а затем с тяжелым вздохом согласилась:

– Хорошо.

– Отлично! – девушка просияла улыбкой. – Завтра я за тобой зайду.

Она стремительно развернулась и летящей походкой отправилась прочь.

По элитным лавкам вдвоем с идеальной и прекрасной Ирэн? Разве можно придумать что-то хуже?

Оказалось, если подходить к делу с фантазией и правильно использовать момент, то очень даже можно.

Когда я возвращалась от учителя, на улице уже стемнело, а я устала от работы над будущей книгой. Зато старательно упаковала в память все изображения чудовищ, даже самые необычные рисунки очень древних существ. Ведь дневник и правда был настоящим раритетом, причем довольно старым. Вероятно, передавался в семье не одно поколение, пополняясь новой информацией. Мне удалось выполнить по памяти несколько набросков, а арис после сличил их с оригиналом и остался очень доволен.

Уже на подходе к общежитию, когда я свернула на дорожку и почти дошла до дверей, из-за росших по обе стороны кустов вдруг в меня полетело что-то, по ощущениям похожее на тухлые помидоры. Мне не удалось увернуться, таким стремительным и неожиданным оказалось нападение. Я кинулась было к кустам, но громкий шорох, затихающее хихиканье и топот ног подсказали, что те, кто поджидал в засаде, убежали прочь. Пришлось остановиться и возвращаться обратно. А уже в холле общежития удалось разглядеть, чем в меня запустили. Как оказалось, мячиками с краской. Она испачкала юбку, волосы и короткое пальто, которое я сегодня надела, так как опять похолодало.

Уже в душевой я тщетно старалась отстирать эти зеленые, фиолетовые и оранжевые пятна. Они глубоко въелись в старую ткань. Если с рук и лица удалось отскрести их вместе с частичками кожи, и теперь она покраснела и буквально горела, то на волосах, как и на ткани, пятна пристали намертво, расцветив светлые пряди некрасивыми кляксами кричаще-ярких оттенков. Теперь я была похожа на настоящего клоуна из шатра для детских праздников. А если добавить к образу еще и заляпанное пальто, то и вовсе на пугало.

Я прижала горящие ладони к лицу и закрыла глаза, пережидая приступ отчаяния. Завтра выходной и не будет уроков, но именно по этой причине в том дорогом и элитном районе, куда я пообещала сопровождать Ирэн, соберется на прогулку ужасно много народа. Красивые и нарядные женщины, элегантные кавалеры, утонченная Ирэн, а среди всех – я.

Время поджимало, и Ирэн торопливо взбежала по ступенькам, направляясь к комнате Зои. Она переживала, что задумка провалится, но при этом очень надеялась на обратное. Благотворительные вечера в целом устраивались достаточно часто по инициативе представительниц богатых семей, однако сегодняшнее событие считалось одним из крупнейших светских мероприятий, поскольку его проводили семьи, принадлежащие к старшим родам^[8] защитников. И Ирэн знала наверняка, что в преддверии самого мероприятия мать Арриена отправится по торговым рядам, где в этот день непременно устраивались благотворительные базары. Все женщины высшего общества так поступали, внося вклад в помощь нуждающимся, даже если при этом были организаторами благотворительных вечеров.

Сам праздник в Кенигхэме уже стал чем-то вроде традиции, а потому Каролина тен Лоран, как и прочие обеспеченные жители столицы, непременно посетит торговые лавки с их косметическими салонами и ресторанами, цены в которых в этот день будут ниже, чем обычно. Наверняка Ирэн встретится немало знакомых, однако она желала увидаться с конкретными людьми. Если повезет, Арриен будет сопровождать мать, а если нет, то девушка постарается встретиться с ним на самом вечере, куда Каролина ее, несомненно, пригласит, даже если билеты уже распроданы. А они точно разлетелись буквально сразу. Ирэн знала, поскольку отец тоже пытался купить, но попросту не успел.

Девушка вздохнула, невольно ускоряя шаг. Не окажись ее помолвка расторгнутой, она бы уже входила в особый круг приближенных, кто всегда имел доступ в закрытую часть города, где обитали только защитники. Ей не составило бы проблем получить приглашение куда и когда угодно. Но воины Кенигхэма всегда ревностно ограждали собственную жизнь от любого внешнего вмешательства. Ей однажды очень повезло, а она упустила свой шанс.

Ирэн даже сбилась с шага, вспомнив первую реакцию на сообщение отца. Он начал издалека, спросил, что она знает о старших родах защитников, о том, как относится к одному из самых известных семейств тен Лоран. Слышала ли о главе рода, младшем из двух

братьев? Полагает ли Ирэн себя достаточно взрослой для заключения помолвки с ним?

Девушка была шокирована заявлением отца, в первый момент не нашла ничего лучше, чем спросить, чем вызвана подобная честь? Оказалось, вполне обыденной причиной – наследнику подходило время устроить выгодный брак и позаботиться об укреплении рода. Защитники заключали союзы в основном по соображениям выгоды, за очень редким исключением. Причем это не касалось богатства или знатности, коими старшие рода обладали в полной мере. Избранные невесты должны были соответствовать определенным параметрам и обладать некими качествами, которые в будущем позволили бы создать крепкую семью. Ведь защитники никогда не расторгли заключенный брак, они оставались самыми заботливыми и верными мужьями на протяжении жизни, самыми сильными, умными и, вздохнула Ирэн, равнодушными. Потому и не было браков по любви.

Однако войти в подобную семью было настолько огромной честью, что каждая невеста по определению приносила в новый род некую ценность. Ирэн знала, что конкретно в ее случае имело значение владение полоской каменистой гряды. Та примыкала к горной цепи и была куплена далеким предком в пору, когда земля еще не представляла столь огромной ценности. Ее наследство, которое должно было войти в приданое, примыкало к башням Царима, где воины Кенигхэма проходили обряд посвящения и оттачивали собственные навыки для борьбы с чудовищами и для защиты границ страны.

Едва ли самому Арриену нужна была эта земля, но защитники всегда действовали едино и слаженно, а объединяя Кенигхэм под собственной властью, они действовали не из корысти, а служа своему главному предназначению – защите.

В итоге же девушка все испортила. При первой встрече она заявила Арриену, что меньше всего мечтала заключить брак по расчету. А когда молодой человек уточнил: «Значит, вы против?» – надумала пококетничать и, вместо одной из сотни отрепетированных нейтральных фраз, выдала: «Любая девушка желает не только заботы, защиты и благосостояния, но и любви». Не понимала тогда, насколько легкомысленно поступила. Ведь Арриен ей сразу очень понравился. Не думала, что одна лишь фраза способна заставить его пересмотреть

предложение, исходя из пожеланий невесты. Чувства – это то, чего нельзя требовать в браке, безупречном со всех сторон. Нежности, заботы – да; всего, кроме любви в ее идеализированном представлении, со страстью, ревностью, желанием обладать, потому что на первом месте всегда долг. А потом еще проклятушие журналы пронюхали о семейном торжестве и раструбили новость, когда помолвка уже была расторгнута, чем совершенно вывели Ирэн из равновесия.

После трех встреч с Арриеном девушка осознала, какую ошибку тогда совершила. Она хотела быть с этим мужчиной, не важно, сколь много он мог ей дать. Теперь Ирэн пыталась исправить ситуацию и заставить защитника вновь передумать. Но ей непременно нужен был рядом кто-то, чье присутствие поможет держать себя в руках во время встречи. Вспомнить только, что она наговорила, когда Арриен предложил сопровождать экспедицию в Альбергу! Он готов был отложить собственный вылет ради нее, а в ответ получил оскорбления. Понять бы еще, отчего именно с ним она срывалась, теряла контроль и лишь усугубляла собственное положение. Сейчас, как никогда, важно проявить себя сдержанной и здравомыслящей, что к тому же на фоне Зои будет особенно бросаться в глаза.

– Зоя! Нам уже пора!

Ирэн заколотила в дверь, а потом повернула ручку и влетела внутрь.

Девушка сидела за своим столом, на котором высилась стопка рисунков. Наверняка всю ночь выполняла их для Нейтона, раз уж пропускала вечернюю встречу.

– Ты готова? – нетерпеливо уточнила Ирэн, а Зоя поспешно поднялась со стула.

– Да.

Она и правда выглядела уставшей. Немного нервно огладила юбку строгого темно-зеленого платья и поправила на плечах вязаный шарф-капюшон, который частично укрывал высокий лоб.

– Тогда поспешим, пока лавки работают. Для чего тебе это? – Ирэн указала на шарф. – Прежде такого не видела.

– Для тепла, – ответила Зоя, обуваясь. – Я связала его ночью. Мое пальто немного испачкалось и еще не просохло, не годится для прогулок.

– С ума сошла? – покачала головой Ирэн. – Видела, какой ветер на улице? Ты непременно простынешь в одном шарфе.

Девушка распахнула створки небольшого шкафа рядом с дверью и стянула с полки единственный предмет верхней одежды – замшевую куртку.

– Вот, отличная вещь для улицы, не хуже пальто. Берем ее. – Зоя попыталась что-то сказать, но Ирэн уже не слушала. Впихнув куртку в одну руку девушки, за другую крепко ухватилась сама и потащила Зою на улицу.

Глава 4

Народу оказалось даже больше, чем я предполагала: девушки и женщины в красивых платьях, мужчины в дорогих костюмах. Повсюду царили оживление и шум. Переменчивая весенняя погода и ветер вынудили многих одеться в настоящие меха. На других были пальто – пусть менее броско, но все равно они выглядели ужасно дорого, вроде куртки, что я так и держала в руках, прижимая к груди. Вот что значит разок поддаться слабости. Отнеси я ее Нейтону в первый же вечер, сейчас бы не терялась, не зная, куда себя деть и как объяснить Ирэн, отчего я упорно не желаю надеть куртку, а несу у груди, скрывая эмблему в виде крыльев на рукаве. При этом я уверяла ее, будто на ласковом весеннем солнышке даже жарко. Представить страшно, что она подумает, когда узнает, как ее любимый мужчина меня провожал и укрывал курткой. Едва ли Ирэн это понравится, даже если рассказать обо всей ситуации целиком. К тому же распространяться о поступке Трена не хотелось.

Ветер подул снова, и пришлось еще крепче прижать куртку к груди. Едва ли погода грозила простудой, в детском приюте зимой бывало еще холоднее, особенно по ночам, так что мой организм закалился с раннего возраста, но все равно было неприятно.

Меня случайно толкнули плечом.

– Простите, – сказала машинально, оглянувшись на богато одетую женщину, которая одарила меня высокомерным взглядом и молча продолжила свой путь. Как и предполагала, я в этом богатом районе выглядела белой вороной, в отличие от красивой и элегантной Ирэн в белом пальто с меховой опушкой. Девушка настойчиво искала кого-то взглядом, едва ли обращая внимание на выставленные повсюду товары. Я торопливо следовала за ней, поскольку яркие ценники с громкими призывами «Цена ниже в два раза», «Только сегодня: самая низкая стоимость за самое лучшее качество» совершенно не соответствовали действительности. Возможно, только на мой взгляд, так как в обычное время в элитном районе цены определенно были в два раза выше.

– Зоя, не отставай, – оглянулась через плечо Ирэн, когда я поддалась искушению чуть-чуть замедлить шаг у витрины магазинчика с художественными принадлежностями. Я коснулась кончиком пальца стекла, за которым лежали грифели, кисти, краски очень известной и очень дорогой, но самой лучшей марки, на краткое мгновение вообразив, будто держу в руках настоящий набор карандашей, и заставила себя отвернуться.

– Нам туда, – вдруг воскликнула Ирэн, – идем же, идем!

И поспешила к красивой арке. За ней начиналась крытая улица, по обеим сторонам которой тянулись салоны: массажные, косметические, даже аристократические для светских дам, которые встретились здесь со своими знакомыми, устали ходить по магазинам и захотели выпить чаю лучшего сорта с воздушными пирожными.

У входа стоял аркис^[9] и вежливо улыбался всем посетителям и посетительницам. Ирэн он тоже одарил улыбкой, а мне достался недоуменный взгляд. Однако то, как спутница крепко держала меня за руку, не позволило вышколенному служащему сказать хоть слово, кроме: «Попрошу вас снять головной убор».

Обращение адресовалось мне, так как Ирэн сделала это автоматически. Все же хорошие манеры, если человек к ним привык, проявляются порой незаметно для него самого. Я притормозила и покачала головой.

– Зоя, там нет ветра, сними капюшон, – обернулась Ирэн.

– Прошу вас, – искусственно улыбнулся аркис с таким выражением лица, словно у него свело челюсти.

– Я не хочу.

– Зоя, – вздохнула Ирэн, – ну правда, не время для странностей. Невежливо входить в помещение в головном уборе.

– Тогда я лучше подожду тебя снаружи, – я отступила на шаг, а девушка раздраженно вздохнула.

– Что значит – снаружи? Разве ты за этим со мной пошла? Ну не упрямысь. Сперва не надеваешь куртку на ветру, потом отказываешься снять шарф там, где уже нет ветра. Идем.

И она вновь потянула за собой, ловким и незаметным движением скинув с моей головы капюшон.

– Ой! – охнула Ирэн. Глаза аркиса расширились.

– Какая безвкусица, – раздалось позади от одной из посетительниц, которая тоже намеревалась пройти через арку.

– Дурной вкус, – поддакнула ее приятельница.

Я покраснела, но сцепила зубы и расправила плечи.

– Прошу прощения, – обратился аркис, – но ваша подруга не может в таком виде...

– Ах, перестаньте! – властным взмахом руки оборвала его Ирэн, а затем обернулась к возмущенным женщинам: – Ужасно неудачный эксперимент в одном из городских салонов. Теперь мы спешим к Моринье, надеемся, он нас спасет.

Ее слова прозвучали словно некое волшебное заклинание: у аркиса губы снова разъехались в искусственной улыбке, а дамы заахали и закивали:

– Ах, какая досада! Запомните на будущее, никогда не экспериментируйте в салонах. Никогда! Доверяйте лицо и волосы только профессионалам.

Ирэн обворожительно улыбнулась, поблагодарила и быстро-быстро потащила меня вперед, выговаривая на ходу:

– Что же ты не рассказала? Кто это сделал?

– Не знаю, – отвечала я, едва поспевая за девушкой. – Не увидела.

– Наверняка кто-то из группы. Позавидовали! Сперва Нейтон назначил тебя своей заменой в экспедиции, потом Трен за тебя подрался. Ничего, мы их вычислим и отомстим. Еще и Нейтону пожалуемся.

– Не нужно, Ирэн.

– Чего не нужно? – она бросила удивленный взгляд через плечо.

– Разве стоит обращать внимание на их злость? Они только себя ею травят.

– Прощаешь? – изумилась Ирэн. – Ну вот поэтому они тебя и изводят.

Она, конечно, была права, но для меня подобная жизненная позиция сформировалась уже давно и служила своеобразной защитой. Еще в детском приюте не выходило в полной мере постоять за себя, у меня не хватало на это ненависти и отчаянной злобы, я не испытывала радости, причиняя боль другим, мне становилось плохо от жестокости и возможности впустить ее в себя. Спасение заключалось в том, чтобы стать достаточно странной. Оказалось, если реагировать на чужие

поступки не так, как люди к этому привыкли, то постепенно обретишь славу ненормальной, и тебя начнут сторониться. Подобные проявления моего характера в итоге сослужили свою службу, а неадекватность, как ее называли, стала второй натурой.

– Мелочные девицы! – вновь возмутилась Ирэн. Вот она реагировала адекватно, как положено и принято. Злилась в ответ на чужую злобу. – Все, пришли. Нам сюда!

Ирэн втянула меня в теплое помещение, где умопомрачительно пахло духами и средствами для ухода, судя по окружающему интерьеру, за волосами.

Прямо от порога девушка властно заявила:

– Нам нужен мастер Моринье!

– Нет, Ирэн, – я попыталась вытянуть руку из ее крепкого захвата, моментально сообразив, какие в подобном салоне могут быть цены, – нет.

– Зоя! И снова не время для странностей!

– Не могу позволить себе здесь остаться.

– Брось, я заплачу.

– Нет!

– Да сегодня же день скидок! Все намного дешевле. Деньги пойдут на благотворительность, Зоя. Представь, что благодаря твоему посещению этого салона каким-то маленьким детям в приюте на ужин дадут вкусные конфеты. Ведь у тебя скоро будет повышенная стипендия, Нейтон уже назначил тебя собственным заместителем в экспедиции. И ты постепенно все мне отдашь. Просто поверь: кроме Моринье никто не справится вот с этим.

Она ткнула пальцем мне в лоб, но тут же отвлеклась на подбежавшую девушку в светло-бежевом платье и накрахмаленном переднике.

– Нам нужен мастер.

– Простите, но сегодня такой ажиотаж. Все расписано. Можем предложить вам...

– Не нужно! – Ирэн прервала ее, выставив вперед ладонь. – Я постоянный клиент и знаю всех ваших мастеров. Вас же, вероятно, наняли только сегодня по сдельной оплате из-за наплыва посетителей. Так вот, предлагаю позвать мастера, и если он сам скажет, что не может взяться, тогда мы согласимся на другого.

Девушка поклонилась и убежала, а я вновь поразилась тому, как Ирэн умеет разговаривать с разными людьми и легко добиваться желаемого.

– Вот увидишь, – девушка толкнула меня в бок, – он не сможет отказаться. Твои волосы в нынешнем состоянии – это настоящий вызов!

Мастер и правда не устоял перед искушением. А я в уме подсчитала, сколько нужно отдавать Ирэн каждый месяц, чтобы покрыть долг. И хотя ужасно хотелось сбежать, но ведь деньги и правда шли не на какое-то сиюминутное удовлетворение собственных желаний. Никогда прежде я не участвовала в благотворительных мероприятиях, однако раз уж довелось, то разве можно было из-за собственного страха лишиться сладкого детей в приюте? Я сама знала: там каждая конфета на вес золота.

Процесс начался с использования на мне специальных растворителей, но ни один из них не взял краску.

– Вот же стойкая гадость! – пробормотала Ирэн, бросив взгляд в зеркало. Над ее чудесными мягкими волосами колдовала изящная девушка-помощница, укладывая в элегантную прическу. А мой взмыленный мастер отбросил прочь еще одну баночку с наверняка ужасно дорогим средством.

Мужчина, который совершенно не походил на работника такой воздушной сферы, как красота волос: высокий, с ярко выраженной мускулатурой и огромными ручищами, – положил широченные ладони на спинку моего кресла и крепко задумался. Ирэн уже завили половину локонов, когда он вдруг щелкнул пальцами прямо возле моего уха. Я вздрогнула, а пара помощниц подскочили на ноги и помчались выполнять громкое повеление: «Краску сюда! Живо! Мне нужна фиолетовая, оранжевая и зеленая!»

У них и такие есть?

Даже если в салоне этого не было, помощницы нашли и принесли в рекордный срок.

– Взгляните, – обратился Моринье к Ирэн, вероятно как к единственной, кто способен был оценить его замысел, – растворители рассчитаны на то, чтобы убирать неудачный оттенок или неправильно подобранную краску вначале, спустя недолгое время после нанесения,

ведь если брать что-то посильней, можно повредить структуру и испортить волосы. Однако сама краска обладает стойкостью, поскольку проникает под чешуйки. Таким образом, раз дело не исправить растворителями, решим проблему смешением цветов. Если к зеленому оттенку примешать фиолетовый и оранжевый и по тому же принципу добавить два цвета, но в другой последовательности, к оранжевому и фиолетовому, то получим благородный рыже-коричневый. Мы добьемся для нее равномерного и однотонного окрашивания и более привычного красивого цвета.

– Зоя станет рыжей? – удивилась Ирэн.

– Именно. Для той части волос, что не окрашены и остаются светлыми, я подберу все тот же рыже-коричневый цвет. – Я чуточку сползла с кресла, но Моринье уверенно ухватил меня ручищей за плечо и подтянул обратно. – Не вижу иных вариантов.

– Мастер, – Ирэн приложила руку к груди, – вам я доверяю больше, чем себе. Действуйте, вы можете ее спасти.

Сама я ответить ничего не успела, поскольку меня мигом замотали под самое горло непромокаемой тканью и стали намыливать волосы удивительно пахнущим шампунем, а затем, просушив, принялись колдовать над прической. Моринье брал то один тюбик, то другой, я слышала лишь, как щелкают крышечки. Что-то наносилось на волосы, что-то втиралось в кожу головы, мне же приходилось молча изучать потолок и ждать окончательного приговора.

Ирэн закончила со своей прической гораздо раньше, расплатилась и сказала: «Ты же не против, если я прогуляюсь? Нужно приобрести одну вещь. Встретимся позже».

Я одобрительно помычала в ответ, не рискуя открывать рот. Ирэн изящно махнула рукой на прощание и исчезла за дверью салона, а меня ожидали томительные минуты, за которые я успела утратить надежду на преображение в обычного человека. Мастер не переставал с досадой цокать языком и бурчать себе под нос. Наверное, вызов, как его назвала Ирэн, оказался не по зубам даже настоящему профессионалу. Под конец, когда волосы вновь промыли и высушили, Моринье вооружился ножницами, а помощница опрокинула кресло в положение лежа. Мастер накинулся на доставившие ему столько хлопот пряди с таким остервенением, словно это был его личный враг,

девушка же велела мне закрыть глаза и принялась наносить на ресницы какую-то вязкую массу.

– Готово! – меня умыли и вернули в положение сидя, после чего мужчина эффектным жестом стянул с меня накидку и крутанул кресло, развернув лицом к зеркалу. – Что скажете?

Весь салон внезапно замолк и воззрился с любопытством, которое потихоньку сменялось удивленным восхищением и даже восторгом. А я со священным ужасом ощупывала красиво уложенные, подстриженные локоны, объемные и разделенные косым пробором сверху, а внизу спадавшие волнами на грудь, и оценивала новый оттенок. Даже дернула себя за прядь, вообразив, будто на меня нацепили парик.

– Ну? – требовательно спросил мастер.

– Это... это рыжая я, – ответила, осторожно поглаживая блестящий локон, нывший после ожесточенного дерганья.

– Этот цвет отлично оттеняет глаза, – уверенно заявил Моринье, – теперь стало видно, что они у вас зеленые, поскольку я взял на себя смелость подкрасить для выразительности и глубины взгляда ресницы. Прекраснейшее сочетание.

Ресницы и правда стали темнее и казались гуще.

Мастер приложил руку к сердцу и поклонился, ему же рукоплескал весь салон, видевший мой приход, а помощницы – даже стоя.

– Волшебник!

– Чудесник!

– Вы роскошны, мастер.

Моринье светился гордостью и важно поглядывал на восхищенных людей. Он справился с вызовом.

– Колдовство – мое призвание, красавицы, – выдал он, вероятно, коронную фразу, а затем снова вернулся ко мне.

– Итак, – ему пришлось пощелкать пальцами перед моим носом, привлекая внимание, поскольку я все еще сидела неподвижно и разглядывала себя. – Сегодня не мыть, не сушить, не красить непонятными красками. Эффект стойкий, продлится долго. Волосы будут отрастать, но впитавшийся в корни краситель позволит им не менять цвет. Возвращение прежнего оттенка также будет происходить постепенно, когда краситель начнет вымываться из чешуек. Вы в итоге

обретете свой родной окрас, но это будет еще не скоро. Благодарю, что посетили наш салон.

Он приложил к груди руку, я заторможенно кивнула в ответ.

Меня вежливо довели до двери, и уже знакомая девушка в переднике сунула мне в руки записку и открыла дверь: «Ваша подруга передала. Она просит подождать ее в “Сэйкуэре”».

– Где? – Я продолжала держать ладонь на волосах, опасаясь, как бы ветер не испортил этот шедевр, позабыв, что в крытую галерею не доносится ни малейшего дуновения.

Девушка явно удивилась, что кто-то может не знать название, но взялась пояснить:

– «Сэйкуэр» – это ресторан, он здесь неподалеку. Впрочем, идемте, я вас провожу!

И она указала рукой направление, а сама последовала за мной. Я шла как в тумане и вдруг оказалась перед дверями, инкрустированными золотом, – по крайней мере, так казалось.

– Всего хорошего, – проговорила за спиной девушка, – не забудьте ваши вещи.

Мне на плечи накинули шарф, а поверх куртку, когда же я обернулась поблагодарить, то увидела лишь удаляющуюся спину проворной помощницы.

– Спасибо, – все же крикнула вдогонку, хотя она, вероятно, и не услышала, затерявшись среди гуляющих посетителей. Я обернулась и оказалась нос к носу с вежливо вззирающим на меня работником «Сэйкуэра». Еще один вышколенный служащий, который на сей раз охранял вход в очень дорогой ресторан.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он.

– У меня здесь встреча, – мигом оробела я.

– Вы уверены? – человек приподнял брови, а я опустила глаза в записку от Ирэн и кивнула.

– Мне нужен столик, – прочла, совсем растерявшись. Холодная вежливость служащего отдавала таким высокомерием, что я мигом начала жалеть о полнейшем неумении, как Ирэн, повелительно взмахнуть рукой и просто миновать это изваяние, отдаленно напоминающее человека.

– Одну минуту, – проговорил мужчина и исчез за дверьми, сквозь стекло в которых я заметила конторку. За ней стоял еще один человек в расшитой золотом ливрее. Они о чем-то заговорили, а затем оба вышли наружу. Второй невозмутимо обратился ко мне:

– Прошу прощения, но свободных столиков нет.

Это показалось мне странным, ведь сейчас было как раз то время, когда обед закончился, а ужин еще не наступил. Может, у них там все пьют чай?

Я машинально посмотрела на огромные окна, сквозь которые было отлично видно богато убранный зал, где даже на беглый взгляд нашлось по крайней мере пять свободных столов.

– Но... – начала я, собираясь указать на очевидную ошибку, однако мужчина быстро перебил:

– К нашему огромному сожалению, все столы забронированы. В ресторан «Сэйкуэр» приходят только исключительные клиенты, и они всегда договариваются о месте заранее.

– Жаль, – вздохнула я. Ирэн ведь придет сюда, а я не справилась даже с простейшим заданием занять столик. – Придется подождать подругу здесь.

Лицо мужчины стало недовольным.

– Как пожелаете, – холодно произнес он, – но не могли бы вы отойти от двери?

Оглядевшись, попыталась найти подходящее место, где встать, когда вдруг услышала сдавленный возглас.

Обернувшись, я увидела, что местный аркис указывает «золотой ливрее» на мой рукав, а тот меняется в лице, а затем неожиданно расцветает радушной улыбкой и кланяется почти до земли.

– Приношу свои извинения! Я понятия не имел, что ваша подруга пришла раньше и уже ожидает! Еще раз простите. Мы немедленно исправим эту оплошность.

Аркис распахнул дверь и поклонился, а второй мужчина широким жестом указал на двери, приглашая меня зайти в ресторан.

– Прошу вас за мной, – человек торопливо семенил рядом, то и дело указывая рукой направление, – десерт за счет заведения ввиду невероятно досадной ошибки.

Он остановился у круглого столика возле окна, где сидела красивая женщина, о возрасте которой сложно было судить по первого

взгляду. Она обладала тем самым лоском, что впитался, казалось, в каждую черточку. У Ирэн он проявлялся в непоколебимой уверенности, а здесь – в спокойной отрешенности.

– Осиэ^[10] тен Лоран, – с придыханием проговорил мужчина, а когда незнакомка повернула голову, мой взгляд приковало к изумительным золотым серьгам, выполненным в виде крыльев. Точь-в-точь как те очертания, что были на рукаве куртке, – к вам пришли.

Он низко поклонился, пока мы с женщиной удивленно рассматривали друг друга. Я, с трудом оторвавшись от украшений, изучала ее лицо, а она оглядывала мой наряд, наконец остановив пристальный взгляд на рукаве.

– Позвольте вашу одежду, – протянул руки мужчина, но я вцепилась в отвороты, испытав, вероятно, то самое чувство, что и арис Нейтон: будто среди бела дня у меня воруют сокровище. Для Нейтона это был дневник защитников, для меня – чужая куртка, которую необходимо вернуть.

– Отдайте, дорогая, – вдруг улыбнулась незнакомка, – поверьте, с Реем ваша вещь будет в полнейшей безопасности.

Я медленно разжала пальцы, поддавшись очарованию музыкального голоса, а мужчина ловко стянул куртку с моих плеч. Он пытался взять и мою вязаную накидку, но за неимением дарящей определенное чувство покоя вещи защитника я теперь вцепилась в шарф. Незнакомка с улыбкой кивнула «золотой ливрее» и произнесла:

– Благодарю, Рей, – после чего приглашающим жестом указала на стул напротив.

– Она не моя. – Я осталась стоять.

Изящно очерченные брови приподнялись.

– Я про куртку. Она не моя.

– Я догадалась, – улыбнулась женщина, – очень знакомая вещь. Как вас зовут?

– Зоя.

Она смотрела выжидающе, как обычно глядели на меня все при первом знакомстве, собираясь услышать полное имя, которого я не знала. Короткое «З», протяжное «О» и последнее «Я», а дальше название приюта, где выросла.

– Зоя Абриго.

– Абриго, – задумчиво протянула она, – как знакомо.

– Это название приюта, – поспешила ответить я, чтобы не ввести ее в заблуждение.

– Меня зовут Каролина тен Лоран, – видя, что я упорствую в нежелании сесть, она сама поднялась и протянула руку. Пришлось пожать изящную ладонь, попутно испугавшись по привычке, а не слишком ли у меня грязные руки.

– Значит, вы знакомы с моим сыном? С Арриеном. Я правильно поняла?

Ужасно разнервничавшись, настолько, что принялась пятиться, я помотала головой.

– Я ее не крала, честное слово.

Прежде нередко сталкивалась с предубеждением, будто приютские дети обязательно своруют, что плохо лежит. Вот и боялась всегда, как бы меня в очередной раз в этом не заподозрили.

– Конечно, нет. Он сам ее отдал. Хотела бы я посмотреть на того, кто решится украсть что-то у одного из моих сыновей.

И столько материнской гордости и любви прозвучало в ее голосе! Сразу подумалось, как это здорово, когда у тебя идеальные дети. И для них замечательно иметь столь чудесную мать. Настоящая поддержка и опора в любой жизненной ситуации, ведь, наверное, и защитникам иногда нужна помощь? Важно порой просто знать, что тебя кто-то по-настоящему и беззаветно любит, даже если он не рядом, даже если он когда-то любил. Вот она, настоящая магия, оберегающая на каждом шагу твоего непростого пути в этой жизни. Я видела детей, которые ожесточились, поскольку не верили, что нужны и любимы, а у меня всегда было это знание, оно придавало сил. Пускай я позабыла имена и место, откуда мы шли, но даже в страшных кошмарах о прошлом ощущала вокруг тонкие руки и хрупкую защиту тела, закрывшего мою спину, послужившего последним барьером перед превосходящей страшной силой. Меня любили, я была нужна и потому спаслась и спасаюсь до сих пор. В память о ней.

– Каролина! – Голос Ирэн вырвал меня из воспоминаний и заставил осознать, что продолжаю стоять перед матерью Арриена застывшим истуканом, отстраненно уставившись в пространство.

– Какая чудесная встреча! – Девушка налетела свежим вихрем, принесся запах холодного ветра. Щеки ее покраснелись, но волосы оставались уложенными идеально. Пальто она отдала на входе, а под

ним оказался элегантнейший наряд: розовый приталенный жакет и длинная белая юбка. А в руках какой-то сверток в подарочной бумаге, наверняка приобретенный в торговых рядах снаружи. Все с той же улыбкой на губах Ирэн повернулась ко мне, собираясь поздороваться с приятельницей Каролины, когда внезапно узнала в ней меня. Девушке ведь не довелось увидеть конечный результат мастера, она убежала из салона раньше.

— Зоя! Не может быть! Только взгляни на себя, как тебе идет эта прическа! Даже не сразу узнала, платье помогло.

— Так вы знакомы? — с легкой улыбкой уточнила Каролина.

— Мы учимся вместе.

— Это замечательно. Мы с вашей подругой тоже познакомились, и я буду счастлива, если вы обе присядете за мой столик.

В отличие от меня, Ирэн не заставила себя упрашивать. К нам уже спешили два симпатичных молодых человека в одежде, напоминавшей фраки с серебряной вышивкой. Один тотчас предложил третий стул, на который мне пришлось опуститься, а второй поставил в центр стола резной деревянный поднос лакированного дерева с прекрасным чайным сервизом из тончайшей керамики, а рядом водрузил целую корзину булочек. Среди них даже оказались мои любимые — только такие мне и доводилось пробовать в приюте: простые, без начинки, но присыпанные сахарной пудрой. Через секунду передо мной очутилось воздушное пирожное, и точно такие же принесли дамам.

— За счет заведения, — поклонился молодой человек, а Каролина ответила:

— Необычайно милый жест, передайте нашу благодарность.

Пока я рассматривала произведение кондитерского искусства, задаваясь вопросом, съедобны ли эти миниатюрные пагоды на вершине покрытого травой холма, подножие которого утопало в тумане из взбитых сливок, соседки принялись пить чай и беседовать.

Ирэн восторгалась организацией благотворительного базара, поразительной дешевизной товаров и восхищалась вежливым обслуживанием персонала в салонах, присоединившихся к мероприятию.

— Зою сегодня принял сам Моринье, а деньги пойдут в фонды обездоленных и в детские приюты.

— Вы тоже участвовали в благотворительности? — вовлекла меня в разговор Каролина. — Это по-настоящему широкий жест.

Я покраснела и промолчала, не найдясь с ответом.

– Ходят слухи о благотворительном бале, что вы устраиваете, – тут же поддержала разговор Ирэн.

– Всего лишь скромное мероприятие.

– Я слышала, состоится аукцион.

– Это хороший способ собрать больше средств в пользу нуждающихся.

– Мне бы очень хотелось внести собственный вклад. Пожалуйста, пускай мой лот тоже примет участие.

Ирэн эффектным жестом, как недавно мастер Моринье, сорвавший с меня накидку, потянула за ленточку, и под бумагой обнаружилась изящная статуэтка.

Каролина с восторгом взяла ее в руки.

– Ирэн, это ведь Нуэво Мундо!

– Я глазам не поверила, увидев новое творение в одной из лавок. Оказалось, ее держит дальняя родственница великого скульптора, и он специально для благотворительного базара создал и подарил ей эту статуэтку.

– Подобные поступки доказывают, что люди не очерствели, многие по-прежнему способны на широкие жесты. Но, Ирэн, почему ты отдаешь статуэтку мне? Ты сама должна принести ее на аукцион.

– Ах, Каролина! Я не смогу. К сожалению, отцу не удалось достать пригласительные билеты на ваш чудесный вечер, слишком много желающих. Разлетелись в мгновение ока!

– Ирэн, – женщина покачала головой, – по моему личному приглашению. Приходи непременно! Зоя, вас я тоже приглашаю.

Я мгновенно оторвала взгляд от пирожного.

– Спасибо, но не нужно меня приглашать.

– Зоя, – осуждающе посмотрела на меня Ирэн. В ее глазах было написано, что так не принято отвечать и подобными приглашениями не разбрасываются, я и сама это понимала, однако невозможно войти в совершенно чужой мир вот так, с наскока. Для этого недостаточно прически, нужны платье, манеры, а еще – какая-нибудь вещь от истинного мастера в своем деле, вроде неизвестного мне Мундо. Ирэн не понимала. Она бы с легкостью одолжила платье, приобрела еще одну вещь для аукциона, пообещав, что расплачусь позже. Чудесная и идеальная девушка, взирающая на окружающее с уверенностью

богатого человека, привыкшего, что все его желания можно удовлетворить. Как замечательно она впишется в любой бал, и как ей невдомек, что я не впишусь совершенно.

– Зоя, ведь аукцион – это возможность сделать еще одно доброе дело, – продолжала меж тем Ирэн.

Я молча стянула с шеи шарф – единственное, что у меня было, и под удивленными взглядами собеседниц положила его на стол рядом со статуэткой.

– Назови его даром от неизвестного мастера, пускай будет вклад в доброе дело, но сама я не пойду.

Ирэн захлопала глазами, не ожидая от меня столь грубого отпора, а я взглянула на Каролину, полагая, что она тоже обидится.

Женщина улыбнулась.

– Какая необычная комбинация – шарф и капюшон. Ручная работа?

– Зоя сама вяжет, – ответила за меня Ирэн, поспешно поднося к губам чашку в попытке скрыть растерянность и разочарование, сквозившие в каждом жесте.

– Благодарю, – Каролина кивнула спокойно и без малейшего укора, принимая мой дерзкий ответ. Вероятно, шарф даже не увидит аукциона, но в адресованном мне наклоне головы проявлялась хорошо знакомая мягкость. Примерно так же ее сын брал и подносил к губам мою руку, после того как я отказалась от любой его помощи, а ему пришлось вытаскивать меня из колючих кустов.

– Доброго дня, – прозвучал вдруг за спиной голос, об обладателе которого я только что думала.

– Арриен! – просияла улыбкой Каролина.

– Я приехал забрать тебя, – ответил ей защитник, которого я не видела, опасаясь повернуть голову.

– А у нас собралась чудесная компания! Ирэн и ее подруга Зоя. Не хочешь выпить с нами чаю, прежде чем мы уедем?

– С удовольствием.

И пока служащий ресторана бежал к нам с еще одним стулом, Арриен наклонился и поцеловал протянутую Ирэн руку, улыбнувшись зардевшейся девушке, потом повернулся ко мне, а я совершенно машинально спрятала ладони за спину, как и при первой встрече. Не то чтобы нарочно, просто это получилось само собой, не столько из-за

смущения, сколько от воспоминаний о воздействии последнего поцелуя. Однако защитник и мне улыбнулся совершенно естественно, будто не заметил, и поклонился, как в кабинете Нейтона.

Снова завязался неспешный разговор, а я, разнервничавшись, сломала пагоду. Крыша хрустнула, и одна из колонн упала на сладкую траву. Пospешно подцепив половину крыши на маленькую вилочку, я поднесла ее к губам и ахнула, привлекая к себе все взгляды. Покраснев, смущенно пробормотала:

– Тут даже с внутренней стороны черепица.

Каролина и Ирэн машинально опустили глаза на свои пирожные, Арриен посмотрел на меня. С обычным невозмутимым выражением, но мне показалось, будто в уголках его губ затаилась улыбка.

– Действительно. Как искусно! – пробормотала Каролина.

– Повар настоящий волшебник, – поддержала Ирэн.

Разговор снова потек неспешно, а я старалась больше молчать и съела, не заметив, все вкуснейшее пирожное. Кажется, в жизни не пробовала ничего лучше, если не считать любимых булочек, которые в приюте пеклись лишь по праздникам. Я все-таки утянула одну из корзины и откусила.

– Ох! – вновь не удержалась я и поспешно прижала пальцы к губам.

– Что там? – тут же спросила Каролина, переведя взгляд на булочки.

– Настоящая черепица в тесте? – пошутила Ирэн.

– Мм, – я покачала головой. – Просто...

– Просто? – девушка тоже потянулась за булочкой и принялась вертеть ее в руках.

– Просто вкусно.

Намного вкуснее, чем те, что я пробовала прежде. Они таяли на языке, оставляя сладкое послевкусие пудры, словно были сделаны не из теста, а из настоящего сахарного облака. Я воображала себе в детстве, будто облака сделаны из сахара.

Теперь уже моим словам улыбнулись все, а разговор тут же перескочил на сладости.

Когда вкуснейший ароматный чай в моей чашке закончился, а булочка окончательно истаяла во рту, настало время уходить. Вот только совсем не хотелось. Я вдруг осознала, что расслабилась в

приятной обстановке, слушая неторопливую беседу на отвлеченные темы, в которую никто меня насильно не втягивал. Когда Арриен что-то рассказывал или добавлял к чужим словам, голос его звучал умиротворяюще и приятно. Он обволакивал и дурманил сознание, даря ложное ощущение счастья, пока в конце концов меня не оглушило пониманием, что, подобно Ирэн, я начинаю впадать в транс. Сижу, радуюсь, наслаждаюсь сладким вкусом на языке, звучанием расслабляющего тембра, хотя не имею на этого никакого морального права.

Я поспешно поднялась. Ирэн и Каролина вскинули головы, а защитник отложил салфетку и поднялся следом. Сперва я испугалась, будто он вновь предложит меня проводить, и лишь потом сообразила, что это очередное проявление хорошего воспитания.

– Зоя? – удивленно спросила подруга. – Ты куда?

Последний час я сидела тихо и не компрометировала никого необычными выходками, так что Ирэн успела расслабиться.

– Мне пора, – поспешила сказать я, пока соблазн дожидаться, когда засобираются Каролина или Арриен, вновь не взял верх.

– Нейтон тебя отпустил, ты свободна вечером.

– Просто уже темнеет.

Собеседники посмотрели в окно, где золотистые лучи солнца проникали сквозь стеклянную крышу и падали в огромные окна ресторана. До заката оставалось не меньше двух часов. Ирэн выразительно подняла брови.

– Пока пройду до общежития, стемнеет.

– Зачем идти, если можно доехать? – уточнила девушка.

– Погода сегодня отличная.

Ирэн мало что не постучала пальцем по лбу. Едва ли кто-то здравомыслящий назвал бы сегодняшнюю погоду прекрасной.

– Мы можем вас подвезти, – тут же вежливо предложила Каролина.

– Почему? – сорвалось с языка прежде, чем озарившееся благодарной улыбкой личико Ирэн повернулось к матери защитника. Каролина явно растерялась, но вместо нее ответил защитник:

– Потому что у нас есть экипаж?

Ответ был завуалирован под вопрос и прозвучал безукоризненно вежливо. Никто бы не сказал, глядя в это невозмутимое лицо без тени

смеха в глазах, что в действительности защитник подтрунивает надо мной. Но я шестым чувством улавливала, когда Арриен мягко и беззлобно проявлял собственное остроумие, если его что-то откровенно забавляло. Всего за три короткие встречи я успела осознать, что и защитникам не чуждо чувство юмора.

– А что там с ветром, милый? – уточнила Каролина, едва заметно покачивая головой. Вероятно, она тоже отлично различала мягкую насмешку в голосе сына.

– Только усилился, – ответил Арриен. – Полагаю...

Он не успел закончить фразы.

– Какая встреча!

Новое приветствие, прозвучавшее рядом, избавило меня от необходимости отвечать. В этот раз я не узнала голос и обернулась.

Женщина лет сорока на вид ослепительно улыбалась Каролине и Арриену, а седовласый мужчина, которого она держала под руку, почтительно поклонился. Женщина решительно устремила к столику, игнорируя меня и приняв, вероятно, за временно нанятую службу ресторана. Я поспешно отступила с ее пути.

Тен Лораны приветствовали знакомых сдержанно и учтиво, однако по Каролине было заметно, что она не горит желанием общаться. Все же мать Арриена поднялась, а пока все отвлеклись на приличествующие случаю слова и жесты, я незаметно отошла еще дальше от стола. Возле двери на улицу знакомый мужчина за стойкой ослепительно улыбнулся:

– Уже уходите? Надеюсь, вам у нас понравилось?

– Да.

Он определенно рассчитывал на более развернутый ответ, поскольку смотрел с ожиданием, но, не получив его, бросился к вешалке и расправил куртку, собираясь помочь мне одеться.

– Передайте ее Арриену тен Лорану, пожалуйста.

– Но, – растерялся мужчина, – фьенде^[11] тен Лоран пришел в пальто.

Я пожала плечами и, игнорируя протянутые руки, вышла за дверь, которую передо мной галантно распахнул аркис.

Глава 5

В галерее было тепло – солнечные лучи прогревали воздух сквозь стеклянную крышу, – однако стоило мне миновать арку, как налетел порыв холодного ветра. Он действительно усилился, пока мы были в ресторане, и сейчас гнул растущие в отдалении деревья, а вокруг торговых рядов стремительно разворачивались прозрачные защитные экраны. Еще одна роскошная особенность элитного района, на обычных рынках подобного было не найти.

Я пригнула голову и направилась в сторону, противоположную стоянке экипажей. Ирэн будет счастлива проехаться вместе с защитником, а мне слишком неловко в его присутствии. Я ужасно терялась и ощущала себя до невозможности глупо, потому что не могла вести себя как полагается.

Громкий скрежет заставил меня встревоженно вскинуть голову, когда я уже перешла дорогу и очутилась по другую сторону вблизи деревьев. Порыв ветра на моих глазах дернул полуоторванный железный лист щита с громкой надписью о благотворительном базаре.

– Осторожно! – закричала я бегущему впереди мальчику лет шести. Ребенок вырвался от голоса няни и бросился за мячом, очутившись почти под щитом. Еще один громкий скрежет, и я рванулась вперед, а мальчик удивленно запрокинул голову. Не знаю, кто крепил железный лист, но, вероятно, они посчитали, что его все равно придется снимать на другой день, а потому не особо старались. Няня громко завизжала, мальчик застыл, я прыгнула вперед и оттолкнула его, пригнувшись в ожидании страшного удара.

Меня оглушил скрежет и вой покореженного железа. Его смяло невидимой силой и впечатало в столб в нескольких сантиметрах над моей головой, словно ветер обрел вдруг силу, достаточную, чтобы удержать металл. А после эту бесформенную массу швырнуло прочь к стене на глазах шокированных очевидцев, я же медленно подняла голову и обернулась. Только и успела увидеть, как защитник опускает протянутые ко мне руки, а затем перед глазами резко расплылось, и закружилась голова. Я на ощупь вцепилась в оказавшийся рядом столб и прижалась к нему, пытаюсь обрести равновесие. Рядом громко

заплакал упавший на мостовую ребенок, которого я оттолкнула. Вряд ли он плакал от резко накатившего осознания, подобного накрывшему меня, скорее от испуга и удара о землю. Мне послышался голос няни, пытавшейся его успокоить. Зрение постепенно возвращалось, зато начало сильно трясти. От холода, а может, от всего разом.

– Зоя, идемте, – прозвучал над головой тихий голос, а холодный столб сменился чужим плечом, в которое я вцепилась.

Какая невероятная разница! Люди и защитники. Колоссальная. Я только собой и могла закрыть. Для меня чужое спасение могло оказаться фатальным, а для него достаточно было поднять ладони, чтобы на таком расстоянии смять и расплющить металл.

– Я уже иду.

Но у меня плохо получалось идти, к тому же даже подумать – куда идти и зачем – не выходило. Пока я могла только перебирать ногами, крепко вцепившись в плечо, ясно ощущая под пальцами мышцы напрягшейся руки. И тепло от ладони, совсем легко, но так успокаивающе обнявшей меня за спину. От нее, от всей его фигуры шла согревающая сила, та особая аура, окунувшись в которую невольно начинаешь расслабляться, позволяя себе роскошь стать совсем слабой и просто вцепиться побелевшими пальцами в того, кто сильнее.

– На улице ужасный ветер, а вы решили пешком идти до самой школы. Ирэн и Каролина велели привести вас обратно. В экипаже найдется место, к тому же в нем совершенно безопасно.

Он говорил размеренно, негромко, и этой отвлеченной беседой успокаивал, позволяя ощутить, что все и правда позади. Все хорошо. Дрожь потихоньку проходила, страх отпускал, и отголосок скрежета металла в ушах теперь заглушал его тихий голос.

– Спасибо! – Это няня догнала нас, прижимая к груди хнычущего ребенка. – Спасибо! Вы спасли его!

Она смотрела на защитника полными безграничной благодарности глазами. Ведь не отправься он за мной, что могло случиться? Где гарантии, что малыша не зацепило бы? Люди, защитники. Колоссальная разница. И они не любили благодарности, они просто делали то, для чего были призваны.

– Я подросел позже ее! – Арриен указал на меня.

– Вам тоже спасибо... – она замешкалась, пытаясь отыскать какие-то знаки отличия на моей одежде, хотя бы ученический значок, фамильное кольцо, нечто, указывающее на социальную принадлежность, потом наугад продолжила: – милая тэа^[12], за благородный порыв. Ох, но если бы вы не предотвратили... – вновь повернулась она к защитнику.

Вокруг уже собрались люди, заметившие, что все закончилось хорошо; их восхищенные возгласы вторили няниным. Защитник вытянул руку, обрывая славословия, затем коротким кивком попрощался со счастливыми зрителями и провел меня мимо расступившихся людей. За нашими спинами толпа вновь зашумела, бурно обсуждая произошедшее.

Ко мне уже вернулось зрение, голова перестала кружиться, даже знобить перестало, а потому я поняла, что Арриен увлекает меня в обратном направлении, все так же мягко обнимая за спину. Мне не хотелось вырываться, но, осознав это, я подумала, что лучше бы он меня отпустил. Как показывал опыт, никогда не стоило позволять желаниям брать верх над собой. Я попробовала вывернуться, крутанувшись вбок, но лишь вынудила защитника вытянуть и свободную руку, заключая меня в кольцо. Вероятно, он даже решил, будто от потрясения я утратила ориентиры, не владею собой и сейчас рванусь напрямиком на дорогу.

– Не могли бы вы меня отпустить? – смущенно попросила, чувствуя, что теряюсь под действием магнетизма защитника, столь явственно ощущаемого вблизи.

– Конечно, – я лишь уловила его кивок, поскольку вскинуть голову не решалась, – а вы сможете дождаться экипажа и не пытаться сбежать вновь?

– Разве от вас сбежишь?

Я рискнула чуть-чуть поднять взгляд – и увидела самый краешек его улыбки. Мужчина опустил руки, а невдалеке уже отчетливо слышался стук колес, и возле нас затормозил красивый экипаж. Дверца распахнулась, и наружу выглянула встревоженная Каролина.

– Что случилось?

Над ее плечом показалось лицо Ирэн, а его выражение из озабоченного внезапно стало очень недовольным. Я поняла, как неправильно смотрюсь, стоя так близко к защитнику и позволяя себе

слабость касаться его рукава. Ох, насколько лучше не допускать поблажек вообще, чем впоследствии преодолевать себя, вновь устанавливая внутренние запреты!

– Щит снесло ветром. Его не закрепили как следует, – размеренным тоном пояснил Арриен, – кто из вышестоящих ответственен за эту часть города?

– Непременно выясню!

– Не утруждай себя, я найду.

– Невероятно! Просто невероятно!

Из-за экипажа выскочила запыхавшаяся пара, которую мы встретили в ресторане.

– Каролина! Это было нечто! Когда ты сказала, что необходимо догнать ушедшую спутницу, мы тоже направились к выходу. И уже переходили улицу, когда заметили, как ветер оторвал щит. Мы все хорошо разглядели! Невообразимо! Мне показалось, что острый край просто снесет девушке голову, когда ваш сын смял железо, точно бумагу, и отбросил к стене! Это было великолепно!

– Великолепно? – не поняла Каролина.

– Сколько лет живем рядом с защитниками, но каждый раз поражаемся! – патетично воскликнула дама. – Арриен, это произвело неизгладимое впечатление!

Я заметила, что, несмотря на патетику, протягивать руки или еще как-то демонстрировать высказанную на словах фамиллярность женщина не решалась.

– Зоя, милая, как ты? – встревоженно спросила Каролина.

– Я в порядке, – тихонько ответила я, не зная, куда девать глаза. – Правда. Я бы даже могла пройтись...

Куда-то подальше от скрестившихся на мне взглядов: сочувствующего – матери Арриена, осуждающего – Ирэн и завистливого – той незнакомой женщины.

– Нет, – твердо оборвал мою речь защитник и негромко сказал Каролине: – Довези их до школы.

– Правда, правда, дорогуша, как вы можете еще помышлять о прогулке? – снова вмешалась разговорчивая дама, пока я нерешительно топталась на месте. – Вам оказалось мало? Сегодня ужасный ветер. Опрометчиво в такой ветер бросаться под щиты,

особенно когда они наполовину оторваны. Хорошо, что сзади оказался наш Арриен.

Я стремительно покраснела, когда сладко-ядовитый намек достиг моего разума. Вероятно, издалека видно было только этот момент: как я безумно кидаюсь под отрывающийся щит, а ребенка, скорее всего, заслонили другие люди. Могло показаться, что я решила проскочить под щитом именно затем, чтобы меня спас защитник, которого я, конечно же, заранее заметила. Может, кто-то так и поступал прежде? Подвергал себя опасности в глупой попытке оказаться в объятиях кинувшегося на выручку мужчины? Вдруг из наших встреч Арриен тоже сделал вывод, будто я пытаюсь разжечь в нем интерес?

Я дернулась в сторону, но защитник перехватил. Его ладони обняли за талию, подняли меня и посадили на ступеньку экипажа, а там Каролина протянула руки и ласково потянула меня на сиденье рядом.

Наша собеседница, не прекращая восторженных ахов, вновь подарила мне завистливый взгляд и со знанием дела покачала головой.

– Зоя, вы переволновались. Лучше сейчас отдохнуть в тишине экипажа. К тому же у вас просто ледяные ладони, – проговорила Каролина.

– Ты забыла куртку в ресторане? – спросила Ирэн. – Нужно послать записку, чтобы отправили ее в школу.

– Всего вам хорошего, – помахала рукой дама. – Каролина, Ирэн, так счастлива была вас увидеть! Арриен! Еще раз прими мое восхищение! А люди там, под щитом, никак не могут разойтись, все обсуждают произошедшее. Ох уж эти зеваки!

– Вероятно, успокаивают мальчика, – отозвался защитник.

– Какого мальчика?

– На которого едва не упал щит.

Женщина открыла рот и не нашла с ответом. После заявления, что они все хорошо рассмотрели, было бы странно говорить, будто никакого мальчика они не заметили.

– Всего вам хорошего, – попрощался с ними Арриен.

– До свидания, – пробормотала дама, и они с мужем поспешно направились прочь.

– Ирэн, Зоя, – он поклонился нам и уже начал закрывать дверь, когда Ирэн воскликнула:

– Ты не едешь с нами?

– К сожалению, дела.

– Тогда до вечера. Встретимся на балу, – улыбнулась девушка.

– Я уезжаю. К моему искреннему огорчению, не смогу присутствовать на празднике. Улетаю на две недели в Альбергу.

Он снова склонил голову, дверь захлопнулась, экипаж мягко покати по дороге.

– Улетает? – неверяще спросила Ирэн у Каролины.

– Да, – мягко проговорила женщина, – вылет перенесли в другой порт из-за ветра. Ему придется уехать раньше.

Ирэн молча отвернулась к окну, крепче сжав в ладонях статуэтку.

– Он вернется через две недели.

– А мы улетим как раз через две недели, – вздумалось мне неудачно поддержать разговор.

– Я слышала, – ответила Каролина. – Арриен одно время планировал перенести вылет, но в итоге остановился на прежней дате.

Она задумчиво посмотрела в окно, а затем вдруг добавила:

– Надеюсь, он вернется не один.

– Не один? – мигом откликнулась Ирэн.

А мне ни с того ни с сего представилось, как защитник возвращается с головой чудовища.

– Понимаю, Эсташ вряд ли прилетит, но, надеюсь, хотя бы Мариона навестит нас, – отозвалась Каролина.

– Ах, ваша невестка, – с облегчением выдохнула Ирэн, – как она поживает?

– Как и прежде, не желает возвращаться, – с искренним огорчением в голосе проговорила Каролина.

– Неужели из-за старой истории? – поинтересовалась Ирэн. – Разве последствия скандала оказались столь велики?

– Не в этом причина, – с легкой прохладцей в тоне ответила Каролина, – мы разобрались со всеми последствиями.

– А что за скандал? – вздумалось мне снова влезть в светскую беседу двух подкованных в ней дам и опять с не самым удачным комментарием.

– Вы разве не слышали? – искренне удивилась мать Арриена.

– Зоя, ты серьезно? – обернулась ко мне Ирэн. – Вся школа гудела об этом.

Я пожала плечами. У школьных сплетниц каждый день очередная новость на языке. Откуда мне знать, что они обсуждают?

Ирэн усмехнулась, будто мысленно махнула на меня рукой, а Каролина кратко пояснила:

– Скандал был связан с женитьбой моего старшего сына.

– Совершенно непонятно, отчего все тогда переполошились, – взялась утешать женщину Ирэн. Хотя Каролина не выглядела слишком расстроенной, но, вероятно, вспоминать о шумихе ей было неприятно. – Происхождение происхождением, но сколько плюсов! Наследница рудников, богатые родители, училась в лучшей гимназии. Выгодная партия для заключения договорного брака.

Отчего-то мне показалось, будто произнесенные с искренним сочувствием слова Ирэн прозвучали не слишком вежливо, со скрытой издевкой.

– Она чудесная девушка, – просто ответила Каролина, – и мы все ее очень любим.

На этом разговор закончился, а потом нас довезли до школы и вежливо попрощались. Уже когда экипаж отъехал от ворот, я удивленно посмотрела на обычно спокойную и вежливую Ирэн, определенно склоняясь к тому, что девушка допустила бестактность в разговоре.

– Злишься? – не могла не спросить я, когда Ирэн вдруг пнула валявшуюся на дороге палку.

– Конечно, я злюсь! – выдохнула девушка. – Его старший брат женился на дочери рудокопа, а младший воротит нос от богатой аристократки. «Мы все ее очень любим, чудесная девушка, надеюсь, Арриен привезет Мариону», – передразнила она.

Я поняла, что сегодняшний отъезд защитника и разочарование, что она не сможет встретить его на балу, огорчили Ирэн сверх меры.

– Эти идеальные семьи, эти наследники старших родов, блюстители своих неприкосновенных традиций! Разве они могут что-то нарушить? Разве кто-то посмеет сказать им поперек хоть слово? «Пускай Арриен ради нее слетает в пустыни, чтобы уговорить навестить нас». Уговорить! «Мы разобрались с последствиями скандала». Еще бы не разобрались! Старший сын украл жену друга, но «мы очень любим Мариону, она чудесная девушка!». Три раза ха!

Наследница богатейших рудников, где добывается очень редкий и нужный защитникам металл, вот кто она! А еще дочь рудокопа!

Такой Ирэн мне ни разу не доводилось видеть. Но я тут же поняла, что у девушки попросту истерика – она вдруг резко свернула с тропинки, уселась на скамью и, опустив лицо в ладони, принялась тихо всхлипывать.

– Ирэн, – растерянно позвала я.

– Уйди, Зоя, – махнула она рукой, – хочу побыть одна.

Когда я повернула в сторону общежития, до меня долетело ее негромкое:

– Через две недели улетаем? Это мы еще посмотрим!

* * *

Трен за полночь пробрался в комнату, славно покутив с друзьями, и собирался хорошенько отоспаться, но его планы рухнули. Оказалось, кровать занята. На ней, сладко посапывая, раскинулась обнаженная Олли. Вероятно, девушка проникла в комнату вечером, желая застать Трена, но не дождалась и уснула. Во сне она разметалась, сбросила одеяло, и теперь весело прошедший вечер и не совсем трезвый парень лицезрел ее во всей красе.

– Цахарис! – Трен провел ладонью по лицу и тряхнул головой. Нет, он не допился до бреда. Как только пробралась в общагу парней? Сунула взятку коменданту? Наверняка.

– Олли, эй, Олли! – Трен поставил ногу на матрас и потряс его. Девушку подкинуло вверх-вниз, и она недоуменно раскрыла глаза.

– Тре-е-ен, – протянула она сонно, потом окинула комнату уже более осмысленным взглядом. – А что, уже ночь?

– Ага, – парень принялся расстегивать рубашку, – и если ты выпалась, то освобождай кровать.

Он бросил рубашку на стул и взялся за ремень брюк.

– А если нет? – томно спросила девушка, поворачиваясь на бок и наблюдая, как он раздевается.

– Тогда двигайся.

Он бросил штаны и нижнее белье на тот же стул и уселся на край кровати, а затем повалился на спину и блаженно закрыл глаза.

– Трен, – тоненько пропищала Олли, прижатая к стене, – ты совсем меня придавил.

– А что ты хотела, – пробормотал парень, неохотно поворачиваясь на бок, – кровать узкая.

– Я хотела, чтобы мы спали на ней не в таком положении, понимаешь? Есть более удобные позы, когда помещаются двое.

– Угу, – громко зевнул парень и закрыл глаза.

Олли прижалась к его спине и провела ручкой по груди, опуская ладонь все ниже. Трен дернулся и выругался.

– Ты дашь мне поспать?

– А сам как думаешь? – прошептала девушка ему на ухо, отчего парень раздраженно зарычал.

– Да в бездну тебя! – и резко перевернулся, подмяв Олли под себя. Она тихо вскрикнула, когда парень закрыл ей рот поцелуем.

– Трен, Трен! – она замолотила кулачками по широкой спине, едва он отстранился. – Прекрати!

Парень поднялся на руках.

– Прекратил, дальше что?

– Ты укусил меня за губу! В прошлый раз ты был нежнее.

– Детка, я не в нежном настроении. Хочешь снять напряжение – давай, не хочешь – поищи партнера поласковее. Мне сегодня неохота тратить время на прелюдии.

– Ты это нарочно! – сверкнула глазами девушка, выбираясь из-под него и бросаясь к грудке собственной одежды.

Она яростно натягивала на себя платье, по ошибке пытаясь просунуть голову в рукав. Уже затянув пояс ту же, она подхватила туфлю и от души запустила в парня, а он увернулся и обидно расхохотался.

– Сколько страсти, Олли!

– Чтоб тебе чудище голову откусило, Трен! Вероятно, ты скоро превратишься в отшельника, раз уже начал поститься!

А потом вдруг прищурилась и со злостью проговорила:

– Или бережешь силы для другой?

– Ага, – ухмыльнулся парень, переворачиваясь на живот и утыкаясь в подушку.

– Кого? – яростно прошипела девушка.

– Приведи Зои и узнаешь, – пробормотал Трен, вновь блаженно закрывая глаза.

– Зои-и, – протянула Олли, а потом зло рассмеялась: – Ну, поглядишь на свою Зорьку завтра, уж точно всякое желание пропадет!

Трен резко поднялся на руках, сон как рукой сняло.

– Что ты сказала?

Но девушка выскочила за дверь и помчалась по коридору, едва он спрыгнул с кровати. Парень сперва кинулся к выходу, но вспомнил, что успел раздеться. А пока он натянул одежду и бросился в погоню, собираясь вытрясти правду, Олли успела сбежать. Трен направился к женскому общежитию и остановился под окном Зои. Запрокинул голову, рассматривая его, но за стеклом уже не горел свет. Парень постоял некоторое время, пока вдруг до него не дошло, что он как полный идиот замер под окном девушки и тупо пялится на него.

– Да Цахарис побери всех дур! – выругался Трен. Затем пнул камень и добавил: – И дураков тоже!

* * *

Утром он направился на урок в паршивейшем настроении. Трен совершенно не выспался за ночь и теперь был зол на весь мир. Кивнув друзьям, прошел мимо, игнорируя оклики, и направился туда, где обычно ждала урока Зои. Девушка и теперь стояла там, прислонившись к стене и сложив ладони на потертой сумке. Длинная цветастая юбка укрывала ноги, бесформенный свитер висел на плечах. Трен поднял глаза выше и резко остановился. Даже не сразу сообразил в первый момент, что это Зои. А когда понял, первой мыслью было: от подобного зрелища всякое желание пропадет? Блестящие рыжие локоны свободно падали на плечи, подчеркивая миловидность точеного личика, а прозрачные глаза обрели удивительный блеск. Колдовской, он бы сказал, потому что они оказались зелеными. Раньше ни за что не назвал бы их цвет, да и в целом, спроси кто, как Зои выглядит, описал бы ее так: сочетание взлохмаченных светлых волос, бесформенных свитеров и цветастых юбок. Сейчас ей потрясающе пошло бы зеленое платье под цвет глаз.

– Привет, – он остановился напротив. Зои вынырнула из отстраненного созерцания двери и взглянула на него. Немного смутилась, как обычно, – легкий румянец проступил на щеках. А ведь кожа у нее белая, но без веснушек, и такая нежная, бархатистая. Его полнейшее непонимание, отчего вдруг этот вид должен был отвратить, только возросло. Всего лишь розыгрыш со стороны Олли? А он, как дурак, полночи нервничал, думая, какую пакость девчонка могла сотворить и что вообще произошло с Зои. Оказалось, все в полном порядке.

Трен скинул с плеча сумку и запустил в нее руку.

– Держи, – протянул тувельку и вложил в руку Зои, наблюдая, как недоуменно сошлись ее брови.

– Зачем? – она повертела предмет в руке.

– Чтобы выбросить.

Девушка посмотрела на него. Трен усмехнулся, а она, пожав плечами, без лишних слов подошла к стоявшей неподалеку корзине для мусора и уронила в нее тувлю. Парень повернулся к бледной злой Олли, все это время сверлившей его полным ненависти взглядом, и к ее изумленным подружкам. Девушка проводила глазами тувельку и побледнела еще больше. Трен отсалютовал ладонью, а Олли с досадой отвернулась. Зои отряхнула руки и вернулась на прежнее место, но в этот момент прозвучал звонок, дверь раскрылась, и ученики потянулись на урок.

Первым шло занятие по основам выживания в пустынях. В преддверии поездки группе добавили еще один предмет, который был необязателен к посещению ученикам, не планировавшим участие в экспедиции. Кто-то радостно досыпал в это время в общежитии, но Трен подскочил ни свет ни заря, а все из-за Олли и ее дурной шутки. Впрочем, он все равно собирался прослушать эти лекции.

Рядом с преподавателем по основам выживания обнаружился и арис Нейтон. Когда ученики устроились за столами, он передал учителю бумаги и попросил зачитать, а сам удалился.

– Перед началом занятия меня попросили сделать несколько объявлений, – заговорил преподаватель. – Во-первых, ваш вылет переносится на неделю раньше. Учебный совет решил организовать конференцию, посвященную теме чудовищ. От нас требуется выступить на ней с докладом, потому придется вернуться прежде

запланированной даты, а значит, ускорить сборы и приготовления к отъезду.

Он поднял руку, когда ученики загомонили. В основном участники экспедиции радовались более раннему отъезду.

– Во-вторых, после конца занятий все подойдите вниз к кастеляну. Вам выдадут форму и необходимый набор для поездки в пустыни. Счастлив сообщить, что в приеме учеников принял участие энсар Альберги. Благодаря его помощи вы будете полностью экипированы, к тому же это сократит расходы школы. И третье – список участников дополнен, теперь в него включен Трентий оль Вин.

Учитель поднял глаза, взглянув на парня, чье сердце от радости заколотилось быстрее.

– Трен, после занятий тоже отправитесь к кастеляну. У меня все. Теперь приступим к занятиям, вам нужно освоить еще несколько важных моментов, раз отъезд произойдет быстрее, чем планировалось.

Урок начался, но Трену стоило немалых трудов на нем сосредоточиться, впрочем, как и на последующих. Ему было ужасно любопытно, что же Зои сказала Нейтону.

Едва закончилось последнее занятие, как он вышел из класса и, не задерживаясь, направился за Зои. Трен перехватил ее в коридоре, прежде чем девушка успела уйти в столовую.

– Хотел сказать спасибо, – заговорил, наблюдая, как она снова краснеет.

Забавная реакция на него. Но смешнее оказалось, что и сам прежде не замечал ее, пока вдруг не решил, что Зои – его шанс на поездку в пустыни. Он оказался прав, однако загвоздка крылась в неожиданном понимании, что девушка начала ему нравиться. И это было более чем странно и совсем необъяснимо. В тот момент, когда она проучила его, заставив выпить приворот, что-то щелкнуло в голове. Впрочем, Трен не собирался копаться в себе и устраивать разбор причин. Ему важнее было действовать.

– Пожалуйста, – просто ответила Зои, поправляя на плече сумку и устремляя взгляд мимо, куда-то на стену коридора. Ему же хотелось, чтобы она смотрела на него. Ну не удивительно ли, как при всей своей странности она умудрилась его зацепить?

– Что ты сказала Нейтону?

Теперь девушка опустила голову, избегая его взгляда. Непонятная. Ведь он ей точно нравится, но при этом Зои вечно существует в каком-то своем мире, куда тяжело пробиться. Вроде и с ним, а вроде и нет.

– Арис Нейтон, у нас собраны все в той или иной области одаренные ученики, которые составят основу экспедиции, но нет человека, который смог бы при случае отрубить чудовищу голову, – процитировала она саму себя.

– Так и сказала? – поразился Трен.

– Да, – кивнула она, – кроме ума, нужна сила. Нейтон согласился.

– Значит, считаешь меня сильным? – улыбнулся он.

Зои вздохнула и сделала попытку его обойти, но Трен перехватил ее за локоть.

– Подожди.

– Отпусти, Трен. – Она наконец подняла голову. – Я сдержала слово, не нужно больше всего этого.

– Пойдешь со мной на настоящее свидание?

Зои недоуменно нахмурилась.

– Зачем?

– Зачем? – усмехнулся парень. – Ты серьезно? Зачем ходят на свидания?

– Чтобы опоить девушку?

– Извини за тот случай.

– Не хочу снова подобного свидания. Откат – неприятная вещь.

– Зои, – он крепко сжал ее плечи, – даю слово, ничего подобного больше не повторится. Хочешь, сама выбери место, где нам подадут еду, в которую точно ничего не добавлено?

– Я не хочу, – ответила она и снова отвернулась.

Зое было сложно объяснить, какую боль причинили его слова тогда, когда она вдруг поверила, что и у нее могут быть нормальные отношения, что она может понравиться. Какое счастье вдруг ощутила, будучи, по сути, белой вороной среди остальных девушек, когда такой парень, как Трен, пригласил ее на свидание. И насколько сложно оказалось вынести разочарование от рухнувших надежд.

Он отпустил ее плечи, а Зои отстранилась.

– Пока, Трен. Увидимся на уроках.

Она уже сделала несколько шагов, когда парень произнес:

– Ты очень красивая, Зои.

Девушка недоверчиво оглянулась.

– Я серьезно.

Он шагнул к ней, а она отступила.

– Боишься меня? – насмешливо улыбнулся парень.

Зоя замерла, пытаясь осмыслить, что теперь чувствует к Трену, но парень не позволил ей долго раздумывать. Шагнул вплотную и, наклонившись, взял в ладони ее лицо, а затем поцеловал. Не как в прошлый раз, будто требуя своего и встречая сопротивление в ответ, а с удовольствием. Наслаждаясь прикосновением к податливым губам, скользя пальцами по гладким щекам и мягким волосам. Почувствовал и момент, когда по ее телу прошла дрожь, и мысленно довольно улыбнулся, принимая ее ответ, раскрывая губы и углубляя поцелуй, пока у девушки не начало срываться дыхание. Зою слегка покачнулось, а он крепко прижал ее к себе, наслаждаясь теплом ее тела.

– О, какие нежности! – прервал тягучее удовольствие ядовитый голос Олли. – Мне следовало дожидаться сегодняшнего дня, раз вчера ночью ты хотел обойтись без прелюдий.

– Ты меня преследуешь, Олли? – Трен нехотя оторвался от Зою, но при этом крепко обхватил девушку обеими руками, чтобы не вырвалась и не убежала. И тут заметил в руках Олли туфельку. – Смотрю, не брезгуешь копаться в мусоре?

– Я пришла тебя поздравить, Трен, – девушка покраснела и подняла туфлю повыше, помавав ею в воздухе, словно очень хотела снова запустить в чью-то голову. – Как удачно тебя включили в состав экспедиции, буквально в последний момент.

Парень тотчас же ощутил, как Зою вновь пытается вывернуться.

– Отпусти, пожалуйста, – негромко попросила она, и ему пришлось разжать руки.

– Так что насчет свидания, Зою? – спросил он, игнорируя ненавидящий взгляд Олли.

– Наверное, лучше не стоит, – ответила девушка.

И пока он, замерев, осмысливал ее отказ, вцепилась в свою сумку и сбежала.

– Ой-ей, ненормальная отказала нашему Трену, – раздался ехидный голос Олли.

– Ты еще здесь? – резко повернулся к ней парень, и девушка даже попятилась.

– Сколько страсти! – передразнила она его вчерашние слова, но при этом слегка побледнела и крепче сжала в ладонях туфельку.

– Просто исчезни, – махнул рукой Трен, и Олли без лишних слов поспешила скрыться. Парень же прислонился к стене коридора и задумался. – Ладно, Зои, – медленно проговорил он, – можешь бегать от меня, но от себя точно не убежишь.

Глава 6

Я спустилась к кастеляну, собираясь получить обещанную форму, но старичок встретил меня недовольно.

– Экипировка? Какая экипировка? Вечно Нейтон все путает. Не голова, а решето во всех вопросах, кроме его любимого предмета. Вроде талантливый учитель, но такой рассеянный. Как его во главе экспедиции поставили? Уж точно замучил директора, который год талдычит про эти материалы...

– Так ничего не будет? – погрустнела я – в пустынях не оденешься в свитера и юбки, там требуется совсем иная одежда.

– С чего сразу не будет? Директор говорил, чтобы я ожидал поступления.

– Школа закупит?

– Будет школа тратиться! Есть у нас перечень постоянных поездок, к ним и обновляем экипировку каждый год, а Альберга – это особая местность. Но директор сказал, чтобы я ждал. Будто бы энсгар тен Лоран обещал содействие в организации. Только энсгару тоже время требуется. А Нейтон слышал звон, да не знает, где он. Сразу учеников засылает. У меня же еще ничего нет.

– Понятно.

– Передай всем, нечего пока ко мне заходить.

Я кивнула.

– Либо завтра, что вряд ли, либо в ближайшие дни. Проволочек хватает. Ни разу не доводилось видеть, чтобы все в кратчайшие сроки делалось. Защитники много чего могут, конечно, но больно тому же энсгару нужно возиться с какими-то экспедициями.

– А что означает «энсгар»? – Я так часто слышала это обращение, но по-прежнему не слишком понимала его значения.

– Вроде главный в оазисе. С ним все согласовывают.

– То есть он как наш директор?

– Сравнила тоже. Директор, поди, людей не лечит.

– Так он врач?

– А кем еще он может быть, если люди в пустынях мрут, точно мухи? Только мне неоткуда подробности знать. Вот что рассказывают, так

это будто в Альберге лучше дела обстоят, чем в иных местах. Ну а дальше сама разберешься, как там окажетесь, коли совсем интересно. Пока же иди, нечего от дел отвлекать.

И кастелян с кряхтением уселся в старое кресло и открыл журнал, а я направилась в столовую, собираясь после сразу пойти к Нейтону. Домашних заданий из-за близости поездки у нас почти не было, все разбирали прямо на уроках, нам только выдавали дополнительную литературу и брошюры, чтобы изучать в свободное время. Экзамены для участников экспедиции перенесли на более поздний срок. Может, директор и считал, что нет смысла вкладываться в составление энциклопедии чудовищ, но в целом ему явно виделись заманчивые перспективы. До сих пор полных справочников не существовало. Школа могла бы получить немалые почести и награды за подобный трактат.

В кабинете учителя, когда я туда вошла, обнаружилась удивительная картина. Вооружившись ножовкой, арис Нейтон пытался распилить собственный стол.

— Что вы делаете, арис?

— Пытаюсь выпилить кусок столешницы с дневником! Ты же слышала, что отлет через неделю, а Арриен тен Лоран обещал забрать дневник через две. Мы же не знали, что планы так сильно изменятся.

— Вы хотите взять дневник с собой? — Я наблюдала, как, высунув от усердия язык, учитель тщетно пытается отпилить хоть кусочек.

— Ты только погляди! — махнул он ножовкой. — Берет дерево только до определенной черты, а потом лезвия тупятся, вообще не пилят.

— Защитник же сказал, что дневник не унести. Наверное, не стоит волноваться на этот счет.

— Не знаю даже. — Учитель вытер лоб. — Попробую потом другой метод. А ты пока садись, нужно побыстрее закончить с рисунками из дневника и их описаниями. Нам теперь следует уложиться в более короткий срок. Ты уже получила экипировку? Я напоминал кастеляну, чтобы не забыл выдать.

— Я была у него, но он сказал, еще ничего не пришло.

— Как не пришло? — удивился Нейтон. — Совсем не пришло?

— Он сказал, все будет позже.

– А мне целая коробка пришла, – Нейтон выставил на стол коробку и снял с нее крышку. – Вот.

Он принялся вынимать и выкладывать на стол складной нож, коробку с символом первой помощи на крышке, перчатки, какой-то прозрачный пакет с белым порошком и этикеткой-инструкцией, веревку, набор для разведения огня, зеркало, компас, маску на лицо и защитные очки, герметично упакованный спальный мешок. Затем достал письмо и зачитал:

«Прошу вас ознакомиться с набором и высказать мнение или пожелания относительно того, чего в нем недостает. Мы немедленно включим это в основной перечень, а после сформируем и отправим наборы вашим ученикам».

– О... – Нейтон почесал кончик носа. – Это только мне пришло?

– Видимо, они ждут вашего ответа, поэтому не отправляют остальное.

– Хм, действительно. Ладно, я ознакомлюсь. Чего там может не хватать, даже не знаю... Это лучше показать учителю по основам выживания в различных местностях. Он точно скажет, что еще нужно.

Арис снова заглянул в коробку, вытащил из нее удобный вещевой мешок, в который предполагалось складывать все присланные вещи, а затем какую-то плоскую коробочку.

– Зоя, тут подписано: «Вашей помощнице».

Он протянул мне широкий деревянный пенал со сдвигающейся крышкой, открыв которую я ахнула:

– Карандаши!

– Что? – переспросил арис.

– Настоящий набор карандашей!

– А, – Нейтон тут же потерял интерес. – Это хорошо. Будет чем зарисовывать, а то от твоих грифелей одна черная пыль на столе.

Я прижала коробку к груди, а арис уже подвинул ко мне чистые листы.

– Приступим к работе, Зоя, неделя пролетит как один миг.

Вечером, вернувшись от учителя, на двери своей комнаты я обнаружила записку:

«На уроках было некогда, а когда я зашла поболтать и рассказать об аукционе, тебя не оказалось в комнате. Жду завтра после обеда у ворот. Прогуляемся немного по окончании уроков. Должна же и ты иногда выходить из кабинета Нейтона, а иначе он превратит тебя в свое женское подобие. И еще мне ужасно интересно выяснить одну вещь. Поможешь?

Ирэн».

Весь следующий день даже в перерывах между занятиями Ирэн загадочно молчала, в чем же я должна ей помочь. И, разумеется, я начала волноваться, что такого могло произойти. Даже мои любимые лекции о происхождении населяющих Кенигхэм существ и высших созданий (к которым относили защитников), где речь заходила и об эмблемах каждого рода, схематическом различии в начертании крыльев и прочих подобных вещах, я в этот раз слушала невнимательно. А ведь сегодня учитель рассказывал о происхождении чудовищ, появившихся в стране еще до крылатых воинов.

Едва закончились занятия и обед, как я отправилась к воротам. Ирэн ожидала за калиткой рядом с экипажем.

– Зоя, сегодня мы не идем пешком, – быстро произнесла она. – Я тебя пригласила, значит, нанимаю транспорт.

Она быстро юркнула в уютное тепло экипажа, а я забралась следом. Ирэн назвала вознице адрес, показавшийся смутно знакомым.

– Куда мы едем?

– На модную улочку.

Снова элитный район?

Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, поскольку девушка тут же добавила:

– Не переживай, я просто хочу заглянуть в салон знакомой модистки и оставить ей список необходимых в пустыне вещей, которые она должна сшить в ближайшие дни.

– Нам же выдадут униформу.

– Фи, – Ирэн скривила хорошенькое личико, – однотипные балахоны и штаны? Да брось!

Осталось только пожать плечами.

– А в чем я должна помочь? – уточнила я у девушки.

– Выяснить одну вещь.

Ирэн загадочно улыбнулась и принялась говорить о том, как прошел аукцион. Какие лоты ее поразили, как изумительно все было организовано. О дамах, нарядах, представителях старших родов, о блеске, роскоши и прочих далеких от меня вещах.

– Приехали! – объявила она, едва экипаж остановился, а затем изящно сошла на мостовую, опираясь на руку подбежавшего возницы и попутно вложив ему в ладонь монеты. Я же просто выпрыгнула следом. – Посмотри, Зоя, это самый известный магазин. Все, что входит в моду, в первую очередь появляется именно здесь.

Я воззрилась на огромные стеклянные витрины, возле которых замерли несколько красиво одетых девушек и женщин постарше. Ирэн уверенно направилась к центральному стеклу, занимавшему, кажется, всю стену.

– Так и думала! Только взгляни! Ты видишь то же, что и я? – и она указала на нечто по ту сторону прозрачной преграды.

Подойдя ближе, я посмотрела в указанном направлении, пытаюсь понять, что такого должна там увидеть. Последний писк моды?

– Они называли это снуд, – с восхищением в голосе произнесла Ирэн, – но сделали и правда изумительно. Из шелка. Смотри! И наверняка расшили вручную. Изготовили всего за сутки! Вот это называется скопировать так, что и не придерешься.

Я слушала вполуха, рассматривая шарф-капюшон на манекене, наподобие того, что я недавно связала.

– Мне хотелось проверить, правдивы ли слухи, будто все, одобренное Каролиной тен Лоран, непременно становится популярно. Оказывается, так и есть. На аукционе я до последнего не верила, что отданная тобой самодельная вещица и правда окажется среди всех тех роскошных и редких лотов, но она ее поставила. Представляешь! А потом все стали ахать, какая изящная работа, и ее купили за поразительную сумму. И одна из дам мне шепнула, что у Каролины изумительный вкус и она разбирается в предметах искусства лучше, чем кто-либо другой. А эта женщина и ее подруги ждут каждого аукциона с замиранием сердца, чтобы понять современные веяния.

Ирэн отвернулась от стекла.

– Ну вот, Зоя, ты положила начало новому веянию, и, знаешь, я хочу себе этот шелковый снуд, он будет изумительно смотреться в

пустыне.

– Наверняка, – согласилась я, в душе удивляясь, что Каролина не побрезговала поставить отданный мной шарф. Вот так легко и уверенно представила его на аукционе, а люди еще и цену перебивали, стремясь его заполучить.

– Таково влияние сильных мира сего, – философски заключила Ирэн. – Кстати, угадай, кого я там не встретила?

Интересный вопрос, особенно когда адресован мне.

– Помнишь ту женщину и ее мужа, подошедших к нашему столику в ресторане? Не самая воспитанная особа. Неслась подобно тарану и едва тебя не сшибла.

– Помню.

– Когда мы пытались тактично избавиться от их компании и надумали уйти из ресторана, она шепнула: «Всене непременно увидимся на аукционе», – будто они точно добудут билеты, но...

– Не увиделись?

– Именно. А это означает, что Каролине пришлось не по душе их поведение. Вот так и бывает, – Ирэн вздохнула, – если понравишься, пойдут на уступки, вроде этого случая с шарфом. Обретешь счастье войти в их семью, и тебя будут защищать. Окажешься ограждена со всех сторон всегда и при любых обстоятельствах. Взять хотя бы невестку Каролины, жену старшего сына. Ведь и слова плохого не скажи, тут же поставят на место. Но притом могут исключить из круга избранных столь быстро, что сам не заметишь, где оступился. Они и вида не покажут.

Ирэн все еще ужасно переживала по поводу отказа Арриена, и это проскальзывало в каждой ее фразе. Хотя, на мой взгляд, она могла бы стать идеальной женой. Такая же изысканная и умеющая подать себя, как Каролина. Эмоциональная, потому что юная и не знала прежде отказов, а еще потому, что привыкла быть любимой и принимать любовь как должное. Однако девушка пыталась справляться с собственными порывами. Единственное, смогла бы Ирэн удовлетвориться тем, что предлагал ей брак с защитником? Мне до сих пор помнились ее упреки Арриену в равнодушии и его ответ: «Порой лучше не начинать, чем после горько раскаяться».

– Ну же, пошли! – Голос Ирэн вырвал меня из моих мыслей, и она направилась внутрь магазина. Я почти не удивилась, когда на звук

колокольчика из-за стойки вышла сама хозяйка, жестом отослав помощниц, чтобы лично приветствовать девушку.

Они очень непривычно поцеловали воздух возле щек друг друга, а затем хозяйка воскликнула:

– Ирэн! Как я рада тебя видеть!

Девушка уверенно улыбнулась, и не сомневаясь, что любой человек счастлив встрече с ней.

– Что тебя привело?

– О, Наризэлла, я как раз проходила мимо, но увидела в витрине прелестную вещь и решила непременно ее купить, а заодно представить тебе свою подругу.

Хозяйка смерила меня удивленным взглядом, но промолчала.

– Начинаящий дизайнер, невероятно талантливая. Она тот самый неизвестный автор, чей лот, вязаный шарф-капюшон, разыгрывался на аукционе у Каролины тен Лоран.

– Правда? – В глазах хозяйки не проявилось ни малейшего удовольствия от подобного знакомства. Вероятно, она подумала, будто я сейчас попытаюсь заявить права на имеющуюся у них вещь.

– Да. Зоя мастер в придумывании необычных вещей. И она во всем предпочитает уникальный, ни на кого не похожий стиль.

– Действительно, – согласилась хозяйка, вновь окинув меня взглядом.

– Кстати, сколько стоит тот шелковый снуд? Мы на днях улетаем в пустыни, и он мне там очень пригодится.

Женщина махнула рукой, и помощница тотчас поднесла с витрины прекрасное шелковое творение.

– Изумительно! – Ирэн убежала красоваться к зеркалу.

– Значит, в свободное время вяжете шарфы-капюшоны? – завязала разговор хозяйка.

– Нет. – Я издали любовалась Ирэн, которой очень шла яркая шелковая ткань, мягко укрывшая плечи и лоб.

– Нет?

– Тот был единственным.

– О...

Она хотела еще что-то сказать, но тут вернулась довольная подруга, махнувшая помощнице: «Заверните».

– Спасибо, Наризэлла, у тебя всегда вещи просто превосходные! – она приняла коробку. – До новой встречи. Хотя теперь увидимся не скоро, я думаю.

– И правда уезжаете в пустыни? – спросила хозяйка.

– Да, исследования, организованные школой. Неизвестно, насколько затянутся.

Я хотела было вставить замечание, что всего на две недели, но Ирэн крепко сжала мою ладонь и потянула к двери.

– Постой, Ирэн. А не желает твоя подруга изготовить вязаный снуд, как на аукционе? Мы предоставим материал.

Девушка затормозила и обернулась, вынуждая и меня остановиться. И снова появилось чувство, будто меня вовлекли в некое действие, об участии в котором я даже не помышляла. Так часто случалось в обществе Ирэн.

Хозяйка уже что-то сказала помощнице, и та торопливо поднесла нам пакет с изумительной мягкой серебристой шерстью внутри.

– С нас материал и реализация. Тридцать процентов от выручки.

– Тридцать? Наризэлла, пятьдесят! Это же эксклюзивная модель от талантливого дизайнера!

– Пока малоизвестного.

– Каролина тен Лоран уже высоко оценила труд Зои. Даже поставила лот на своем благотворительном аукционе.

– Сорок пять, но это последняя цена. Сделка более чем щедрая в подобных условиях. А когда имя девушки станет известно, мы готовы обсудить новые предложения.

– Хорошо, – кивнула Ирэн. Она приняла от помощницы пакет и быстро сунула мне в руки. – Вещь будет у вас послезавтра. До свидания, Наризэлла.

– Всего хорошего, Ирэн. Заглядывай к нам. Зоя, приятно было познакомиться.

Девушка утащила меня к двери еще быстрее, чем я успела вежливо попрощаться, шепча вполголоса: «Загадочно молчи».

И уже на улице она радостно рассмеялась.

– Ну как? Отлично прошло?

– Спасибо, Ирэн, но это все очень странно. Наверное, она, как и я, растерялась...

– В мире моды странность называют эпатажем. И Наризэлла, напротив, не стала теряться. Главное – действовать быстро и неожиданно, тогда эффект лучше. Теперь заработаешь денег перед поездкой.

– И отдам тебе долг.

– Отдашь, отдашь, – махнула рукой девушка. – Пошли в ателье.

В комнату я вернулась, когда солнце уже клонилось к закату, а меня еще ждал Нейтон. Хотелось сперва оставить выданные вещи, а после отправиться к учителю, но когда я подходила к двери, то невольно замедлила шаг. Напротив моей комнаты, прислонившись к стене и сложив на груди руки, стоял Трен.

– Привет, – кивнул он, когда я приблизилась. – Ваша комендантша впустила, – он улыбнулся, а у меня сразу сильнее забилося сердце и от волнения пересохло в горле. Сразу вспомнился последний поцелуй и ощущения от него.

– Зачем? – уточнила я, поворачиваясь к нему спиной и пытаюсь попасть ключом в замочную скважину.

– Слушай, Зои, – он легко коснулся моего плеча, и я едва не подскочила на месте, – пришел поставить защиту.

– Защиту? – обернувшись, я совсем близко увидела его лицо и тут же качнулась назад. Ключ со щелчком вошел в замок.

– Мне донесли, будто Олли болтала разные неприятные вещи. Хочу попробовать защитное плетение на твоей двери, но требуется разрешение.

В этот момент я как раз толкнула дверь – и громко ахнула, вцепившись в деревянную притолоку. Трен же быстро отодвинул меня в сторону и сам заглянул в комнату, громко выругавшись:

– Вот стерва!

Всю комнату усеивали обрывки ткани, кусочки разрезанных вязаных свитеров и разноцветные лоскутки юбок. Конспекты уроков лежали на кровати белыми разорванными хлопьями.

Я схватилась за карман свитера, в котором хранился подаренный набор карандашей, ощутив настоящее счастье, что не оставила его в комнате. Пострадали только одежда и записи уроков, а еще несчастное цветастое пальто – его порезали на длинные полосы.

Трен зашел внутрь, огляделся, потом вдруг направился к окну и распахнул его, впустив порыв прохладного вечернего воздуха. Парень вскочил на подоконник, высунулся наружу и поставил ногу на узкий парапет, ухватившись за древесные лианы, обвившие стену.

– Трен! – я кинулась к окну, – что ты делаешь?

– Отправляюсь за новой одеждой.

Я высунулась наполовину, с замиранием сердца следя, как он плотно прижимается к стене и ловко передвигается все дальше и дальше от окна.

* * *

Прикинув, какое из окон может относиться к комнате Олли, Трен осторожно двигался вдоль стены, крепче хватаясь руками за лианы. Хотя он и сказал Зое, будто его впустила комендантша, на самом деле та велела отправляться восвояси, а не шастать по женским общежитиям. Пришлось поддевать щеколду окна в прачечной и с трудом протискиваться сквозь узкий проем.

По этой же причине теперь у него не было шанса спокойно пройти до комнаты Олли по лестнице, пришлось ползти по стене. Уже приближаясь к внешнему оконному парапету, Трен услышал взрывы смеха по ту сторону стекла. Встав поудобнее и крепко ухватившись за нависающий над окном карниз, он ударом ноги выломал раму. Хохот резко оборвался, а девчонки, удобно расположившиеся в креслах и на диванчике в комнате Олли, в шоке наблюдали, как парень запрыгивает в комнату.

– Привет, – поздоровался Трен, после чего направился к платяному шкафу в углу.

Подруги, да и сама Олли, еще не успели прийти в себя, когда он распахнул дверцы и сорвал с вешалки красивый плащ, бросив его на пол, после чего принялся наваливать на него остальную одежду. И только когда он взялся за платье из эластичного материала и растянул его, чтобы связать получившийся мешок с одеждой, пораженная хозяйка комнаты растерянно произнесла:

– Трен, что ты делаешь?

– А на что похоже? – спросил он в ответ, связывая из плотных чулок канат, чтобы привязать его к узлу.

– Ты для чего-то забираешь мою одежду.

– Очень наблюдательно, Олли. – Трен подмигнул поднявшейся с дивана девушке, которая не могла понять, что ей делать, и просто стояла в нерешительности.

– Для чего? – воскликнула она.

– Для кого, – поправил Трен. – Око за око, Олли. Ты изрезала одежду Зои, я забираю твою в качестве компенсации.

– Ты что, был у этой... – девушка резко оборвала речь и попыталась тут же исправить оплошность: – С чего ты решил, будто это я сделала? Кто угодно мог изрезать одежду нашей ненормальной.

– А мне твоя подруга сказала, – Трен кивнул в сторону побледневшей симпатичной шатенки и взвалил мешок на плечо.

Уже вновь оказавшись на подоконнике, парень привязал импровизированный канат к поясу, позволив мешку свеситься вдоль стены.

– Кстати, Олли, – вновь обратился он ко все еще неподвижной девушке, – решишься на очередную пакость, запомни – я после приду и сотворю все то же самое с тобой. И, девочки, завтра после уроков не расходимся, будете переписывать все изорванные конспекты. Хорошего вечера!

Он вновь встал на парапет, а из комнаты донеслись встревоженные возгласы. Когда парень опять пошел вдоль стены, ступая то по вьющимся вдоль нее ветвям, то по выбоинам в камне или выступам карниза, абсолютно все находившиеся в комнате девушки, толкая друг друга, высунулись наружу и принялись, затаив дыхание, наблюдать за его перемещением. Кто-то даже шепнул: «До чего же хорош!» – и тут же вскрикнул от тычка в бок. Трен скрылся с глаз наблюдательниц, переместившись вдоль полукруглой стены и оказавшись у самого края здания, рядом с окном Зои. Вновь встав на парапет и уцепившись за карниз, он подтянул мешок с вещами и забросил его в комнату, после чего запрыгнул внутрь сам и плотно затворил окно.

– Порядок, – сказал наблюдавшей за ним встревоженной девушке, развязывая на мешке из плаща узел. – Я нашел тебе новую одежду, а с

конспектами завтра разберемся. У меня есть желающие переписать заново все то, что было порвано. Выбирай!

Он указал на платья, юбки, штаны и рубашки, которые засунул в плащ.

– Трен, – Зои выглядела смущенной и растерянной, – мне не нужна чужая одежда.

– Серьезно? Думаешь, размер не тот? Наверняка что-то можно подобрать.

Он окинул ее взглядом и поднял за рукав одно из платьев. Однако девушка молча покачала головой.

– Не возьмешь? – уточнил он.

– Нет.

– Как знаешь, – раздраженно проговорил Трен, снова связал импровизированный мешок и водрузил его на подоконник. Он раскрыл створки и столкнул всю грудку наружу, быстро совершив несколько пасов руками. Прежде цельный тюк распался на части и, разрезанный, повалился на землю.

– Итак, – Трен обернулся к Зои, – теперь довольна?

Я вновь молча покачала головой.

– Да что с тобой делать? – с досадой воскликнул парень. – К Цахарису все! Дай разрешение, поставлю защиту на дверь и свалю из гостеприимной комнатки.

Мне стало неловко за свое поведение – все же Трен искренне, согласно собственным понятиям, старался поступить правильно: наказать виноватого, защитить невинного.

– Разрешаешь? – окончательно теряя терпение, рыкнул парень.

– Разрешаю.

– Отлично! – он резко развернулся и вышел за дверь.

Я быстро выскочила следом, поскольку было очень любопытно наблюдать за процессом. Даже не знала, что Трену подвластна боевая магия.

Парень положил ладони поверх дверного полотна и принялся читать заклинание. Я привстала на цыпочки и вытянула голову, пытаясь разглядеть поверх его плеча, что происходит, однако кроме слабого свечения вообще не заметила ничего особенного.

– Сгодится.

Трен отлепил ладони, шагнул к стене и, развернувшись к ней спиной, сел прямо тут же на пол.

– Тебе нехорошо? – мне показалось, он побледнел.

– Вообще порядок.

– Боевая магия требует много сил? – я припомнила, что защитник после спасения моей жизни не выглядел измотанным. Хотя разве есть смысл сравнивать? Ведь я уже определила для себя: есть просто люди, а есть высшие существа.

– Зависит от способа отдачи, – ответил Трен, – есть плетения, есть заклинания, повязанные на собственную энергию каждого. Они затратные.

– А где ты выучился этому? У нас боевая магия начнется только со следующего семестра.

– У отца был друг. – Трен запрокинул голову и прислонился затылком к стене, вытягивая руки вдоль тела. – Он неплохо владел боевкой. Взялся обучать меня просто так. Вероятно, тренировки ради. Научил основе и базовым заклинаниям, а потом переехал, ну и некому стало учить.

– Я могу тебе сейчас чем-то помочь?

– Есть что вкусненькое?

– Нет, – я покачала головой.

Сладости слишком дороги, а раз нет возможности баловать себя регулярно, то лучше и вовсе не привыкать.

– Само отпустит, – махнул рукой парень. – Иди к себе.

Но мне было неловко уходить и оставлять его вот так, в коридоре. Я решила хотя бы составить компанию, а потому устроилась у другой стены, поджав под себя колени.

– Ты мог бы пойти на боевой факультет. Им нужны талантливые.

– Нужны, – кивнул парень. – А еще у них экипировка, оружие, обувь и длинный список всего остального. Чтобы замахнуться на боевой, сперва следует выложить немало монет или совершить грандиозный подвиг, чтобы с руками и ногами оторвали и взяли на бесплатной основе. У меня нет такой подготовки, а у отца нет столько средств.

– Мне кажется, что школа Естествознания тебе тоже не слишком подходит.

– Тебе кажется, – ответил с усмешкой парень. – Тут, по крайней мере, дают диплом столичной гимназии, плюс есть боевой курс и монстроведение. Да еще исследовательские экспедиции финансируются. И по цене выгодный вариант.

– Грустно, – я вздохнула.

– Сгодится, – махнул рукой Трен. – Ну а ты почему сюда пошла?

– Прошла по конкурсу на бесплатное место.

– Да ну? – удивился парень. – Не знал.

И вряд ли размышлял о подобном. За меня ведь некому было платить, а школа Естествознания в столице стоила гораздо дороже, чем ежегодные отчисления на детей-сирот.

– Как прошла?

– Смогла запомнить по картинкам все предложенные виды животных, а также населяющих Кенигхэм существ. Затем перечислила названия показанных местностей по изображениям ландшафта и произрастающим там растениям. Но когда перешли к расчетам, где не нужно включать визуальную память, начались трудности. Тогда неожиданно вступился Нейтон. Он сказал, я ему нужна и он берет меня под свое начало.

– Вот за что ты его так любишь, – понимающе протянул парень.

– Он хороший учитель, – смутилась я, решив, что опять выболтала не то, вероятно представив Нейтона в невыгодном свете.

– Ага, увлеченный, – не стал развивать тему Трен. – Слушай, Зои, а меня ты могла бы нарисовать?

– Да, но я не рисую людей.

– Чего так? – удивился парень.

– Не хочу увлечься и случайно нарисовать тех, кого уже нет. Увидеть их лица на бумаге будет очень нелегко.

– А-а, – протянул Трен, – понятно.

По его лицу нельзя было сказать, будто он понял, скорее отнес этот момент к еще одной из моих странностей.

– Ну что, Зои. Хорошего тебе сна. – Он с некоторым трудом поднялся. – Можешь отдыхать спокойно, никто не помешает. И поездка уже не за горами, всего ничего осталось. Пока.

– Пока, – попрощалась я.

Трен, насвистывая, сунул руки в карманы и пошел прочь по коридору, почему-то миновав проход на главную лестницу и

скрывшись за дверьми, от которых черная узкая лесенка уводила в
прачечную.

Глава 7

Мы грузились на энгельфер^[13] в невероятной суматохе. Мостик от края платформы до плавучего средства прогибался под тяжестью спешащих взойти на борт учеников. Конечно, ничего подобного не случилось бы, не позабудь арис Нейтон билеты. Всем пришлось возвращаться, а потом добираться обратно в порт, где выяснилось, что сегодня воздушная лодка до Альберги отстыковывается от другой платформы. Суматоха и спешка привели к тому, что мы едва успели к отбытию лодки и буквально ввалились на борт, ужасно раздосадовав экипаж судна.

– Откуда вас столько? – поражалась девушка с эмблемой воздушного шара и гондолы на форменном платье, ожидая, пока арис отыщет в сумке билеты. – У нас столько свободных мест не найдется!

– Ничего, – отдувался учитель, рассеянно махнув нам рукой, – они разместятся.

Мы проталкивались и протискивались между сиденьями. Кому повезло, отыскал себе свободные кресла, для кого-то потеснились сердобольные пассажиры. Я проследовала в конец, откуда помахал рукой устроившийся на полу Трен.

– Садись, Зои, – широким жестом он указал на местечко рядом, где можно было удобно облокотиться о стену лодки.

Я аккуратно отодвинула брошенный для меня вещевой мешок, пробормотав в ответ на приподнятую бровь: «Помну твои вещи», – и устроилась с удобством, поджав ноги и уместив поверх свою сумку. Необходимая экипировка была доставлена в общежитие заранее, хотя арис Нейтон все-таки забыл отправить ответное письмо в Альбергу насчет дополнительных вещей. Вероятно, энсар тен Лоран рассудил, что молчание – знак согласия с предложенным набором. Вся экипировка пришлась впору, что меня безумно обрадовало.

– Где билеты, я сверю место и дату? – донесся голос проводницы.

Мы с Треном поглядели на красного, взмыленного преподавателя.

– Сейчас, сейчас! – ответил он, тщетно роясь в своей сумке.

– Он их вообще взял, когда мы за ними вернулись? – с подозрением уточнил Трен.

– Я проследила. Пачка лежала на его столе. Он схватил ее и положил именно в эту сумку.

– Отлично. – Трен поудобнее облокотился на стену. – Это хорошо, что перед нами дверь не закрыли. Они уже распределили свободные места между другими желающими. Посмотри, сколько набилось!

– Между другими желающими?

– Ну, практика такая. Не успел на рейс или опоздал, а место осталось свободным, его могут отдать тому, кому очень срочно понадобилось лететь.

– Вы не подвинетесь? – подошла к нам Ирэн.

– Отчего нет? – улыбнулся Трен, когда я сдвинулась в его сторону, и потеснился всего на несколько сантиметров, хотя я практически прижалась к его боку.

– Спасибо! – Ирэн, не потерявшая свежести и прелести даже после всей суматошной беготни, подтянула отодвинутый мной вещмешок Трена и устроилась на нем со всем комфортом, ровно держа спину.

Парень хмыкнул, но захват собственности проигнорировал, только уточнил:

– Принцесса, тебе не уступили места?

– Уступили, – девушка поправила красиво убранные под шелковый снуд волосы, – но лететь с незнакомцами скучно, захотелось в вашу теплую компанию.

– Эй, ребята, дайте в уголок протиснись, – подошел к нам друг Трена и ловко проскользнул между приятелем и боковой стеной закрытой лодки, позади установленных кресел, вытянув ноги под сиденьями.

– Мы не можем всех разместить! – тем временем пыталась воззвать к голосу разума Нейтона проводница. – Посадка заканчивается строго за десять минут!

А мы вломились ровнехонько на десять минут позже, чуть не снеся на пути внешнюю дверь.

– Невозможно пропустить этот рейс! Нас ждут в Альберге! – едва не рвал на себе волосы Нейтон. – Мы же подведем самого энсгара!

– Дайте сюда ваши билеты! – чуточку смягчилась проводница, с трудом сохраняя терпение. – Нам уже давно пора отправляться, вылет задержан из-за вас! Если не найдете билеты, придется сойти.

Нейтон в отчаянии перевернул свой мешок и вытряхнул его. На пол посыпалась куча вещей, красиво выпорхнула перевязанная пачка билетов, оказавшаяся на самом дне (умудрился же засунуть так глубоко), а сверху на все это свалилась банка с черной тушью. Раздался звон, банка разбилась, и тушь выплеснулась на пол и туфли проводницы, мигом впитавшись в тисью^[14], на которой были отпечатаны билеты.

– Да что за!.. – полсалона покраснело, когда девушка громко выругалась. Даже пилот выглянул из кабинки и подошел к участникам билетных разборок, самолично взявшись разрешить конфликт.

Он отделил наиболее чистые прямоугольные кусочки, тщетно стараясь разглядеть направление и дату. На одном посчастливилось с трудом разобрать, что летим мы точно до Альберги, а на другом кусочек двоечки, указывающей на число двадцать.

– Держите. – Он сунул безвозвратно пострадавшие билеты Нейтону, оглянулся на салон, где все благополучно расселись, пристроив вещи куда пришлось, и вздохнул: – Пора лететь. Любая задержка в пути – это неучтенные перемены погоды.

– Согласно правилам, их нужно посадить! – заявила раздосадованная проводница. – Но он уверяет, что их прилета ожидают в Альберге.

Пилот посмотрел на Нейтона.

– Я вас умоляю! Это экспедиция невероятной важности! – всплеснул руками учитель. – У нас случились непредвиденные обстоятельства, задержавшие выезд!

– У нас случился Нейтон, – негромко пробормотала Ирэн, а Трен с другом согласно фыркнули.

– Взлетаем, – пилот отвернулся и ушел в кабинку.

Проводница прошествовала мимо рассыпавшегося в благодарностях Нейтона, который принялся кидать обратно в сумку перепачканные вещи, и активировала механизм складывания трапа, после чего заперла выход.

– Взлетаем! – повторила она на весь салон.

Путешествие проходило весело, Трен с другом травили байки и всячески развлекали нас с Ирэн. Хотя по мере коротких остановок количество пассажиров все убавлялось, наша четверка не спешила

перебираться на свободные места; более того, заслышав взрывы смеха в конце салона, к нам подтянулось еще несколько одnogруппников. В какой-то момент все принялись доставать из мешков собранный в дорогу паек и устроили на полу импровизированный пикник. Проводница посмотрела на это безобразие и махнула на нас рукой.

Я достала из жестяной коробки один из двух бутербродов и взглянула в начало салона, где устроился арис Нейтон. Преподаватель тоже вытащил из сумки похожую на мою школьную коробку для перекусов, открыл и обнаружил закономерное – он совершенно позабыл положить туда еду. Учитель даже слегка потряс коробку, словно недоумевая, куда же исчезло содержимое.

Постаравшись подняться так, чтобы не побеспокоить соседей, я хотела было обогнуть сидевших на пути одnogруппников, но Трен спросил:

– Ты куда?

– Сейчас вернусь, – я оглянулась на него через плечо, а устроившиеся напротив девушки насмешливо зафыркали. Они долго сопротивлялись, прежде чем пересели к общей группе, но в конце концов решили не обращать внимания даже на меня. Трен, естественно, и глазом не моргнул. Он обладал той же удивительной способностью, что и Ирэн, игнорировать тех, кто наивно полагал, будто их мнение или насмешки могут испортить ему настроение.

Обогнув рассеявшихся полукругом ребят, я дошла до учителя и протянула ему второй бутерброд из коробки.

– А, Зоя, – он вскинул глаза, – как проходит полет?

– Поешьте, арис, до пустынь еще не менее трех часов.

Он перевел взгляд на мою руку с бутербродом, потом на свою пустую коробку и рассеянно принял хлеб с ветчиной и сыром, выданный в качестве походного пайка в столовой.

– Да, Зоя, спасибо. – Учитель с чувством вгрызся в хлеб и пробормотал: – Такая спефка.

Я улыбнулась, настолько в этот момент он напоминал великовозрастного ребенка. Ведь наверняка свободное до отлета время потратил вовсе не на подготовку к отъезду, а на ученые изыскания. Вот и теперь, продолжая поглощать бутерброд, вытащил из сумки какие-то бумаги, заляпанные все той же злосчастной тушью. Арис принялся их

изучать столь внимательно, что укусил себя за палец, не заметив, как бутерброд закончился.

Отойдя от учителя, я вернулась обратно, где Трен доблестно следил, чтобы место рядом с ним оказалось не занято, а Ирэн протянула картонную коробку, от которой очень вкусно пахло. В ней оказались булочки с сахарной пудрой.

– Угощайся, – сказала она, – я в последнее время их распробовала. Рядом с домом в кондитерской пекут просто чудесную сдобу.

В тот момент я ощутила себя почти по-настоящему счастливой.

Мы добрались до конечной точки, когда солнце уже клонилось к закату. Плавающая гондола состыковалась с ровной платформой на краю утеса, проводница открыла дверь и опустила трап.

– Всего хорошего, – с видимым облегчением распрощалась она с нашей группой.

Я выходила одной из последних, а потому расслышала, как пилот сказал ей: «Закрывай. Передают ухудшение погоды и возможную бурю. На отдых времени не остается».

Трап сложился со щелчком, женщина с чувством захлопнула дверь, и летучее средство отстыковалось и полетело в обратном направлении, а мы остались на платформе. На несколько мгновений воцарилось молчание, которое нарушила Ирэн, первой задав интересующий всех вопрос:

– А где встречающие?

В жарком мареве колыхающегося вокруг душного воздуха виднелись очертания платформы, края утеса и равнины, лежащей внизу, а по эту сторону – каменистой дороги, разветвляющейся, убегающей вдаль к оранжевым пескам. Но ни одного человека вокруг, которого можно было принять за встречающего.

Все обернулись к Нейтону, который точно так же оглядывался и пытался высмотреть далеко впереди возможных сопровождающих.

– Энсгар обещал, что нас будут встречать, – наконец ответил он, почесав кончик носа.

– У платформы или в лагере? – громко уточнил Трен.

– У платформы, это очевидно, – ответил учитель.

– А мне не слишком очевидно, – отозвался парень, выражая мнение большинства.

– Может, он забыл? – пожал плечами Нейтон.

– Защитник? Забыл встретить прилетающих в его лагерь учеников? – громко фыркнула Ирэн, а кто-то из девчонок поддержал ее нервным смехом. – Извините, арис, но склоняюсь к тому, что это вы вновь что-то забыли или перепутали.

Все загомонили, а учитель стянул с плеча сумку и запустил в нее руку.

– Что я мог перепутать? – раздосадовано вопрошал он, роясь внутри, и наконец извлек наружу пухлую пачку билетов. – Мы же разобрались, что здесь написано: «Конечная точка – Альберга», значит, эта взлетная платформа относится к оазису, и он здесь неподалеку. Может, кто-то подскажет направление?

Учитель вновь огляделся, но все летевшие в южном направлении пассажиры покинули судно еще по пути. В пустынный оазис, кроме нас, никто не летел.

– Дайте мне, – Ирэн выхватила билеты из ладони Нейтона и принялась пролистывать их один за другим, тщетно пытаясь разглядеть в нижней части листочка дату, скрытую пролившейся тушью. – Что за тончайшая бумага, вся пачка пропиталась насквозь!

– Перекупщики всегда экономят на бумаге, когда выкупают места, – пожал плечами учитель.

– Вы брали у перекупщика? – поразилась Ирэн.

– Конечно! У нас ведь было перенесено время вылета, а в кассе отказались обменивать такое количество билетов.

– А дату вы хоть сверили? – Ирэн стояла бледная, как, впрочем, и большинство учеников, осознавших масштабы катастрофы.

– Ну, я называл дату... – смущенно ответил Нейтон. Девушка вновь принялась лихорадочно перебирать билеты, едва не хватаясь рукой за сердце.

– Он ведь мог выбрать ту, на которую зарегистрировалось меньше всего пассажиров. Или вообще вразброс! Зоя! – выкрикнула она вдруг. – Зоя, посмотри! Это что за число? Вот тут на одном билете явно видна цифра два, значит, двадцать, а второе число виднеется на этом кусочке. Ты можешь разглядеть?

Я всмотрелась в протянутый билет.

– Не уверена, – я повела плечами, – кажется, восемь.

– Восемь? Значит, сегодняшнее двадцать восьмое число! А здесь? Вот это в уголке на что больше похоже, смотри, у него хвостик?

Я постаралась произнести как можно тише:

– Очень напоминает девятку.

– Девятка! Двадцать девятое, завтрашнее! А какое вы указали как день прилета? Вы же отправляли подтверждение в Альбергу?

– Ну конечно. Отправил сразу, как директор напомнил, и прикрепил к нему копию билета.

– Какого именно? Того, в котором значилось двадцать девятое число? А сами посмотрели на другой, с датой двадцать восемь, и потому сегодня мы все дружно взяли на абордаж целый энгельфер? И потому нам мест не хватило? А вы к тому же разбили банку с тушью!

– При чем здесь тушь?

– А при том, что проводница могла бы увидеть разницу в датах! Кто хранит тушь в общем отсеке, а не в отдельном кармане с застежкой, желательно непромокаемом? Как так?

Ирэн вторили другие девушки и частично парни, один лишь Трен спокойно наблюдал за всей суматохой.

– Что вы переполошились, как малые дети? – вмешался он в общий гул. – Сколько здесь добираться до этой Альберги? Уж карту-то арису прислать не забыли?

– Карта! – воскликнул Нейтон и вновь принялся рыться в сумке, после чего вытащил наружу тубу с открытой крышкой. Вероятно, когда вытряхивал все вещи на пол летающей лодки, крышка и отскочила. У меня мигом закралось подозрение, которое тут же и подтвердилось, – карта тоже была в больших черных кляксах туши.

* * *

– Мы ожидаем эту экспедиционную группу завтра, – говорила бене^[15] Алиста, пока Мариона листала пухлую папку, в которую подшивала сложенные дотошной бене листы с характеристиками на каждого члена экспедиции. – Запаслись провизией и водой на дополнительных одиннадцать человек. Вот же не сидится им в Сенаториуме! У нас и без совершеннолетних недорослей дел хватает. Начнут теперь энсгара отвлекать.

Маришка улыбнулась уголками губ, давно привыкнув к подобному ворчанию. Собственно, спорить с бене она даже не планировала. Себе дороже. В обширном оазисе эту женщину побаивалась большая часть поселенцев Альберги, а остальные и вовсе предпочитали обходить приемный покой стороной. Зато не было надсмотрщика лучше, и энсгар Альберги прекрасно это знал, оставив молодую жену на попечение строгой дамы. Та не просто не спускала с Маришки глаз, но постоянно норовила засыпать поручениями, чтобы непоседливое создание, по вине которого обожаемый энсгар всей Альберги рисковал поседеть раньше времени, вновь не надумала влиться в одну из исследовательских групп.

– Бене Алиста, – Мариона вздохнула и подвинула к женщине папку с подшитыми листами, – я закончила.

– Превосходно. Теперь возьми, пожалуйста, вон ту коробку с новыми препаратами и сверь этикетки.

– Я сделала это еще утром.

– Уже? М-м, тогда вон там...

– Бене Алиста, выпустите меня наконец из этого шатра. Ну ведь Эсташ совсем скоро вернется, я хочу их встретить.

Эсташ тен Лоран с братом Арриеном и их старым другом Олайошем должны были вскоре прибыть вместе с новым отрядом, прилетевшим для исследования еще одного источника воды, обнаруженного в пустыне.

– Пройдусь немного по дороге, погляжу, где они.

– Ага! Так я тебя и отпустила! Сейчас как выйдешь за полог, так потом ищи тебя по всей пустыне. Надумаешь, как в прошлый раз, запрыгнуть в повозку исследователей и умчаться в пустыню.

– Ну вы же знаете, там был пострадавший, ему требовалось наложить шины и только потом транспортировать. Они нарочно послали человека к нам за помощью. Энсгар тогда не вернулся, его помощник был занят, да и мы недалеко уехали от лагеря.

– Зато энсгар вернулся раньше тебя. И, знаешь, я вот совсем не хочу, чтобы он снова на меня так посмотрел. «Где Мариона, бене Алиста?»»

Даже сейчас, рассказывая о том происшествии, бедная женщина побледнела. Единственным человеком во всей Альберге, кто мог

одним словом усмирить неустрашимую грозу оазиса, был Эсташ тен Лоран.

– А я ему отвечаю: «Так в медицинской в палатке, энсгар». – «Ее там нет», – говорит он. «Ну как же, ведь буквально только что была именно там!»

И бене Алиста грозно уперла руки в бока и с гневом посмотрела на потупившуюся девушку.

– Он же вас не ругал, – пробормотала Маришка и принялась теревить наполовину заполненный лист, на который вспомнившая о происшествии бене с чувством бросила карандаш.

– Конечно, он же никогда никого не ругает!

– Ну, бене, – Мариона сделала умоляющие глаза, – давайте тогда вместе пойдем. Они давно должны были вернуться, а все никак не приедут. Мы чуть-чуть прогуляемся вдоль дороги. Вам наверняка тоже надоело сидеть в шатре.

– По дороге она прогуляется, – начиная потихоньку успокаиваться, проворчала женщина, в душе прекрасно понимавшая чувства девушки. – Там кругом чудовища рыщут!

– Да ладно вам! Их скорее на заброшенной дороге встретишь, чем на этом пути, тут же постоянно ходят исследователи и охрана. Ну как, пойдем?

– Не зна-а-аю, – протянула бене, разминая затекшую шею. – Если только пару шажочков за ограждение лагеря, но не дальше.

– Не дальше?

– Нет. За ограждением все отлично просматривается, там даже старую дорогу разглядеть можно, если постараться. Так что этой прогулки вполне хватит, чтобы увидеть, возвращаются ли исследователи.

– Хорошо, – послушно согласилась Мариона.

А бене с подозрением прищурилась и погрозила пальцем.

– От меня ни на шаг! Пускай энсгар и слова тебе не скажет, но я точно в приемном покое усажу на неделю и за полог не выпущу.

Маришка невинно улыбнулась и радостно устремила к выходу из шатра, а бене поспешила следом за девушкой.

– Ну наконец-то! – шумно выдохнула Ирэн, остановившись на очередной вершине из бугристого сыпучего песка. – Я вижу

поселение! Хотя не зря взяли за ориентир эту дорогу.

Она указала рукой вниз, а Трен, державшийся все время рядом, в несколько прыжков преодолел расстояние до верхушки песчаной пирамиды и оглянувшись, крикнув мне:

– Это точно Альберга!

– Как в таких местах возможно что-то отыскать? – спросил идущий рядом арис Нейтон. – Здесь же все тропы похожи одна на другую. Их еще и песком заносит постоянно.

– По сторонам света, – ответила я так, как учили на уроках выживания в пустынях. – Помните? Альберга на юге! А юг вон там.

И я указала за песчаную гряду, где уже остановилось большинство учеников.

Учитель протяжно застонал, обливаясь потом.

– Зои! – крикнул Трен. – Пошевеливайтесь!

Поторопиться нам не мешало. Солнце клонилось к закату, а мы немало времени потратили на дорогу.

Я подхватила ариса под локоть и потянула вперед, запрокинув голову и глядя на довольно машущего нам руками парня. Мы вдвоем шли последними – остальные успели нас обогнать – и почти добрались до вершины, когда выражение лица Трена вдруг резко изменилось, а Ирэн истошно закричала на одной высокой ноте. Я резко обернулась.

Песок шевелился точно живой, но не под легкими дуновениями ветра, засыпая наши следы, видоизменяя оранжевое пустынное полотно, а из-за мощных движений выбирающегося на поверхность чудища.

– Скорп, – с восхищенным ужасом протянул арис Нейтон, – только не беги, Зоя. Бежать бесполезно.

Этот вид монстров был мне знаком. Из тех, что обладали гибкостью, юркостью и ядовитыми иглами на конце длинного хвоста. Именно их острые жала впивались на лету в тело незадачливой, бросившейся наутек жертвы.

Визги и вопли со стороны гряды вызвали во мне больший ужас, чем вид приближающегося чудовища. Сейчас, как никогда прежде, отчетливо всплыли в памяти сцены невероятной давности. Крики людей вокруг, жар пустыни, снующие среди погибающих жертв тела чудовищ. Полный ужаса голос, шепчущий мне слова извинения. «Прости нас, милая. Не смотри».

– Молчите! – я пыталась перекричать эти обреченные вопли. – Ради собственных жизней молчите! Крики только привлекают хищников.

Трен бросился вниз с гряды, арис Нейтон тщетно пытался подавить дрожь, а я и вовсе застыла под гнетом давящих воспоминаний, оживших в реальности. Чудовище неслось прямоком на меня.

Лишь в самый последний миг, когда я почти ощутила дыхание монстра, а капли ядовитой слюны попали на кожу, оставляя ожоги, чудовище сделало резкий бросок, и зубы клацнули, впиваясь в тело несчастного учителя, а через секунду голова скорпа отделилась от тонкой шеи под взмахом острого топора.

Трен резко дернул меня за руку и потащил на пригорок так быстро, что я не успевала переставлять ноги и тащилась за Треном почти волоком, оставляя борозду в песке. На вершине холма парень меня отпустил только для того, чтобы удобнее перехватить топором. Отсюда, сверху, было видно, как шевелится песок, а из-под него показывается темная с металлическим отблеском чешуя, покрывающая юркие тела. Голодные монстры слышали нас и вдобавок ощутили запах человеческой крови.

Мне было сложно дышать, чужая паника буквально прижимала к земле. Смотреть не хотелось, но и отвести взгляд не выходило.

– Нож, доставай нож, – твердил мне Трен.

У каждого из нас был с собой длинный острый клинок в ножнах. Только большинство сбившихся в стаю учеников совсем про него забыли. Я же потянула оружие, одновременно поднимаясь на колени. Кажется, три или четыре монстра уже выбрались из своих нор и устремились вверх к желанной пище. Лезвие нещадно дрожало в моей руке. Я сжала рукоять поудобнее. Трен согнул колени, подаваясь всем телом вперед, к приближающейся опасности. Рядом со мной кого-то сбили с ног, и я не сразу опознала в упавшей девушке белую от ужаса Ирэн. От криков у нее пропал голос, и она просто закрыла ладонями лицо, сжавшись рядом в дрожащий комок.

– Нож, Ирэн, достань нож!

Она меня не слышала.

Да и если бы слышала... Нож. Звучит так наивно и смешно. Что мы могли сделать против изворотливых стремительных чудовищ с

нашими неловкими, дрожащими руками, из которых любому орудию проще выскользнуть, чем послужить достойной защитой?

Я услышала стон и оглянулась. Арис Нейтон попытался вскарабкаться на холм, а с другой стороны к нам мчались, прыгая по песку, скорпы. Нога учителя вдруг провалилась в песок.

– Арис!

Одно из чудовищ, привлеченное запахом крови, прорыло проход прямо к Нейтону. Словно песчаная круча была для него не препятствием, а забавой, как для нас морская волна, в которую так легко и весело нырнуть с головой.

Крик! Один! А следом целая дюжина. Мгновения летели очень быстро, скорпы с другой стороны холма перемещались стремительно, я будто ощущала движения их тел в воздухе. Но для меня время стало вязким и тянулось медленно, позволяя видеть, как учитель погружается в песок.

– Зоя! – Ирэн вцепилась в меня, прижимаясь крепче, когда я попыталась поползти спиной назад, скатиться вниз. Она обхватила ладонями мои щеки, отворачивая от нереальной, почти сюрреалистичной картины, и прошептала мне в лицо – голос ее срывался от ужаса: – Они все ближе, Зоя!

Пространство содрогнулось. Воздух загудел и заколебался перед глазами, словно пошел легкой-легкой рябью. Я запрокинула голову – и увидела прямо напротив брюхо чудовища, которое спружинило от воздуха, как мячик отлетает от стены. Я даже проследила его перемещение, хотя слезы ужасно мешали, не выходило различить лица Ирэн или Трена, но почему-то отчетливо виднелись в отдалении два человека, две фигуры в светлых одеждах, бегущие к нам. Одна, тонкая и хрупкая, мчалась впереди. Тяжелая темная коса хлестала ее по спине, словно подгоняя. Мне казалось, будто крики оглушили меня, потому что теперь я совершенно не различала звуков. Вот фигурка замерла на месте, вскинула ладони, рябь вернулась, а вновь атаковавшие скорпы натолкнулись на очередное препятствие. И опять девушка бросилась к нам.

Наверняка кругом продолжали кричать, и там внизу тоже, но я ничего не слышала, только наблюдала. Девушка споткнулась и упала на колени, рябь вокруг нас всколыхнулась и погасла. Скорпы предприняли очередную попытку. Теперь они были на вершине вокруг

нас и прыгнули все разом. В последний миг воздух опять загудел, и чудовища отскочили. Тогда они оскалились в бессильной злобе и развернулись к новой жертве. Совсем беззащитной, поскольку она стояла на коленях и тянула к нам руки, в которых не было никакого оружия.

Ветер донес слабый отголосок далекого крика. Вторая фигура, которую обогнала девушка, отчаянно бежала к ней и, мне кажется, звала. Не знаю, что она кричала, вероятно выкрикивала имя. Я и крик этот больше почувствовала, чем смогла расслышать. Но мне стало безумно жаль тонкую фигурку, к которой мчались скорпы, разочарованные недоступностью близких жертв. Просто низшие монстры, не умевшие понять, что богатая пища, которую они почти получили, была лишь временно недоступна благодаря чужой защите. Они не были способны формировать сложные причинно-следственные связи, только осознать, что тут не вышло, зато там еще две жертвы. Скорпы съехали с холма – бежать им было недалеко. Лишь несколько замешкалось у подножия, отбившись от стаи. Запах большого количества еды определенно казался им заманчивее.

Приглушенные рычащие звуки, расплывающаяся перед глазами оранжевая, обжигающая зноем пустыня, рождающая причудливые миражи. Видения сквозь слезы. Может, и эта девушка была лишь плодом воображения, потому что мое сознание не смогло выдержать гибели стольких людей вокруг и сейчас пребывало в бреде? Это странное воображение подсунуло галлюцинацию того, что мы спасены, и оно же нарисовало перед глазами еще один мираж. Как крохотную спасительницу, закрывшую нас щитом, в последний миг укрывают золотые крылья упавшего с неба огненного силуэта.

Мне казалось, я всем существом устремляюсь следом за стремительным, отчаянным рывком невиданного прежде, удивительного и волшебного создания, чтобы укрыть уязвимую фигурку.

На мгновение перехватило дыхание, когда вспыхнули и огласили пронзительным визгом все вокруг погибающие скорпы, вместо уязвимой беззащитности встретившие превосходящую их силу. Вокруг холма полыхнуло, горячий воздух обжег лицо. Чудовища, решившие вернуться, погибали от прокатывающегося вокруг нас огня. Повернув голову, я увидела сверкающие крылья, распростертые за спиной еще

одного огненного существа, приземлившегося невдалеке. Но пламя не позволило ничего рассмотреть, я могла лишь зажмуриться от нестерпимого жара и затаить дыхание.

А потом огонь плавно рассеялся. Воздух наполнился привычным зноем пустыни. Мгновение кругом царила тишина, сперва благоговейная, пораженная, а затем она взорвалась истерическими рыданиями. Я ощущала лишь эмоциональную пустоту, но не смогла отказать себе в слабости снова взглянуть на удивительных огненных созданий. Однако пламя уже исчезало из небесно-голубых глаз, охваченные огнем волосы приобретали свой прежний оттенок жженой карамели, а крылья, словно сплетенные из тончайших солнечных лучей, уже исчезли.

Перед нами на вершине песчаной кручи стоял Арриен тен Лоран.

– Это вы? – А ведь я даже не узнала его в невероятном облике, в котором предстал защитник.

Он перевел взгляд на меня, и впервые в его глазах я увидела не равнодушную пустоту, а будто бы вселенскую печаль, скопившуюся в самой глубине. Он не казался молодым человеком в этот миг, скорее зрелым мужчиной, повидавшим немало за свой долгий век.

Оцепенение длилось лишь мгновение – его разбил короткий приказ, перекрывший плач и истерические смешки:

– Соберите пострадавших!

Я оглянулась туда, где мгновениями раньше наблюдала удивительную, ужасную и прекрасную одновременно картину, когда пламенный силуэт падал с неба. Но и этот огненный воин уже вернул себе человеческий облик. В тревоге я перевела взгляд на девушку, испугавшись, какие увечья могла она получить, укрытая настоящими пылающими крыльями, ведь я сама прочувствовала испепеляющий жар. Но, чудо, она оказалась в полном порядке, если не считать того, что, пытаясь подняться с колен, едва не упала. Мужчина, стоявший над ней и отдававший приказы, резко склонился и подхватил ее на руки.

А на другой дороге, широкой и наезженной, ведущей прямо к видневшемуся поодаль лагерю, показались повозки. И все вокруг пришло в движение. Нас стали куда-то то ли сгонять, то ли направлять. Я едва успела отделиться от общего потока, чтобы повернуть назад и вновь попытаться съехать с обратной стороны кручи. Но стоило лишь попробовать, как запястье перехватила чужая рука.

– В другую сторону, Зоя.

Арриен тен Лоран смотрел теперь знакомо – спокойно и равнодушно, прежде замеченное выражение совсем исчезло из его глаз.

– Все еще помните меня? – Я сглотнула подступивший к горлу комок и опустила ресницы, скрывая слезы в глазах.

– Я вас помню, – повторил он давнюю фразу.

– Там, у подножия холма, – не предпринимая попыток отнять руку, по опыту зная, что бесполезно идти против силы защитника, я лишь кивком указала вниз, – был скорп, он утащил ариса Нейтона в свою нору. Я хотела...

Закончить фразу не удалось, комок снова подступил к горлу, но Арриен кивнул.

– Я позабочусь. Идите с остальными.

Он отпустил меня и слегка подтолкнул в спину, разворачивая вслед нашей группе. И я послушно пошла. Сделала один шаг, второй и только потом упала.

Глава 8

В сознание я приходила очень тяжело. Дышать было трудно, после обморока ощущалась противная тошнота, сердце выпрыгивало из груди, а ладони и ступни словно льдом сковало. Отдаленный запах пустыни и каких-то трав смешивался с горьковатыми нотками лекарств. И вкус озона в воздухе ощущался кончиком языка. Он исходил от шара-стерилизатора, знакомого с детства по приютскому лазарету, где я частенько проводила время после очередной неудачной шутки кого-то из детей. Этот аромат вызвал в сознании первую здравую мысль: меня тоже отнесли к пострадавшим.

Такое неудачное возвращение в пустыни едва ли было хорошим предзнаменованием.

Из-за плохого самочувствия я слабо реагировала на прикосновения, однако могла их услышать, как и ощутить чужое присутствие. Вот шорохом осыпавшегося с одежды песка прошлись по мне чьи-то ладони. И грудная клетка раскрылась с тихим вздохом, а тяжесть ушла. Тошнота отступила, и тепло проникло под кожу. Вместе с ним тело окутала дрема, только негромкий голос, подобный звону колокольчиков, мелодично вплелся в подступавшие сновидения: «Нужно сделать перевязку?» Ответом было легкое движение. Тот, кто стоял надо мной, вероятно, отрицательно качнул головой, но ни слов, ни голоса я не услышала. Зато боль в груди отступила. Мне становилось так невыразимо хорошо, как может быть только после изнуряющей муки, когда та уходит и делается очень легко. Захотелось воспользоваться этой благодатной передышкой и позволить сну забрать меня на короткое время туда, где царствовал покой и где так редко доводилось бывать. Но эту попытку убежать от реальности снова разбил тихий звон колокольчиков. Словно шурша, раскатились песчинки, желтыми горошинами умоляюще прошелестев имя: «Эсташ».

От прозвучавшей в нежном голосе муки мне вновь стало горько, и она же разрушила навеянный сон. Я приоткрыла глаза и увидела удаляющуюся широкую спину высокого мужчины. Над головой слегка колыхался светлый тент палатки, в которой я была не одна. Внутри

стояли кушетки, а на них спали по меньшей мере еще шесть моих одноклассников. Лица я не видела, но узнала их по общей для всей экспедиции одежде.

Чуть повернув голову, я проводила взглядом мужчину и заметила неподалеку ту самую девушку с длинной темной косой, которую частично прикрывала повязанная поверх белоснежная косынка. Наша спасительница сидела вполоборота и тоже наблюдала за перемещающимся между кушетками человеком.

– Ступай отдохни в палатке, – я впервые услышала его голос, показавшийся мне ужасно приятным и успокаивающим.

– Я в порядке.

– У тебя упадок сил.

– Хочу сперва помочь, а затем отдыхать.

Девушка осторожно поднялась со стула, но горечь сквозила буквально в каждом ее движении, поскольку мужчина ничего не ответил. Она повернулась к висящему в воздухе голубому шару с инструментами и протянула к нему ладонь, а затем вдруг быстро отдернула руку и спрятала за спину. Вновь обернувшись лицом к мужчине, на ощупь схватила со стола одну из марлевых салфеток, после чего крепко сжала ее в ладони. Все это без малейшего звука и даже без лишнего шороха, однако человек, продолжавший осмотр и стоявший к нам спиной, негромко сказал:

– Серьезных ранений немного, и ты не в том состоянии, чтобы браться за хирургические инструменты. Даже для обычной стерилизации.

Человек повернулся лицом. Я как зачарованная уставилась сквозь ресницы на мужчину, чья внешность поразительно напоминала хорошо знакомый идеально красивый облик. Пронзительные глаза, светлые волосы, та же спокойная сила и уверенность в движениях. Но одновременно особая стать облеченного не только властью, но и большой ответственностью человека, привыкшего принимать на себя груз чужих проблем.

– Покажи, – прозвучало спокойно.

У меня возникло странное чувство, будто я подглядываю за не предназначенной для чужих глаз сценой. Не потому, что в ней было нечто особенное, а скорее из-за разлившихся в воздухе эмоций и

связанных с ними чувственных ассоциаций, которые сложно поддавались описанию.

Девушка со вздохом вытянула руку из-за спины и убрала салфетку.

– Пустяковая царапина, рука дрогнула.

Он взял ее ладонь.

– Эсташ, – ее голос звучал жалобно.

– Что?

– Я лишь выжидала момент, когда скорпы окажутся ближе, чтобы перенести щит с людей на себя. Я успевала защититься.

– Хорошо.

Его голос не отражал чувств, а вот девушка, казалось, едва не плачет.

– Иногда хочется, чтобы ты просто отругал, – вдруг заявила она и попыталась забрать руку, но вмиг замерла, когда он склонил голову и прижал ее ладонь к своим губам.

У меня лицо запылало, а кожа, как обычно во время сильнейшего смущения, пошла красными пятнами от совершенно простого, но необычайного нежного жеста. Отвернувшись, я закрыла глаза, пытаясь отгородиться от всех эмоций разом. Однако неожиданно громко хлопнувший полог едва не заставил вздрогнуть. Зачарованную тишину всколыхнул резкий, показавшийся невозможно грубым голос: «Энсгар! В приемном покое просят вас подойти».

– Сейчас буду. – Мужчина отстранился от девушки и направился к выходу, возле входа на мгновение обернувшись. – Отдыхай, – повторил он и ушел.

Я вновь чуть повернула голову, наблюдая, как она смотрит на сомкнувшийся полог: плечи опущены, а рука, к которой он прикасался, крепко прижата к груди. Потом девушка вдруг резко оттолкнулась от стола, и в этот момент ее повело. Более не скрываемая слабость проявила себя во всей красе, и наша спасительница резко упала на стул, пробормотав: «Не думала, что выложились настолько». Потом она откинула голову назад, прислонившись затылком к краю стола, и прикрыла ладонью лицо. А на меня вдруг снова накатила сонливость, и глаза закрылись сами собой.

Над пустыней занимался рассвет. В воздухе веяло теплом после ночной прохлады. Я прошла за палатками и взобралась на один из каменных постаментов, на которые в обычное время водружали бочки с водой или провизией. Прижала колени к груди и вытянула из-за пазухи пачку листов и карандаши. Вчера из-за навязанного сна я пропустила все основные события и теперь не знала толком, кто, где и как устроился. Я проснулась все в той же палатке, но поднялась раньше всех и тихонько вышла, никого не побеспокоив.

Понимаю, почему энсар Альберги предпочел погрузить нас в целительный сон, не знаю только, какого количества сил ему это стоило. Хотя, может, защитникам и подобный поворот событий не в тягость? Организовать спасение людей, а затем еще и вылечить всех. Наверное, вчера здесь царила суматоха, но я все пропустила. Пока же я искала для себя укромное местечко, лагерь начал просыпаться. То тут то там раздавались голоса, с новым рассветом начиналась и новая жизнь.

Я положила тетрадь на колени и принялась выводить карандашом первые линии, обозначая приплюснутую морду, оскаленные зубы, длинный хвост и плотную чешую на теле. Не знаю, сколько прошло времени в этом моем почти медитативном состоянии, прежде чем кто-то позвал по имени:

– Зоя.

Подняв голову, я увидела неподалеку Ирэн. Она стояла, сжав руки у груди, и смотрела на меня с несчастным выражением лица.

– А я искала тебя. Как ты?

Я пожала плечами и снова опустила голову, пытаюсь вернуться в то состояние, что владело мной секунду назад.

– Зоя, – она подошла совсем близко, коснулась моей руки тонкими холодными пальцами, останавливая движения карандаша по бумаге, – мне ужасно, ужасно жаль. Пускай он был таким глупым и рассеянным, таким несостоятельным человеком, пускай подверг всех опасности, но он был нашим учителем.

Я услышала слезы в ее голосе. Она всхлипнула и отерла рукой глаза.

– Зоя.

Я молчала.

– Чем ты занимаешься? – чуть недоуменно пробормотала Ирэн, так и не встретив с моей стороны никакой реакции.

Слезы все еще блеснули на ее ресницах, когда она слегка наклонилась вперед, заглядывая в листок, и отшатнулась.

– Какая мерзость! Ты их еще и рисуешь? У нас учитель погиб, а ты! Просто сидишь здесь и рисуешь?

Она резко развернулась и поспешно зашагала прочь.

Я проводила ее взглядом, положив руку с карандашом поверх наполовину изрисованного листа. Настроение испарилось безвозвратно, теперь пальцы отказывались пошевелиться, чтобы закончить начатое. Изящный силуэт девушки мелькнул между палатками. Мне видно было, как она почти выбежала в широкий проход среди светлых тентов. Замерла, потом позвала кого-то. Я видела, как к ней подошел высокий светловолосый мужчина. Ирэн что-то сказала ему, затем опустила голову и прижала к глазам ладони, а он, помедлив немного, крепко ее обнял. Даже с такого расстояния я узнала Арриена тен Лорана, безошибочно отличив его от брата, и снова склонилась над листком, отводя от молодых людей взгляд. Нужно будет спросить его потом, как... как он выполнил обещание обо всем позаботиться. Потом. Чуть позже. Сперва закончу рисунок.

– Здравствуй.

Я снова вскинула голову, услышав знакомое звучание серебряных колокольчиков в голосе. Темноволосая магичка стояла неподалеку, перекинув через плечо густую косу с вплетенной в нее светлой лентой. Теперь голова ее не была укрыта белой косынкой, а одежду, напоминавшую наряд медсестры из госпиталя, она сменила на свободные светлые штаны и рубашку с длинным рукавом. Обычная форма Альберги, нам выдали похожую.

– Хочешь побыть одна? – спросила она вдруг.

Я пожала плечами, как и при вопросе Ирэн.

– Я уйду, если желаешь.

– Можешь остаться, – ответила я негромко и снова взялась за карандаш.

Удивительная девушка подошла ближе, затем и вовсе забралась на валун и села рядом со мной.

– А можно посмотреть? – она не стала заглядывать в мои рисунки, как сделала Ирэн, зачем-то сперва спросила разрешения.

– Смотри.

Я показала ей лист, ожидая той же реакции, но девушка лишь негромко вздохнула.

– Скорп выглядит жутко. И поза у него такая, словно тащит кого-то... – она резко прервалась. – Знаешь, они ведь не самые страшные из монстров, но у тебя получился действительно впечатляющий образ. А можно посмотреть другие?

Я молча протянула ей тетрадь. На самом деле в ней было не так уж много зарисовок чудовищ – всего две. Обычно я изображала их на отдельных листах, по просьбе ариса Нейтона.

Девушка бережно открыла тетрадь и улыбнулась, обнаружив мои зарисовки крыльев. Она легонько провела пальцем вдоль плавной линии, пока я придирчиво рассматривала собственное творение, понимая теперь, что все эти схематичные изображения и вполнину не передают настоящей красоты истинных крыльев. Девушка пролистнула несколько страниц, остановилась на еще одной зарисовке чудовища, застывшего в прыжке с оскаленными зубами, и чуть передернула плечами. А потом быстро пролистала до страницы со скорпом и стала рассматривать этих чудовищ, словно сравнивая друг с другом.

– Возьми, – она закрыла тетрадь.

– Жутко? – спросила я, забирая свое сокровище обратно.

– Не то слово. Скорпы и лагары в жизни не выглядят и вполнину так страшно, как у тебя здесь.

– Лагары?

– Тот монстр в прыжке. – Она помолчала. – Они практически перевелись. Удивительно увидеть его на твоих рисунках.

Мы затихли на некоторое время, пока вдруг девушка не коснулась легонько моего плеча, задав неожиданный вопрос:

– А кого погубило то другое чудовище?

– Маму.

Отчего я отвечала ей? Зачем позволяла вновь всколыхнуть давние болезненные воспоминания? Все дело было в ее располагающем отношении? Или после произошедшего вчера просто невозможно было и дальше молчать?

– Я едва помню прежнюю жизнь, зато чудовище запомнила отлично. Только зачем мы шли через пустыню? Ведь переходили

целым отрядом. Странные люди в платках на голове, повязанных так, – я изобразила ладонью нечто объемное вокруг макушки, – вроде тюльпана. А еще там был человек с татуировкой в виде крыльев на плече. Только он не умел летать или создавать огонь. Иначе чудовища не растерзали бы его.

Я перевела дух на секунду, уже не отдавая себе отчета, что продолжаю выплескивать наболевшее вслух.

– Не люблю пустыни! Они тоже за что-то невзлюбили меня, каждый раз забирают самое ценное. Я бы не возвращалась сюда вновь, но арис Нейтон был одержим этой идеей. Он мечтал добраться до архивов Альберги, пообщаться с первопроходцами^[16], составить самый полный справочник. А главной мечтой было доехать до Дальери, единственного места, где обитают разнообразные виды чудовищ. Взглянуть на него хотя бы издали.

– В пустынях часто гибнут люди.

Я вздрогнула от ее голоса, поскольку глубоко погрузилась в мысли и воспоминания, даже позабыла о присутствии другого человека, по привычке разговаривая сама с собой. Как ни странно, эта девушка не ощущалась чужой или неприятной. Ее присутствие настолько не тяготило меня, что я позволила себе проявление одной из странностей, которую прежде довольно удачно контролировала. Мысли вслух считались отклонением от нормы.

– Не скажу, что к этому можно привыкнуть. Вероятно, частично отгородиться от эмоций, но всегда, всегда ужасно жаль. А к пещерам Дальери не рискует подобраться никто из первопроходцев и исследователей. Была бы возможность взглянуть на чудовищ, прячущихся там, хоть издали, со стороны пустынь, кто-то бы уже отважился. Но это чревато неожиданным нападением. Монстров в пещерах слишком много, как и ходов. Норы создают настоящий лабиринт, и отверстия узкие, так что группой не проникнуть, только поодиночке. А это отличный шанс для чудовищ – напасть со всех сторон, из других тайных проходов. Если же они не нападают, то сбегают и прячутся, чувствуя приближение огня защитников. Не горы, целый муравейник.

– А откуда ты знаешь, если исследователи туда не добирались?

– Защитники предпринимали попытки изучить Дальери.

– Эй, – прервал нас знакомый голос. Я перевела взгляд на подошедшего Трена. Такого знакомого и привычного, разве что немного помятого и потрепанного. – Привет.

Он повернулся к сидевшей рядом девушке:

– Это ведь ты? Та, кто построила щит.

Я ощутила легкое движение, когда моя соседка легко соскользнула с камня вниз и встала, слегка облокотившись на валун. Парень шагнул вперед и протянул руку.

– Трентий оль Вин. Где ты научилась создавать такую защиту? Да еще и на расстоянии?

– У меня был хороший учитель. – Она легко пожала его руку. – Мариона тен Лоран.

– Вот оно что, – протянул парень. – Жена защитника. Теперь понятно.

Он оглядел ее с ног до головы.

– Что понятно? – она насмешливо прищурилась.

– Кто был твоим учителем. Завидую по-хорошему. И спасибо.

Она забавно скривила кончик носа, будто вот-вот чихнет.

– А я благодарна всем за то, что не стали в панике кидаться в разные стороны. Иначе не смогла бы. Будь я чуть ближе к вам, сумела бы сделать щит плотнее, тогда и пострадавших оказалось бы меньше. А так вышло неравномерно.

Странно было слышать, что она еще и недовольна собственной смелостью и умениями. Ведь без этого щита и живых было бы намного меньше. Из темных закоулков сознания вдруг выплыло воспоминание, как Трен кричал на всех тогда, чтобы встали плотнее и не вздумали дергаться. Вот кому и правда следовало руководить экспедицией. Он был самым правильным выбором для поездки в пустыни.

Парень перевел взгляд на меня.

– Жаль старика. Надо было спуститься и за ним тоже. Но я думал, он успеет забраться к нам как раз до нападения чудищ. Если бы не его раны, этот скорп не смог бы нацелиться так точно.

– Ты не успеваешь спуститься. – Я резко захлопнула тетрадь и тут же съехала с валуна, хоть и менее изящно, чем Мариона, когда заметила еще одного человека. Совершенно особенного, удивительного человека, спасшего наши жизни уже после того, как нападение

закончилось. Теперь стало ясно, отчего имя энсгара почитали в Альберге почти священным. И отчего, казалось бы, рядовой врач обладал здесь такими широкими полномочиями. Просто он был совершенно необычным. Мне ужасно хотелось сейчас то ли поклониться ему, то ли обнять. А отдельную благодарность я испытала за подаренную вчера краткую передышку, за возможность ненадолго забыться, когда он убрал сковывавшую грудь боль. Даже наш Трен, человек, не признающий авторитетов, вдруг словно вытянулся по стойке «смирно», а в его глазах промелькнуло восхищение.

Мариона же, в отличие от нас двоих, среагировала иначе – тут же опустила глаза и прижалась к валуну, словно надеясь стать невидимкой. Я вспомнила сцену, подсмотренную в палатке, и слегка покраснела. Впрочем, поразмыслить над виденным не удалось, поскольку мужчина уже подошел к нам и заговорил.

– Доброе утро, – приятным голосом поздоровался он и посмотрел на меня. – Мне сказали, вы назначены помощницей... руководителя экспедиции.

От его слов вновь болезненно сжалось сердце, поскольку в той паузе перед словом «руководителя» он намеренно упустил эпитет «погибшего». Из жалости.

– Да, арис Нейтон выбрал меня своей заменой.

И в этот момент до меня наконец-то дошло, что теперь я не просто замена, но ответственная за всю экспедицию. А роль обычной ассистентки, следящей за рассеянным преподавателем, в прошлом. Именно я теперь отвечала за благополучие прибывших в пустыни одnogруппников. Под спокойным взглядом стоящего напротив мужчины я все больше и больше ощущала, насколько несостоятельной кажусь со стороны – какая-то худая нескладная девчонка, едва перешагнувшая черту совершеннолетия и мало чем отличавшаяся от остальных «детей».

– Не откажите пойти со мной в приемный покой. Нам требуется обсудить дальнейшую судьбу экспедиции.

Он чуть склонил голову и протянул руку, указывая направление. И, с трудом преодолевая растерянность и испуг, я отправилась вперед.

Мариона не последовала за всеми в приемный шатер, вместо этого решив отправиться в медицинский отсек и проверить, сколько после вчерашнего происшествия осталось необходимых медикаментов и что придется заказать к следующему привозу.

Сделав несколько шагов, она внезапно заметила впереди Арриена и резко сменила курс, посчитав, что сейчас жизненно необходимо сходить в продовольственную секцию, проверить что-нибудь в той части. Однако стоило развернуться и чуть ускорить шаг, как прежде спокойно ожидающий возле медицинского тента защитник последовал за ней.

Молча они прошли короткий путь, и Мариона, остановившись возле одной из подвод с тюками, обернулась к молодому человеку.

– Знаешь, – насмешливо произнесла она, – сейчас ты больше похож на преследователя, чем на защитника.

– Так теперь воспринимается простое намерение помочь?

– У тебя слишком зверское выражение лица, Риен.

– Я ведь с лучшими намерениями, Маришка. Хотел предложить тебе, а давай сбежим через неделю вместе.

– В фамильное поместье тен Лоран?

– Как ты догадалась?

– Очень смешно, – девушка фыркнула и принялась отцеплять от кольца на стене крюк, чтобы подцепить на него мешок и активировать механизм переноса. Вчера ничьи руки так и не дошли до разгрузки подвод. Внезапно Арриен подвинул ее и взвалил верхний мешок себе на плечо, не позволив девушке таким удобным образом притвориться занятой.

– Пустыни не для тебя, – с абсолютно серьезным выражением лица заявил он, скидывая мешок на землю возле двери склада. – Где ключ, чтобы отпереть эту дверь?

– У меня, – ответила Маришка, доставая ключ из кармана и принявшись возиться с замком.

– Помочь?

– Нет. – Замок щелкнул, и девушка отворила скрипнувшую дверь. – И не нужно таскать мешки самому, механизм с этим легко справится.

Она кивнула на подобие крана, единственное неудобство которого состояло в том, что работал он крайне медленно.

Арриен какое-то время наблюдал, как машина со скрипом подтягивает прицепленный за крюк мешок, а затем тот повисает над телегой, после чего начинает двигаться на тросе, минуя дверь, в глубину сарая.

– До завтра справишься, – прокомментировал он.

– Риен, я всегда ужасно рада твоей компании, но, может, сейчас брату очень нужна твоя помощь?

Защитник усмехнулся и сложил на груди руки.

– Очень слабая попытка от меня избавиться.

– Вот ты бы еще Олайоша позвал в помощники! – в сердцах высказалась девушка. В это же самое время упомянутый друг обоих братьев как раз подходил к продовольственной зоне, не найдя Маришку в медицинском тенте.

Уже приближаясь к сараю, он заметил замершую возле стены миловидную незнакомую девушку.

– Доброе утро, – с улыбкой поздоровался он, на что девушка внезапно встрепенулась и дернулась, точно от испуга. Она растерянно взглянула на мужчину, покраснела, затем нервно кивнула и поспешила прочь. Олайош проводил ее недоуменным взглядом, пожал плечами и продолжил свой путь. Торопливо идущая прочь Ирэн в это время пыталась уложить в голове, что Арриен, кажется, равнодушен к жене собственного брата. Если такое вообще возможно. Как же тогда разговоры о невосприимчивости защитников? А с другой стороны, что это сейчас было? Он не просто уговаривал ее поехать домой, навестить Каролину, но предложил сбежать!

Олайош завернул за стену сарая и обнаружил забавную картину, когда Арриен вышел из двери и прокомментировал:

– Четвертый. А какой по счету затаскивает твой механизм?

– Второй, – в притворном недовольстве закатила глаза Мариона, пряча улыбку, а затем заметила Олайоша. – Ну вот, так я и знала!

– Знала, что приду к тебе на помощь, радость моя? – улыбнулся мужчина.

– Скорее к нему на помощь. – Девушка сложила на груди руки. – Олайош, скажи честно, ты хотел предложить мне сбежать вместе?

– Не сбежать! Что ты! Уехать от твоего нерадивого супруга, который запер настоящее сокровище в иссушающих и жутко опасных

пустынях! Он тебя недостойн. Ведь я так долго вас не навещал, а теперь приехал, и что я вижу?

– Что ты видишь? – уточнила Мариона.

– Тебя вижу, радость моя, в косынке и фартуке. Светлейший Царим! Эсташ! Ты украл мою жену, чтобы прятать от белого света среди песков? И это наследник могущественного рода! Где балы, где новые платья, драгоценности, в конце концов? Я буду прав, Мариона, если скажу, что самое блестящее из виденного тобой здесь – это хирургические инструменты?

Девушка рассмеялась.

– Я скучала по тебе, Олайош, – а бросив взгляд на громко фыркнувшего Арриена, добавила: – по вам обоим. Рада, что приехали.

– Ну еще бы! – Олайош весь словно засветился. – Собирайся, дорогая, забираю тебя обратно. В домик у моря с чудесным садом. Каждый вечер будем устраивать светские приемы. Этот вечно занятый доктор совершенно не знает, как заботиться о юной и красивой жене. Он тебя не достоин.

– А твоя избранница не будет возражать, если я у вас поселюсь?

– О, она будет только рада. Ведь я расскажу ей, что здесь увидел.

Мариона покачала головой, глядя в лица двух дорогих ей мужчин. Они так умело маскировали за шутками свое беспокойство.

– Я не поеду.

Арриен громко вздохнул, Олайош в сердцах хлопнул себя ладонью по лбу. Девушка же устремила прочь от сарая, когда мужчина произнес ей вдогонку:

– Пожалей его, девочка.

Маришка невольно замедлила шаг.

– Не будь такой жестокой. Если уж мнение нас двоих, вместе взятых, стоит гораздо меньше одного его слова. Он ведь не станет давить.

– Зато ты давишь, Олайош.

– Потому что ты рискуешь собой! И видеть из исследовательской повозки, как к тебе несутся эти чудовища... Да у меня чуть сердце не остановилось! Не представляю, что ощущал Эсташ.

Мариона опустила плечи и тяжело вздохнула. Потом же, так и не ответив, быстро направилась прочь.

Я смотрела на обращенные ко мне лица и ощущала невероятную беспомощность. Очутиться перед суровыми обитателями пустынь, которые молча слушают твой рассказ об организации экспедиции, оказалось серьезным испытанием для нервов.

– У вас имеется хоть какая-то научная степень? – спросила строгая женщина, к которой другие обращались, называя бене Алистой. У нее выходило смотреть так, что собеседник начинал ощущать невероятную робость.

– Нет, я ведь еще учусь.

– В любом положении, касающемся определения начальника экспедиции, пусть даже самой крохотной, пусть из пары человек, существует четко прописанный момент. Руководитель должен обладать научной степенью, чтобы хоть приблизительно представлять, как организовать процесс сбора информации.

– Арис Нейтон говорил мне о своих задумках.

– Говорил о задумках? – повторила бене. – Ясно.

Ощущение, будто я несу полнейшую чушь, только усилилось.

– Почему было принято решение поставить вас заменой? Вероятно, это ярко выраженные лидерские качества? – уточнил большой мужчина с седой бородой, чьего имени еще не довелось услышать.

– Нет, я бы не сказала, что обладаю ими.

– Каковы ваши основные навыки? – задал вопрос другой человек, к которому обращались «энит^[17] Бариор».

– Я рисую хорошо.

– Рисуете? – уточнил он.

– Да, – я опустила взгляд, видя по их лицам, что абсолютно не справляюсь с задачей убедить всех в собственной профессиональной пригодности.

– Доводилось ли вам слышать, что ученик попросту не может руководить экспедицией? Это противоречит всем уставам и положениям, – снова внесла лепту бене Алиста. – И то, что ваш преподаватель отдал должность столь юной особе, говорит не в его пользу.

– Да просто никто из старшего состава сюда не рвался, – это произнесла не я, а Трен, прошедший за мной в приемную палатку. – И

разве в Альберге не найдется того, кто мог бы частично взять на себя обязанности главы экспедиции?

– В Альберге люди ценнее пресной воды. Они на вес золота. И у нас попросту не бывает свободных рук, а особенно теперь, когда открыт новый источник и исследователи расчищают до него путь. Наша задача – организовать новое поселение, а не заниматься вами круглосуточно!

Бене Алиста умела быть откровенной.

Все замолчали. Первопроходцам не требовались лишние слова, чтобы описать положение дел, они и так прекрасно все понимали, они просто объясняли это нам, чужакам. Свыше дюжины «детей», которые могут натворить дел, что уже и было продемонстрировано, когда мы заплутали, отправившись от взлетной площадки по старой заброшенной дороге и угодив напрямик в лапы чудовищ.

Мужчины, женщины, собравшиеся в приемном покое, обернулись к единственному человеку, который все это время молчал и терпеливо слушал.

– Экспедицию придется отправить обратно, – постановил энсар.

– Что? – воскликнул Трен, полностью повторив мой молчаливый крик.

– Вы сможете вернуться с новым руководителем.

– Да никто, кроме Нейтона, не взялся отправиться в пустыни! Не будет новой экспедиции! – Трен еще пытался их переубедить, но я видела: сказанные энсаром слова стали для всех окончательным решением.

– Это было дело его жизни, – негромко произнесла я, глядя в глаза защитника. – Он напрасно погиб? Все впустую? Неужели вы не понимаете?

– Я понимаю, – столь же негромко ответил он.

А еще он вчера видел и лечил раненых из той экспедиции, что едва успела начаться.

В отчаянии я сжала ладони, а энсар повернулся к бене Алисте, спросившей:

– Кто их проводит обратно?

– Попрошу брата.

– Но ведь он намеревался задержаться еще на неделю и принять участие в охране исследователей. Нам требуется его помощь сейчас,

когда откапывают источник и возводят оградительные сооружения.

– Ученикам нужно благополучно добраться до Сенаториума, а наша задача – дать им сопровождающего.

Женщина громко вздохнула, а энсгар вышел из палатки, и за ним потянулись остальные. Трен с силой пнул деревянный столб, поддерживающий тент.

– Осторожней там, – мигом окрикнула бене Алиста, – не хватало еще опоры порушить.

Я отвернулась к стене, пряча лицо, когда парень, громко фыркнув, хлопнул пологом и ушел на улицу. В душе ощущалась полнейшая безысходность. Если спросить половину прибывших в пустыню учеников, то они после вчерашнего только рады будут уехать. Да что там половина! Все будут рады, кроме Трена.

Но я не имею права так поступить, а иначе мечта замечательного человека, который когда-то помог мне, так и останется неосуществленной.

Глава 9

Наверное, с какой-то точки зрения это даже забавно, что в самом жарком месте страны становится так морозно ночью. В палатках и теплых спальных мешках этот холод не замечается, а вот на улице пар идет изо рта, спасает лишь свободная куртка, подбитая изнутри длинным густым мехом с завитками, присланная нам в обязательном наборе. Сколько впустую потраченных усилий и надежд!

Как я и ожидала, никто из одnogруппников не роптал на решение энсгара. Да и в целом они вели себя непривычно тихо и послушно. Вероятно, впервые столкнулись с обратной стороной жизни, не той, к которой привыкли. Все собрались в общей отведенной нам палатке, тихо беседовали, кто-то взялся читать, кто-то – за настольные игры. Трен вел себя молчаливее всех. Улегся на свой мешок, завел руки за голову и мрачно уставился в потолок. Когда я тихонько вышла на улицу, никто и внимания не обратил.

Я закуталась поплотнее, затем обогнула шатер и сбросила на землю накинутый на одно плечо мешок. Решила оставить его здесь на время, поскольку у палатки энсгара заметила Арриена тен Лорана, беседующего с пожилым, но подтянутым мужчиной приятной наружности. Подойдя к ним, я услышала обрывки фраз:

– Риен, оставайся. Я сопровожу группу...

– В Сенаториум путь неблизкий, а ты намеревался...

– ...разве не помогу старому другу? Уж на меня можете положиться, или есть сомнения?

А потом мужчина заметил меня и улыбнулся:

– Здравствуйте.

Арриен обернулся.

– Зоя? Добрый вечер.

– Добрый, – я опустила глаза и принялась тереть отделанный мехом низ куртки.

– Ну, потом договорим, – хлопнул защитника по плечу его собеседник. Снова улыбнувшись, он направился прочь, а Арриен отошел от палатки и приблизился ко мне.

– Я могу чем-то помочь?

– Вы... обещали обо всем позаботиться. Будет, вероятно, какая-то церемония?

– В пустынях их не проводят, – качнул он головой. – Так уж сложилось. Люди пропадают или гибнут, а потому почести одинаковы для всех. Ветер уносит пепел, превращая ушедших в часть этих песков.

– Почему?

– Иногда укусы чудовищ настолько ядовиты, что могут нести опасность живым.

– Значит, вы нашли и... сожгли? Просто я хотела попрощаться.

Он опустил голову, потом вдруг шагнул вперед и взял в ладони мои руки.

– Мне очень жаль. Иногда невозможно отыскать. Я пытался расчистить нору, но она оказалась лишь временным переходом для твари. Ее полностью засыпало песком, она никуда не вела.

Отведя взгляд, запрокинула голову к темному звездному небу.

– Я поняла, благодарю вас.

От ладоней защитника шло тепло, и становилось легче. Как и всегда было рядом с ними. Уютно, безопасно. Жизнь казалась совсем иной. Другой. Намного счастливее. Хотелось бы остаться вот так рядом, но я отняла руки и поспешно спрятала их за спиной. Не нужно даже думать о таком. Он жалеет меня, утешает. Так же тогда утешал и Ирэн.

– Если позволите, я бы с удовольствием навестил вас, когда вернусь в Кенигхэм.

– Конечно. – Вновь уставившись под ноги, я принялась чертить носком ботинка на земле. Невнятные линии, неясный образ. Он вдруг принял облик летящего силуэта, и я быстро затерла все ногой. – Вам все равно нужно будет забрать дневник. Доброй ночи.

– Зоя, – он позвал негромко, но я уже не стала оборачиваться. Тихое «доброй ночи» долетело как шелест ветра. Кажется, совершенно ничего не значащие слова, очередная дань вежливости, а мне безумно захотелось развернуться и тоже порыдаться у него на груди. Только слабости редко доводят до добра. А у меня не было времени ни на жалость к себе, ни на мгновения чувств, пускай и волшебных, но недозволенных, потому что я могла передумать. Я надеялась, он не

направится за мной – и он не пошел. Уважение к чувствам других играло мне на руку.

Я вернулась к мешку, брошенному за палаткой. Никто не следил за мной, и это было отлично. Ясно, что Альбергу защищали извне, но никто и не предполагал, будто найдутся безумцы внутри, способные покинуть лагерь. Особенно ночью.

Закинув вещмешок со всем, что могло пригодиться для выживания в пустыне, на плечи, я укрыла волосы капюшоном и стала пробираться к выходу за ограждение. Ночью все отдыхали, а вокруг Альберги гудел защитный купол наподобие того щита, что укрыл нас от чудовищ. Его наличие, как и присутствие крылатых воинов, было самой надежной преградой, но огораживал он проход лишь с внешней стороны, мне же пройти оказалось просто. Несколько шагов, и позади плотно затворенная дверца, тихо щелкнувшая замком, отпирающимся только изнутри. А впереди раскинулись пески. Тут же вдоль ограждения стояли пустынные сани и повозки, рассчитанные на большое число человек, и легкие лодки. Лодок было немного, поскольку люди в основном перемещались группами, но именно подобный транспорт мне и подходил. Все остальные, тяжелые и большие, требовали немалых умений в управлении и хорошего владения магическими потоками, а вот лодки были необычайно легкими и быстрыми, даже парус имелся. Я успела изучить их еще днем, услышав приговор энсгара, и в целом разобралась в принципе управления. Достаточно включить специальный механизм, генерирующий ветер, а затем крутить штурвал и направлять транспорт в нужную сторону.

Выбрав самую маленькую, я легко перепрыгнула через борт, уселась на скамью и активировала ветрогенератор. Широкие колеса задвигались без скрипа и шума, парус раскрылся, и лодка сдвинулась с места. Она начала набирать скорость, а я запрокинула к небу лицо, ища в нем главный ориентир. Вот нужное созвездие, теперь курс только на него.

На Альбергу я обернулась лишь раз. За столь короткое время мне понравились и здешние люди, и их особый уклад, а в душе даже на секунду возникла жалость, но я мгновенно отогнала ее. Уж слишком напоминало жалость к себе. Наверняка утром отыщут записку. В ней я

попыталась все объяснить. Очень хотелось, чтобы поняли и не осудили.

Я покрепче вцепилась в штурвал. Теперь надежда лишь на собственную ловкость и, главным образом, тот необычный дар, который однажды уже позволил мне перейти пустыню и спастись единственной из многочисленного отряда.

* * *

– Недосчитались? – уточнил энсар, глядя на бене Алисту.

– Да, – та залилась краской и оглянулась на горе-экспедицию, – вот с утра уже и вещи собрали, приготовились, а пришло время отправляться к взлетной площадке – и недосчитались.

– Сколько не хватает?

– Одного.

– Одной, – донеслось со стороны недовольно гудевшего отряда учеников.

Трен вышел вперед.

– Зои нет. Той девушки, которая была заменой ариса Нейтона.

Эташ скрестил руки на груди, лишь этим жестом обозначив, что новость не оставила его равнодушным.

– Лагерь проверили? – уточнил он у бене Алисты.

– Конечно, энсар. Иначе не стали бы вас беспокоить.

– За ограждением недостает одной из летающих лодок, – сообщил техник, отвечающий за транспортное обеспечение лагеря.

– Она не просто ушла, но еще и лодку угнала? – с усмешкой уточнил Трен.

– Находите это смешным? – накинулась на него бене Алиста, на что парень лишь пожал плечами.

– Необычным. Зои всегда такая тихая и...

– Такая ненормальная! – долетел со стороны учеников язвительный голос.

Олли с досадой скинула с плеча вещмешок и, не сдерживаясь, громко выругалась.

– И раньше-то была не в себе, а теперь совсем с катушек слетела!

– Держи язык за зубами, – прикрикнул Трен.

– Сам держи. Теперь из-за этой неадекватки и мы улететь не можем. А я не хочу здесь оставаться!

Эсташ окинул взглядом группу уже бывшей экспедиции, затем посмотрел на отряд сопровождающих и на исследователей. Последним нужно было срочно отправляться к новому источнику, и защитник кивнул руководителю отряда, давая разрешение. Люди тут же поспешили за барьер, и вскоре с той стороны донесся шум заработавшего двигателя. Энсгар оглянулся на Олайоша, собранного и готового сопровождать ребят напрямик до Кенигхэма. Энгельфер должен был прибыть в течение получаса. Защитник чуть повысил голос, обрывая крики спорщиков и недовольные возгласы:

– Вы полетите.

– Как – полетим? – слышался возглас Ирэн. Девушка поспешно отодвинула с дороги разошедшуюся Олли и вышла вперед. – А Зоя? Мы не можем уехать без нее.

– Еще как можем, – зашипела в спину Олли.

– Вот и езжай! – сорвалась Ирэн. – А я останусь здесь!

– И я, – поддержал ее Трен, – в пустынях ведь всегда нужны добровольцы? А мы уже совершеннолетние! – он дерзко обвел взглядом обращенные к нему лица, разом обрывая возможные возражения. Идея пришла ему в голову еще вчера, когда он напряженно обдумывал случившееся, пока наконец не нашел выход.

– Для этого вам придется оставить учебу, – спокойно ответил энсгар, поумерив пыл молодого человека.

Парень с досадой оглянулся на Ирэн за поддержкой.

– Я останусь, пока Зою не найдут, – заявила та. – И вопрос с нашей учебой решим незамедлительно. Уверена, школа пойдет навстречу и предоставит академический отпуск.

Трен мысленно присвистнул, оценив уровень уверенности девушки. Отец в учебном совете может решить даже такой щекотливый вопрос? Неплохо. Бросать учебу парню не хотелось, как и остаться в пустыне насовсем.

– К поискам нужно приступать уже сейчас, – постановил Эсташ. Он оглянулся на Олайоша, и тот кивнул в ответ и направился к группе ребят, готовых возвращаться. Те нестройным ручейком потянулись за ограждение, а следом вышли их сопровождающие. Олайош обернулся к подбежавшей Маришке, крепко ее обнял и исчез за воротами. Вновь

послышался шум двигателей. Двое оставшихся молодых людей невольно подступили ближе друг к другу под строгим взглядом бене Алисты.

– Эй, добровольцы, – обратилась она к ним, – вас нужно оформить. Но сперва будьте добры предоставить подтверждение того, что школа больше не несет ответственности за своих учеников и мне не придется отчитываться за двоих недорослей.

– Недорослей? Прошу прощения... – возмутилась Ирэн, но поймала взгляд бене и решила прервать спор. – Хорошо. Я сейчас же отправлю к директору вестника, будьте спокойны. Ответ дадут через час.

Она выше вскинула голову.

– А когда сформируют поисковый отряд? – подступил к Эсташу Трен.

– Когда откликнется большее число добровольцев. Придется дожидаться возвращения сопровождающих. Однако к поискам приступим уже сейчас.

– Вы не можете покинуть Альбергу! – ахнула бене Алиста.

– Время тоже терять нельзя, – отозвался защитник. – Чем больше его проходит, тем меньше шансы на успех.

– В любой момент могут поступить пострадавшие, энсгар!

– Я пойду вперед, – молчавший все это время Арриен подошел к Эсташу. – При свете дня ее легче заметить с высоты, особенно в движущейся лодке.

– Один? – громко ахнула Ирэн. – Но разве можно отправляться совсем одному?

– Зоя ведь тоже одна, – отозвался защитник и снова посмотрел на брата. – Главное – определиться с направлением.

– Она направляется к пещерам Дальери, – Маришка подошла к обоим защитникам.

– Куда? – не поверил ушам Арриен, а Эсташ лишь вопросительно изогнул брови.

– Зоя оставила записку, – Мариона вынула из кармана сложенный лист.

– Оставила записку вам? – перебил девушку ревнивый возглас Ирэн. – Почему вам?

Маришка пожала плечами, проигнорировав и тон, и выражение лица девушки. Ее мысли были заняты другим.

– В записке говорится о пещерах? – уточнил Эсташ.

– Нет. В ней написано, что Зоя должна исполнить мечту погибшего учителя, а иначе до конца дней не сможет простить себе, что подвела его. Здесь она просит не отправляться на ее поиски, поскольку это означает напрасно подвергать себя опасности. Так и пишет: «Одна я справлюсь и обязательно вернусь». Дальше описывает необычную способность, что звучит почти невероятно.

Девушка протянула записку Эсташу, и пока тот ее изучал, Арриен спросил:

– Почему ты уверена, будто речь идет о Дальери? Несмотря ни на какие способности, соваться туда – самоубийство.

– Мечтой ее учителя было увидеть эти пещеры.

Эсташ передал записку Арриену, и пока у того от удивления вытягивалось лицо, обратился к Ирэн:

– Откуда она, ваша подруга? Где родилась?

– Не знаю, – Ирэн пожала плечами, – она росла в детском приюте.

– Зоя говорила, что помнит момент из своего детства, когда вместе с родителями и группой людей в необычных головных повязках, закрученных в виде тюльпана, уже пересекала пустыню. Там ее родные и погибли, – сообщила Мариона.

Ирэн закусила губу и исподлобья посмотрела на задумчивую девушку.

– Беженцы, – протянул Эсташ, – выходцы из соседнего Лланура. Я помню, что около шестнадцати лет назад, когда в их стране шла война, многие пытались попасть в Кенигхэм через пустыни.

– В их рядах состоял защитник. Зоя говорила, он спас ее. У него была нашивка в виде крыльев на одежде, но не было настоящих крыльев. И он тоже погиб.

– Неистинные, но принятые в род, имеют право носить такие нашивки, указывающие на их происхождение. Вероятно, его семья была небогата, потому он зарабатывал тем, что нанимался в охранники небольших отрядов. По сути, нарушал закон, провожая беженцев в обход границы. За это платили немало, вот и риск считался оправданным. Однако происхождение Зои совершенно не объясняет, откуда у нее эта способность.

Эсташ снова повернулся к Ирэн:

– Почему остальные ученики так странно относятся к вашей подруге?

– Зоя немного со странностями, – ответила Ирэн. – Ее не назовешь абсолютно нормальной. Иногда она совершает чудные поступки.

– Значит ли это, что она может верить, будто способна в одиночку пересечь пустыню, хотя на самом деле такое маловероятно?

– Может, – пожала плечами Ирэн. – А что за способности?

На этот вопрос ответил уже Арриен:

– Она пишет, что невидима для чудовищ.

– В каком смысле? – вмешался Трен.

– Я понимаю это так, что чудовища ее не ощущают.

– Чудовища? – вскинул брови парень. – Да ладно! Которые могут учуять людей, едва те ступят на песок пустыни? В этот раз Зоя явно хватила.

– Если даже вы ей не верите... – задумчиво проговорил Арриен, переводя взгляд с лица Ирэн на Трена, – что же, не будем терять время.

Он обернулся к брату:

– Я отправляюсь на запад, за ночь она одна могла проделать большой путь. Лодки достаточно быстроходны. Если...

Фраза повисла в воздухе, но об ее окончании все и так догадались: «Если вообще смогла уйти далеко».

– Идем, возьмешь с собой необходимое снаряжение на случай, если что-то пойдет не так.

Эсташ позвал Арриена за собой, а Маришка заторопилась следом.

У палатки, когда защитник вынес и передал брату один из вещмешков, всегда державшихся наготове, девушка подошла к Арриену и обняла. Тот крепко обхватил ее в ответ и тихо, склонившись к самому уху, произнес: «Загадай для меня, Маришка».

– Я загадаю, – девушка крепко зажмурилась, удерживая слезы. – Все будет хорошо, Риен.

– Конечно, будет, – он ласково провел рукой по темным волосам и отпустил Мариону, повернувшись к брату. Оба молча пожали друг другу руки, и защитник закинул на плечо мешок и отправился к воротам, по пути улыбнувшись замершей неподалеку Ирэн: «Еще увидимся».

До боли искусаив губы, девушка проводила его взглядом, а потом резко обернулась к Эсташу с женой:

– Как можно было дать ему уйти? Как? Одному! Насколько же нужно вообще ничего не чувствовать!

Эсташ, невозмутимо выслушав ее, ответил:

– Вам не повредит успокоительное, возьмите в палатке у бене Алисты, – и отправился в медицинский отсек.

Ирэн внезапно оробела и не нашлась с ответом. Но Маришка среагировала на ее выходку гораздо эмоциональнее.

– Вы в своем уме? – спросила она, когда ее муж исчез за палатками. – Это же его младший брат! И ему было тяжело согласиться. Разве вы совсем ничего не видите?

– Не вижу? – взвилась Ирэн. – Я прекрасно вижу, что одного брата тебе явно недостаточно!

– В смысле, недостаточно? Очень даже хватает. Я второго Роберта просто не переживу.

– Роберта? – Ирэн скрестила руки на груди и задрала подбородок. – Ах, играем в простушку. Только актриса посредственная. Ты прекрасно поняла, что я говорю об Арриене.

– А что ты говоришь об Арриене?

Мариона вскинула бровь, а у Ирэн начал стремительно истончаться запас терпения.

– Что ты уже слышала! Если в запасе нет еще одной такой приманки, как рудник, то вряд ли поймашь второго брата.

– Все никак в толк не возьму, – Мариона нахмурилась, – рудник, брат, о чем идет речь?

Ирэн в бессильной злости топнула ногой, вновь не удержав себя в руках:

– Что дочери рудокопа уже повезло поймать старшего наследника, а значит, не пристало теперь заглядываться на главу рода!

Глаза Марионы расширились.

– Серьезно? – протянула она.

– Серьезней некуда!

– Я определенно учту твои пожелания, – хмыкнула Маришка и отвернулась, намереваясь пойти вслед за мужем.

– А может, для тебя они на одно лицо? Ведь так похожи! Внешность, манеры. Не в состоянии отличить одного от другого? – не

добившись совсем никакой реакции, Ирэн полностью отпустила свой гнев, уже не задумываясь над словами.

– Сложный вопрос, – Мариона усмехнулась. Ей было откровенно забавно наблюдать за необоснованной ревностью девушки, и в то же время стало чуточку ее жаль. Потому она решила ответить совершенно серьезно: – Мне не удастся их сравнить. Сколько бы я ни смотрела на Арриена, взгляд вечно возвращается к Эсташу.

На этой фразе она окончательно отвернулась и поспешила в медицинский отсек, в котором, возможно, требовалась ее помощь.

Ирэн же проводила удаляющуюся фигурку с гримасой злости и досады на лице, но в ту же секунду его выражение изменилось, и она невольно потянулась вперед, когда за оградой Альберги в небо взмыл огненный силуэт.

– Арриен, – позвала она тихо.

– Он тебя уже не услышит, принцесса.

Девушка резко обернулась.

– Трен! Чего тебе?

– Хотел поздравить с успешной задержкой в Альберге да уточнить про отправку вестника. Я был тронут твоей заботой о подруге, но вот сейчас буквально открылись глаза. Ирэн, неужели ты осталась не ради Зои? Это все для нашего неуловимого защитника?

– На твоём месте я бы сменила объект для зубоскальства, Трен, а то директор едва ли одобрит академический отпуск столь «выдающемуся» студенту. По тебе уже скучают в Кенигхэме. Кстати, можно подумать, твои устремления были абсолютно бескорыстны. Ты же еще не всех чудовищ обезглавил! Не успел проявить себя настоящим героем!

– Откуда столько яда, Ирэн? – Парень прислонился плечом к деревянному шесту. – Неужели славный летающий воин так больно ударил по самолюбию принцессы?

– Уж это тебя точно не касается.

– Серьезно? Я просто заметил, что ты совсем слетаешь с катушек, когда речь идет об Арриене тен Лоране, а потому хотел по-дружески предупредить. Будешь цепляться к жене его брата – вернешься домой следующим аэростатом.

– Много ты понимаешь! – Ирэн в ярости развернулась к Трену и вжала указательный палец ему в грудь.

– Ну, как мужчина, могу сказать, что хоть Арриен и любит невестку, это совсем не тот тип любви, о котором ты подумала. – Он легко отвел в сторону ее ладонь. – Так любят и защищают сестер. А у ревности глаза велики.

– Сестер, – хмыкнула Ирэн, – конечно!

– На любимых женщин смотрят иначе. Страсти в глазах уж явно больше, чем нежности. Взглянуть хотя бы на его брата. Сомневаюсь, что там дело в рудниках. Да он с жены глаз не сводит, а она с него. Вот и предупреждаю тебя – не глупи.

– А у тебя большой опыт в любви? Не замечала, чтобы ты со своими многочисленными пассиями хотя бы играл в любовь. Даже не берешь на себя труд притворяться.

– Так, ясно. Пока не остынешь, говорить с тобой бесполезно. Может, хоть делом займешься? Пока мозги заняты, на глупые мысли времени не остается. – Он кивнул на посветлевшее небо. – Идем восточку в деканат отправлять, все равно он уже улетел.

– Именно, – Ирэн быстрым движением утерла глаза, – улетел один.

– Скоро соберем поисковый отряд, поможем. К тому же он защитник, что такому будет? – в последней фразе парня прозвучала едва слышная грусть. – Идем, – добавил он чуть резче и, ухватив Ирэн за руку, потащил за собой.

* * *

Арриен осматривал пустыню с высоты, минуя один похожий отрезок оранжевой земли за другим, оставляя сигнальные флажки по всему пути следования. Острое железное основание флажка, набрав ускорение, врезалось в песок и уходило на достаточную глубину, формируя своеобразную дорожку. Поисковый отряд сможет отследить его путь, если вдруг что-то случится и не выйдет послать вестник о благополучном завершении спасательной операции.

Ветер за ночь замел все те немногие следы, которые могла оставить летающая лодка. Эти легкие транспортные средства были очень маневренными. Их широкие колеса втягивались в днище, а сами лодки, набирая ускорение, поднимались над песком и летели,

практически не касаясь его, чтобы меньше тревожить голодных чудовищ. Если и с девушкой, и с угнанным транспортом все в порядке, то обратно придется добираться на лодке. Все средства передвижения, как, впрочем, и другие жизненно необходимые вещи, здесь, в пустынях, были слишком ценны, чтобы разбрасываться ими. Списать со счетов еще не развалившийся на запчасти транспорт считалось непозволительной роскошью.

Арриен держался подсказанного Марионой курса, но пока не видел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего лодку. Поднявшееся солнце слепило глаза, и зной в воздухе начинал нарастать. От жары и холода защитный огонь не спасал. Однако Арриен упорно продолжал вглядываться в горизонт, пока ему не почудилось далеко впереди темное пятнышко. Впрочем, крылья для того и были нужны, чтобы нести к цели гораздо быстрее ног.

Вот уже простое темное пятнышко, стремительно обретая очертания, превратилось из точки в вытянутые вертикально и горизонтально линии, а затем, набрав объем, в долгожданную лодку. Девушка в ней стала заметна, только когда он подлетел совсем близко – ее светлая одежда практически сливалась с пейзажем, а рыжие волосы были под стать пескам пустыни.

Однако и Зоя заметила защитника. Пускай позже, чем могла, но определенно раньше, чем ему бы хотелось. Его полет был стремительнее движения машины, оставалось совсем немного, чтобы нагнать и спикировать вниз. Но, увидев огненного крылатого воина в небе, Зоя внезапно так испугалась, что слишком резко дернула штурвал. Скользящая с бархана лодка, повинуясь движению руки, мгновенно развернулась боком и тут же завалилась, пропахав борозду в рыхлом песке. Зоя по инерции перелетела через край и кубарем покатила к основанию холма. Транспорт со скрипом ехал следом. Опасаясь, как бы девушку не придавило тяжелым бортом, Арриен ринулся к земле, намереваясь вклиниться между Зоей и лодкой, но на его глазах девушку почти мгновенно засосало в песок. Защитник успел приземлиться на то же место и сорвался вниз за мгновение до того, как сверху послышался громкий скрежет ломающегося дерева.

Защитник приземлился на ноги, коснувшись ладонями земли. Огонь погас, крылья исчезли, а потому кругом воцарилась кромешная темнота. Вход запечатался, и в тишине отчетливо слышалось чужое тяжелое дыхание и громкий удаляющийся шорох. Арриен резко подался вперед, вытянул руку, безошибочно определив положение перепуганной девушки, и ухватил ее за лодыжку, обрывая бессмысленное бегство. Волны паники буквально захлестывали его, Зоя совершенно потерялась в пространстве и едва ли понимала, что именно не дает ей продвигаться вперед в неизвестном направлении. Благо она не визжала, не вопила, только шум дыхания перестал заполнять воздух. Девушка сжалась и затаилась.

– Только не стоит меня обезвреживать, – быстро проговорил Арриен, попутно уклоняясь на одних инстинктах. Что-то рассекло воздух и вонзилось в песчаную стену над его плечом. – Зоя, прекрати паниковать!

Громкое сопение вновь наполнило воздух, ладони девушки схватились за его удерживающую лодыжку руку и лихорадочно ощупали. Напряжение ощутимо пошло на спад. Он даже услышал тихий выдох.

– Зачем так кидаться с неба? – пробормотала она. – Это... это вообще неожиданно, когда от солнца отделяется горящий силуэт и падает вниз. Я даже не сразу сообразила, что происходит. Просто ужасно!

– Ужасно красть лодку и удирать ночью из лагеря. Сейчас все заняты тем, что собирают поисковый отряд.

– Отряд? – ахнула девушка.

– Именно. Его участники будут счастливы обнаружить обломки лодки и обрывающиеся следы.

Зоя, крепко обхватившая его запястье, на ощупь принялась перемещать ладони и теперь уже вцепилась в предплечье, подбираясь еще ближе.

– Арриен, а мы сейчас где?

– В ловушке.

Почувствовав, что она наконец-то не пытается сбежать в противоположном направлении, защитник отпустил ее ногу.

– В ловушке? – Пальцы девушки сжались еще крепче, вызывая желание аккуратно их отцепить. – Нас съедят? – дрожащим голосом

уточнила она, и стало понятно, что Зоя вертит головой, тщетно пытаясь что-то рассмотреть.

– Не сейчас. – Арриен совладал с искушением отцепить ее руки, поскольку, стоило лишь чуть податься назад, и волны чужого страха вновь наполнили пространство. – Не паникуй!

– Я не паникую, – срывающимся шепотом соврала она.

– Возьми оружие, которым сейчас пыталась меня ударить, и начинаем искать выход. Этот запечатало намертво обломками лодки.

– А к-куда я его дела?

Защитник на ощупь определил направление и вытянул за рукоять из стены небольшой кинжал. Послышался тихий шелест осыпающегося песка.

– Надо уходить. Конструкция ловушки нарушена. Все может осыпаться на наши головы.

Он подтолкнул девушку, побуждая разжать ладони и задавая направление, в котором следовало двигаться. Хотя оно и было единственным, Зоя все еще плохо ориентировалась в пространстве.

– Что это за ловушка? – Она торопливо поползла прочь от вертикального спуска, с которого потихоньку осыпалось все больше и больше песка.

– Когда проход станет шире, пропустишь вперед, – велел Арриен, после чего объяснил: – Ловушки строят чудовища, обычно сооружая их в основании барханов и по сторонам от проложенных троп. Человек, наступивший на такую, мгновенно продавливают собственным весом песчаную крышку, а дальше его затягивает, точно в зыбучий песок, только гораздо быстрее. Лодку затащило следом, но она слишком велика, чтобы поместиться полностью, потому ее и разломало на части.

– А почему чудище не сидит внизу, раскрыв пасть?

– Потому что у него много таких ловушек. От каждой ведет нить, как у паука в паутине. Но сейчас монстр не сунется.

– Он почуял защитника?

– Да, и уже сбежал. Я пока не ощущаю присутствия чудовищ.

– А напасть на защитника они могут?

Арриен заколебался на мгновение, но решил, что лучше уж раскрыть все карты.

– Если их станет настолько много, чтобы убить защитника, они нападут.

Зоя издала невнятный звук, а потом снова резко вцепилась в него. Он вынужден был остановиться.

– Зачем было за мной лететь? Я же сказала, что вернусь. Все было бы в порядке!

– Лодки, конечно, дарят хорошее преимущество за счет парящих свойств, но даже они не могут уберечь от случайностей, одна из которых уже произошла. В этот раз ты испугалась меня, а в другой могло напугать что-то еще...

Арриену хотелось добавить, что самонадеянность и легкомыслие немало людей погубили в пустынях, но, услышав, как девушка начала всхлипывать, он сдержался. Проход стал шире, и наступил подходящий момент, чтобы самому пройти вперед, однако он не стал отталкивать заплакавшую Зою.

Слезы полились сами, а с ними изливалось наружу напряжение последних дней. Все время, пока я ехала на лодке, сосредоточенно вцепившись в руль, я опасалась оглянуться или посмотреть по сторонам, боялась увидеть чудовищ. Пески всегда пугали меня, с самого детства. Мне вдруг столь отчетливо вспомнилось все тщательно забытое с годами. Как я сперва побежала, повинаясь крику защитившего меня человека, потом запнулась о кого-то, упала. Чудовища очень быстро забирали свою добычу, утягивая в пески, и люди попросту исчезали. Как, упав, поползла вперед, зажмурил глаза. Мне хотелось стать невидимкой, стать как то прозрачное марево, что висит над горячими песками, я хотела быть совершенно незаметной для чудовищ. Желание на грани бреда, потому что никаких четких мыслей в моей голове не было, только паника, ужас и ощущение нереальности происходящего.

И только спустя долгое время я осознала, что ползу по горячему песку, а кругом совсем тихо. Ветер легкий-легкий, шелестят песчинки. Очень сложно оказалось раскрыть глаза, а еще сложнее – оглянуться. Позади меня было пусто, а ветерок потихоньку заметал следы, забавляясь и перекатывая желтый песок. Чудовища тоже скрылись. Местами валялись сброшенные с плеч мешки, обрывки одежд, чей-то башмак. А еще настоящий кувшин, закупоренный пробкой, и пара

фляжек с водой. Разумно рассуждая, мне следовало хоть попытаться взять что-то нужное с собой, пока и вещи не замело песками.

Я не смогла. Не смогла вернуться и пройти эти несколько шагов. На ноги и то оказалось почти невозможно подняться. Я вставала и падала несколько раз. А потом все же поднялась и пошла в том направлении, куда толкнул защитник. Шла и шла, не глядя вперед, только под ноги, и ни разу потом не оглянулась. Из этого перехода мне запомнился лишь песок, палящий зной и ночной холод, а еще то, что я не останавливалась, даже когда ноги переставлялись с трудом и шаркали по земле, точно у древней старухи. Остановиться было все равно что оглянуться и снова увидеть за спиной пустоту и беспорядочную свалку уже никому не нужных вещей. Глаза я не поднимала после того, как один раз решила оглядеться и увидела мелькающие в отдалении силуэты чудовищ. Вероятно, они перебегали пустыню или рыли новые норы, не обращая никакого внимания на одинокого человека.

Заметить меня смогли только люди. Вероятно, те самые исследователи. Увидели издалека и изменили направление своего транспортного средства. Когда силой затащили на борт, я визжала и отбивалась, порывалась вырваться, чтобы снова пойти дальше. Мне что-то вкололи, и я уснула. Когда проснулась, снова увидела людей. Меня хотели накормить, твердили об обезвоживании, пытались расспрашивать, но в ответ получили очередную истерику и попытку сбежать. В следующий раз я пришла в себя уже на борту аэростата, доставившего меня в Кенигхэм. Там возле взлетной площадки меня встретила какая-то женщина. Я помню ее волосы с проседью, испещренное морщинами лицо и цепкий взгляд. Сухие губы жевали табак, им пахли и ухватившие меня за подбородок пальцы, а глаза осмотрели с ног до головы.

– Ну привет, – сказала она. – Добралась-таки?

Имя и фамилия, вышитые на крышке рюкзака, повешенного матерью за спину, навели исследователей на мысль, что эта женщина могла быть мне родственницей. Пока меня лечили от горячки и бреда, попутно занимались поисками. Отыскивали только ее. До сих пор не знаю, какая между нами была родственная связь. Вероятно, очень дальняя. Лишь однажды прозвучала в ее речи фраза: «Ты не слишком похожа на мать, никак в папашу уродилась? Из такого брака ничего

путного выйти не могло. Сама нищенка и за нищего замуж пошла». Однако старуха все же взялась ответить на запрос, встретила меня и привела в свой дом. А потом таким же образом отвела к дверям приюта и там оставила. Больше я ее не видела.

С тех самых пор не помню, чтобы хоть кому-то было до меня дело, чтобы кого-то волновало, где я и что со мной. И сейчас настоящий ужас охватил от осознания, что эти странные люди, живущие в Альберге, зачем-то собирают поисковый отряд, а Арриен тен Лоран бросился следом, чтобы лично отыскать, и из-за меня провалился в ловушку.

– Ну все, все, Зоя, – его голос звучал абсолютно безмятежно в этой пугающей темноте, – успокойся.

Он обнимал меня, а рука гладила по волосам.

– Зачем вы за мной пошли? – оказывается, я тоже его обнимала, точнее, вцепилась в его шею, и ему сейчас, должно быть, было очень некомфортно дышать, но при этом он оставался настолько невозмутимым, что даже мои чувства стали потихоньку выравниваться, а ощущение защищенности приятно согревало душу.

– В пустынях люди не бросают своих. Когда есть хоть малая вероятность, что человек жив, его стараются вытащить. А иначе выживало бы еще меньше людей. Ну как, уже лучше?

Он скорее констатировал факт, чем спрашивал. Мне же хотелось и дальше его обнимать, даже темнота ловушки вдруг показалась удивительно уютной.

– А вы что, это чувствуете? – уточнила я.

Он негромко хмыкнул в ответ, и сразу припомнились другие случаи, когда казалось, будто он точно улавливал мое настроение. А потом без связи с этими воспоминаниями на ум пришли сказанные им слова о чудовищах, способных напасть на защитника, если их будет достаточно много. И словно ледяной водой окатило. Я резко вскинулась и услышала тихий возглас, когда с силой ударила макушкой прямо в его подбородок.

– Простите!

– Все нормально.

Я попыталась отстраниться, одновременно выворачиваясь из его надежно державших меня рук.

– Нужно идти, уходить поскорее. Найти выход!

— Тогда позволь пройти вперед.

Я плотно прижалась к стене, пока он осторожно перебирался, стараясь не слишком меня придавить. Зажмурилась на секунду, когда мягкие волосы пощекотали щеку. И так явно вдруг нарисовались перед глазами огромные солнечные крылья. Они такие же мягкие, как и его волосы? А может, и вовсе невозможно их ощутить, настолько невесомы сплетающие их огненные нити?

— Пойдем, — позвал он и сделал то, на что я сама не решилась бы — взял меня за руку и потянул за собой.

Глава 10

Удивительно, но чем дальше мы шли, тем выше становился проход, теперь даже не приходилось нагибаться.

– Странно.

Защитник остановился.

– Что случилось? Что вы делаете?

– На ощупь определяю состав стен и потолка.

– И что там?

– Все тот же песок, но...

Он замолчал, продолжая исследовать тоннель, а я занервничала сильнее.

– Что не так?

– Зачем всеяде нора в человеческий рост? Она строит узкие тоннели, ловушки, соединяет их друг с другом. Песок, укрепленный ее слюной, твердеет, покрываясь сверху коркой, но при этом остается относительно рыхлым. Если нарушить конструкцию, он осыплется и полностью завалит проход, закрывая место ловушки. Так случилось, когда в дыру затянуло нашу лодку.

– А здесь не так?

– Здесь он очень твердый, словно тоннель создавался с расчетом на долгое время, что уже странно для мигрирующих всеяд. Они покидают те места, где пищи нет, перемещаются дальше. А еще удивительней то, что до сих пор нам не попалось ни одного ответвления с вертикальным колодцем. Это должна быть система связанных каналов, и на более близком расстоянии.

Я слышала о способности чудовищ рыть норы, пропуская породу через себя, будь то песок, земля или нечто иное. Но не сумела бы различить по устройству тоннеля, кто его создатель.

– А мы сможем выбраться через колодец?

– Если пробить крышку изнутри, есть шанс выбраться.

– Здесь воздух очень спертый, – у меня уже начинала немного кружиться голова.

– Я надеялся на воздушные отверстия, если честно, чтобы отправить брату вестника.

– А нельзя пробить колодец самим?

– Там тонны песка, Зоя.

Столь умиротворяюще и философски прозвучала эта фраза, которая на самом-то деле отражала одну почти невероятную для моего понимания вещь – защитники тоже уязвимы. Слухи, рассказы и легенды о крылатых воинах Кенигхэма с детства приучили нас считать их высшими существами, которые с легкостью справляются с монстрами. А они вдруг оказались другими. Не просто жалеющими хрупких созданий в таком неидеальном человеческом теле, но понимающими, ощущающими нашу боль, стремящимися утешить, умеющими пошутить или жестко отчитать. Они были не бездушны, они были не всесильны. И одного из этих замечательных существ я затащила в настоящую ловушку.

– Арриен, а давайте я пойду вперед? У меня есть преимущество. Если натолкнемся на монстра, он меня не заметит, а я подам сигнал, и будет шанс его обезвредить.

– М-да, – ответил на это защитник. – Печально.

– Что печально?

– Времени на обезвреживание мало. Вот если бы он мог заметить и увлечься, например, откусыванием головы, я бы подкрался со спины или вовсе удрал, пока тварь занята, а так...

– Мне кажется, сейчас сарказм неуместен. Совершенно! Я чувствую себя виноватой, пытаюсь искупить вину, а ты надо мной смеешься!

– Как я могу смеяться над столь замечательным предложением? Пропустить девушку вперед, чтобы выяснить, есть там дальше монстры или нет.

– Не веришь, да? Думаешь, выдумка? А это все правда! Даже в случае с арисом Нейтоном именно я была ближе к скорпе, а бросилась тварь на учителя. И в пустыне я могла идти мимо них, видеть на расстоянии десятка шагов и оставаться незамеченной. Почему ты не веришь?

– Верю или нет, загвоздка не в этом. Я в любом случае не стал бы отправлять тебя вперед, особенно когда не ясна цель создания подобного тоннеля. Здесь опасность кроется не только в чудовищах.

– Зато меня не жалко. А вас, истинных защитников, намного меньше, чем людей.

– Это все индивидуально, конечно, но лично мне жалко. Вид хрустящей твоими косточками всеяды или иной твари совсем меня не порадует. Сама себя не жалеешь. К тому же чувство самосохранения отсутствует напрочь.

– Вовсе нет!

– Вовсе да.

– Ну ничего себе! Я полагала, у защитников идеальный характер. И я жестоко ошиблась...

Зато в следующий миг я убедилась, что реакции уж точно идеальны. Потому что Арриен резко закрыл мне ладонью рот и прижал меня к стене рядом с собой.

Только спустя минуту я расслышала шорох и крепко вцепилась в плечо защитника. Чувство самосохранения мне вполне успешно заменял страх. Я вечно всего и всех боялась и никогда еще и ни с кем не ощущала себя настолько свободно, чтобы спокойно говорить что думаю. Обычно молчала и делала по-своему.

Защитник убрал ладонь, перехватил меня за руку и осторожно пошел вперед, ступая вдоль покатой песчаной стенки. Впереди показалось долгожданное ответвление, но самое удивительное – стены слегка блестели, создавая уникальное мерцание, после крошечной темноты показавшееся хорошим источником долгожданного света. Арриен заглянул за угол и негромко цокнул языком. Потом отпустил меня, вышел на середину ответвления, заканчивавшегося тупиком, и задумчиво остановился перед колонной песка, упиравшейся в потолок.

– Что это? – я выглянула из-за его спины, наблюдая за шевелением песка в колонне, напоминающим водоворот. Он-то и создавал подозрительный шорох, который защитник расслышал издали и разобрал за моей болтовней.

– Ловушка светляка.

– Светляка?

– Еще один вид твари. Многоножка с двумя головами и острыми зубами, которые могут перемолоть не только песок. Ее слюна обладает флуоресцентными свойствами, отсюда и свет от стен. Светляк умеет создавать ловушку вроде зыбучих песков. И это странно.

– Ловушка странная?

– Нет. Странно то, что светляк обычно дежурит у собственной ловушки, более того, его норы слишком узки для человека, к тому же

он никогда не станет создавать тоннель, объединенный с ловушками других чудовищ. И количество странностей уже начинает по-настоящему напрягать.

– Может, они так адаптируются к жизни в пустыне? Выживают вместе.

– Может, – не стал возражать Арриен, а потом вдруг подошел к столбу из песка и остановился практически вплотную. – Вот только без светляка вся эта масса попросту застыла бы.

Он резко выбросил руки вперед, погрузив в песок по локти, а потом выдернул наружу нечто извивающееся и жутко шипящее. Я взвизгнула и отскочила подальше. А защитник отступил от убежища монстра, поднимая выше свою добычу. Светляка он ухватил сразу обеими ладонями за две шеи. Тварь была длинной и изворотливой, шипела и била хвостом, прочерчивая на песке извилистые полосы.

– Почувствовал и спрятался? – уточнил Арриен, крепче сжимая пальцы. – Решил напасть из засады?

В следующий миг многоножка дернулась в последний раз и обвисла. Защитник стряхнул ее на землю, и произошло то, что обычно случалось с большинством монстров: покрытое бугристой кожей тело осыпалось пеплом.

Меня передернуло от омерзения. Воспоминания о твари, затаившейся столь близко, заставили отступить еще на один шаг.

– Чем светляки опасны?

– Укусы смертельны, – ответил защитник.

Затем он запрокинул голову, глядя на столб. Песок больше не шевелился.

– Зачем они создают этот водоворот? Разве сверху не заметно шевеление песков?

– Сверху все та же хрупкая крышка, которая сливается с ландшафтом.

– Тварь ведь не может проглотить человека целиком, – я скривилась.

– Съедает по частям, – пояснил защитник, – кое-что оставляет про запас.

– Я не знаю и половины того, что здесь водится! Хотя мы с арисом Нейтоном изучили все, что могли отыскать.

– Это ты еще до пещер не дошла, – хмыкнул защитник, окинув взглядом уходящий вперед проход. Дальний конец терялся в темноте, и там стены переставали светиться.

– Он ведь тянется на запад, этот переход? – негромко уточнила я. – И в нем сходятся ловушки.

– Да, – кратко ответил Арриен, и стало понятно, что ему в голову пришла та же мысль: а вдруг тоннель ведет напрямик к горам, вливаясь в те самые переходы, которыми испещрены Дальери? Это могло означать, что дальше всевозможных тварей станет еще больше.

– Все чудовища, которые мигрировали в пустыни, – снова заговорил защитник, – относятся к низшим. К тем видам монстров, у которых развиты лишь инстинкты. Они не умеют мыслить логически и продумывать настолько сложные конструкции, как общий тоннель, который хорошо укреплен.

– К низшим?

– Да. Чтобы заставить их объединить усилия, нужна иная сила, способная управлять всей массой голодных и диких существ. Вот только высших больше не существует.

– А раньше были?

Он молча кивнул и снова осмотрел столб.

– Нужно попробовать открыть проход для нас здесь.

Я молча наблюдала, как Арриен приступил к расчистке пути вверх. Сперва сунулась помочь, но как только попыталась отколоть хоть кусочек от застывшей массы, едва не сломала нож. Она стала напоминать камень, хотя еще недавно песчинки кружились в водовороте. Чтобы не мешать защитнику, с помощью магии раскалывавшему монолит на части, я отступила от столба и принялась изучать стены.

– Значит, тоннель создан давно? – решила я нарушить воцарившееся молчание.

– Вероятно, не так давно, – ответил защитник, продолжая сосредоточенно отщеплять окаменевшие куски песка. – Он не похож на древнее сооружение, к тому же с момента, как чудовища были окончательно вытеснены в пустыни, прошло чуть больше века. А судя по рассказам Эсташа, пропажа людей участилась лишь в последнее время.

– Раньше они не пропадали? – Я приблизилась к стенке, чтобы рассмотреть поближе удивительное свечение.

– Раньше их чаще находили... в том или ином виде. А бесследно исчезать начали не так давно.

– Подобно тому, как исчез арис Нейтон? Значит, концы загадки теряются в этом тоннеле?

Я прижала ладонь к стене и оглянулась на работавшего мужчину. По поверхности колонны пробегали огненные трещины, после чего защитник отделял куски прямо руками. Наверняка он задумал вывести меня отсюда, а затем вернуться и продолжить исследования. Я уже достаточно времени провела рядом, чтобы понять – защитники не оставят без ответа вопросы, которые не укладывались в привычные им представления и знания о чудовищах. А ведь мог позволить мне дойти до конца. Я послужила бы хорошей шпионкой. Пройдя незаметно для всех этих монстров, убегающих и прячущихся при приближении защитника, увидела бы, куда выводит проход. Прежде некому было рассказать о тоннеле под песками, но, вероятно, сама судьба столкнула меня сюда и затащила Арриена следом. Обстоятельства сложились на удивление удачно, поскольку никто из нас двоих не пострадал. Но если после он вернется один, для него это будет представлять гораздо большую опасность, чем для меня.

Я вздохнула, продолжая машинально водить пальцами по стене, пока внимание не переключилось на странное ощущение, будто поверхность едва заметно шевелится под пальцами. Я мгновенно отскочила и, от испуга перейдя на шепот, позвала:

– Арриен!

Он тут же оторвался от колонны и очутился рядом.

– Что?

– Стена шевелится.

Однако стоило защитнику протянуть ладонь, как под коркой песка началось не просто движение, она заходила волнами, пока в одном месте не лопнула. Я вскрикнула и вцепилась в мужчину, который машинально закрыл меня собой от посыпавшихся на пол черных жуков размером с хороший орех. Правда, они даже разбежаться не успели, поскольку мигом вспыхнули и обратились золой.

– Это что? – покрепче прижавшись к Арриену и не решаясь его отпустить, спросила я.

Защитник наклонился ближе к потрескавшемуся песку, рассматривая открывшуюся за ней нору, вероятно идущую вдоль всей стены. Он протянул руку и быстро схватил одного из убегающих жуков за бока, перевернув брюхом кверху. При ближайшем рассмотрении сучившееся десятью лапами существо оказалось больше похожим на медведку, только с круглым брюхом.

– Временщики, – проговорил мужчина.

– У них тоже смертельный яд?

– Обычно чем тварь меньше, тем безобиднее. У этих в слюне содержатся вещества, которые оказывают влияние на мозг, вызывая кратковременные потери памяти.

Я смотрела на шевелящиеся жвалы, пытаюсь осмыслить, насколько разнообразны и сложны монстры, столько веков населявшие Кенигхэм.

– Есть подобные им, но с вытянутым серым телом, больше похожие на крохотных ящериц. Их называют псилоцины, поскольку их яд способен вызывать галлюцинации.

– Все это звучит вовсе не безобидно.

– Мы классифицируем чудовищ в зависимости от смертельности слюны, клыков, когтей или шипов и разделяем на подтипы исходя из обратимости или необратимости последствий укуса. Большинство ядов могут быть не смертельны для защитников, сгорая в их организме, но слюна подобных мелких существ, как ни странно, влияет на нас, хотя последствия и исчезают быстрее.

Жук вспыхнул и осыпался на землю черным песком.

– Они чувствуют защитника и бегут, – пробормотала я негромко, – появление даже одного для них опаснее целого отряда людей, поскольку вы им не оставляете шанса на выживание.

Арриен повернул ко мне голову, и я осознала, что стою слишком близко, крепко обняв его за плечи. Разжимать руки не хотелось.

– Звучит как жалость к чудовищам, – негромко заметил защитник.

– Просто констатирую факт, – мой голос опустился до шепота, – в борьбе за выживание вы друг для друга враги.

– Наш долг – хранить людей.

– Хранить людей? А кто хранит вас?

Странно, что он не отступал и не убирал мои руки. И поразительно было преобразование пещеры с массой бегущих кругом

чудовищ, от самых мелких до крупных, вроде всеяды или скорпа. Из страшной она превратилась едва ли не в уютную. А может, эти странности происходили лишь в моей голове? В ней же зарождалась и крепла одна из самых сумасбродных затей, из-за которых здравомыслящие люди всегда называли меня ненормальной.

Стоило огромного труда овладеть собой настолько, чтобы по коже перестали бегать мурашки от касающегося ее теплого дыхания, чтобы приглушить стук расшалившегося сердца и представить себе нечто, способное отрезвить и вернуть в реальность. Это было странное чувство, очень отличное от болезненной уязвимости, которую я испытывала рядом с Треном. И я жалела сейчас не чудовищ, а тех, кто всегда боролся с ними ради нас и погибал подобно юному защитнику, не обладавшему крыльями, но закрывшему собой одну бесполезную девчонку. У Арриена есть изумительные крылья, но он тоже может погибнуть, если попытается исследовать этот тоннель до конца.

И хотя поступить так оказалось невероятно сложно, я расцепила руки и отступила. Защитник помедлил немного, глядя на меня, а когда я опустила голову, избегая его взгляда, отошел и вновь вернулся к столбу. Отвернувшись к стене, я принялась наблюдать за открывшейся частью перехода, прорытого жуками в песке. Это продолжалось долго, пока Арриен прорубал нам выход. Наконец мне почудилось, будто дуновение живительного воздуха прошло по щеке, но в этот миг мое внимание отвлекло движение на стене.

Я поймала проползавшего жука так же, как это сделал Арриен, — схватила за бока и перевернула брюшком вверх. Если в руке защитника тварюшка паниковала и активно работала жвалами, стараясь цапнуть и вырваться, то в моих пальцах лишь пыталась вывернуться, вероятно решив, будто где-то застряла.

Я оглянулась на мужчину, прорубавшего подобия ступенек в песчаном столбе. Защитник достиг самого верха и уже расчистил песчаную крышку, которую оставалось только пробить. Хотелось отругать себя последними словами, поскольку было безумно стыдно от того, как я задумала поступить. Однако, снова представив низкий убегающий в темноту тоннель и Арриена, идущего по нему до конца, я решилась. Когда послышался треск и песок зашуршал, ссыпаясь вниз, я быстро засунула жука под легкую ткань светлых брюк. Не ожидавший предательства защитник безмолвно вздрогнул, а от страха

укусившая его мелкая тварь выкатилась из-под штанины и упала на пол. Я поспешила отойти назад и спрятаться за стеной, под ее прикрытием торопливо отступая в темноту.

Может быть, Арриен спускался обратно по ступеням, может, оглядывал пещеру, пытаюсь понять, что это за место и почему он в нем очутился, только меня, как я и надеялась, он не искал и тем более не преследовал. Позади не раздавались шаги, не слышался окликающий знакомый голос. Яд монстра, с виду напоминавшего безобидное насекомое, и правда оказался способен стереть ненужные воспоминания. Ненужные, поскольку в них фигурировали я и мое спасение.

* * *

Арриен видел с высоты пустынный пейзаж, оранжевые дюны и застывшие волны песка. Он пытался определить направление, в котором следовало лететь, когда заметил нечто, заставившее его свернуть влево.

Повозка остановилась рядом с некой бесформенной грудой, частично занесенной песком. Сидевшие в транспорте люди рассматривали остов деревянной мачты, выглядывавшей наружу, словно блеклый полинявший флаг. Они были так увлечены обсуждениями и спорами, что не заметили его, зато защитник мог расслышать их разговор:

– Похоже, лодка застряла в ловушке. Едва ли докопаемся до дна. Песок завалил все.

– Хотя бы тело достать.

– Не глупи, там едва ли что-то осталось от тела. Можно подумать, монстры дремлют.

– Нужно понять, как это случилось.

– Слушай, парень, ты здесь без пяти минут доброволец, а я в пустынях не меньше года провел. Могу рассказать, как случилось. Девчонка не справилась с управлением, лодку перевернуло. Подругу вашу затянуло в нору, а сверху затащило и транспорт. Видишь, как его переломало.

– Все равно нужно откопать.

– Попробуй. Сперва сутки будешь копать до дна, поскольку песок продолжит сыпаться сверху, а внизу, кроме песка, ничего не найдешь. Если покинешь повозку, не зная точного расположения ловушек в этой части пустыни, с легкостью угодишь в одну из них. Только транспорт и помогает нам перемещаться относительно безопасно.

Арриен застыл в воздухе, пытаясь понять, кто эти люди. Ногу нещадно жгло, но как он ни пытался рассмотреть, кроме легкого покраснения не увидел ничего, что могло бы вызывать такую тянущую боль в щиколотке. С момента, как он очнулся в совершенно непонятном месте, наполовину высунувшись из песка, ощущая под ногами неровные ступени, видя внизу песчаный мешок, а вверху бескрайние оранжевые просторы, защитник пытался осознать, что делает в столь странном месте.

– Если вы хороший следопыт, расскажите заодно, что произошло с Арриеном, – заговорила темноволосая девушка, в чьем голосе отчетливо слышались слезы, – если Зоя погибла, то его не должно было затянуть вместе с ней, однако путь, указанный флажками, здесь обрывается.

– Наверняка он уже в Альберге. Увидел эту картину и направился обратно.

– Он бы прислал вестника, вам не кажется? – в тоне девушки проскользнули истеричные нотки.

Защитник медленно опустился на песок за спинами занимавшихся исследованием людей и, не зная, как именно к ним обратиться, просто позвал: «Эй!»

С десятков лиц резко обернулось к нему.

– Арриен! – Этот крик прозвучал громче всех. Темноволосая девушка перемахнула через борт телеги и повисла на его шее, сжимая крепко-крепко. По и без того натянутым нервам ударили чужие чувства, смесь страха и облегчения. Защитник машинально закрылся эмоциональным щитом, после чего остались лишь отголоски ощущений.

– Ты живой! – твердила она, в то время как остальные его радостно приветствовали. Девушка обняла еще крепче, уткнувшись лицом в плечо. – Ты отыскал Зоину лодку и ждал нас здесь? Обломки – вот и все, что осталось. – Она всхлипнула. – Ненавижу пустыни!

Когда остались позади светящиеся стены, пространством снова завладела непроглядная темень. Я шла вслепую, то и дело нащупывая дорогу ногой – нет ли впереди ям или обрывов. Иногда по бокам раздавались шорохи, словно прошелестит что-то по стене, или же гулкий звук донесет нечто вроде эха, вероятно от очередного бокового перехода, невидимого для моих глаз. Раз что-то затопало прямо позади, и я резко подалась в сторону, пропуская невидимое нечто, ощутив лишь шлейф гниющей вони. И ничего так не хотелось в тот момент, как вернуться под надежное крыло защитника или просто упасть на земляной пол и сжаться в дрожащий испуганный комочек. Тогда я вновь начинала перечислять в уме все подвижные на этот поход причины и снова заставляла себя осторожно шагать дальше.

Прошла я немало. Я поняла это по тому, как сильно устала, – время совершенно не ощущалось в месте, где не было ни проблеска света. Ужасно хотелось есть и пить, но больше все-таки пить. В горле было сухо, как в жаркой пустыне наверху. Моя собственная поклажа сгнула вместе с лодкой, а сделать привал и заглянуть в вещмешок, переданный Арриеном, пока он занимался расчисткой выхода, я не решалась из опасения, что не сумею вновь подняться и продолжить путь. Времени оставалось все меньше. В конце концов яд в крови защитника сгорит, и он вспомнит обо мне. К тому моменту следует достичь хоть какой-то цели, узнать хоть что-то важное, а после рассказать ему.

Признаюсь, в определенный момент мне начало казаться, будто тоннель ведет в никуда. Он представлялся бесконечным, протянувшимся вокруг всей земли, включая другие страны. Ведь я уже должна была добраться до гор, все же большую часть дороги я преодолела на летающей лодке. Из-за слишком ли спертых воздуха, усталости ли, изматывающих душу страхов и гнетущей атмосферы, но накатившее отупение не сразу позволило распознать, когда тоннель начал расширяться. Видеть я по-прежнему не видела, однако, в очередной раз вытянув руку, не смогла коснуться стены. Вокруг было тихо, никаких новых шорохов, а потому я изменила направление и сместилась вбок. Я насчитала шагов пять, прежде чем уперлась плечом в стену. А как только прислонилась к ней, не сумела отстраниться.

Кое-как не упустив из подрагивающих рук стянутый с плеч мешок, я запустила в него ладонь и нащупала флягу. Крышку

открыла тоже не с первого раза, зато первый глоток оказался настолько живительным, что я невольно закрыла глаза, наслаждаясь вкусом чистой воды.

Новый шум заставил вздрогнуть. Словно что-то металлическое покатилося по полу где-то впереди. Это помогло пересилить себя и слабость собственного тела. Фляга отправилась обратно в мешок.

Когда я пошла дальше, стена начала отдаляться. Сперва я касалась ее локтем, затем пальцами, а потом и вовсе, даже вытянув руку, не смогла дотянуться. Значит, место, в котором оказалась, становилось все шире и шире.

А потом пространство словно распахнулось передо мной, и я оказалась на границе огромной пещеры. Здесь ощущалось дуновение ветра, и свежий воздух показался таким же сладким, как и вода, которую я недавно пила. Где-то стены фосфоресцировали, где-то были покрыты вкраплениями светящихся прожилок, но бóльшая часть тонула во тьме. Окажись я внутри сразу после слепящего жаркого солнца, не разглядела бы ничего, но сейчас мне казалось, будто света хватает. По крайней мере, чудовищ я видела. Много. Они ползали по стенам, свисали с потолка, прятались в каменных норах, оставив снаружи длинные хвосты. Особенно большое количество собралось вокруг некоего объекта, плохо различимого из-за мельтешащих тел.

Вот опять коснулся слуха глухой металлический звук, а монстры зарычали и слегка подались назад, открыв взгляду часть конструкции, возле которой нарезали круги. Мне показалось, я вижу верхние концы решетки, упирающейся в камень. А затем я услышала шаги – или это просто начались галлюцинации. В детстве подобное случалось какое-то время после «чудесного» спасения из пустынь. Мне иногда представлялись отчетливые образы того, чего в реальности не было.

Но шорох шагов повторился. Это определенно было шарканье ног – сложно спутать его с чем-то еще, особенно когда долгое время слышишь лишь топот, шорох, писк, поскрипывание и скрежет.

Я не сразу увидела того, кто издавал этот звук, а лишь когда кишащие в одном месте чудовища отхлынули в разные стороны.

И это был настоящий шок.

– Его укусил временщик. – Эсташ закончил накладывать повязку и передал Марионе коробку с бинтами.

Арриен ощутил, как ноге стремительно становится легче, а жжение сменяется легким зудом.

– Кто такой временщик? – Ирэн в отчаянии смотрела на не узнающего ее защитника. Будь ее воля и имей она столько сил, выжгла бы напрочь дурацкую пустыню, вплоть до камня, лежащего под ее песками.

– Разновидность монстров, чей яд оказывает влияние на мозг, – пояснил Эсташ, наблюдая, как жена относит коробку. Когда Маришка вернулась к постели Арриена, энсар неожиданно притянул девушку к себе и крепко обнял. Ирэн воззрилась на них с таким выражением лица, словно на глазах только что рухнули непоколебимые башни Царима. Что это? Проявление чувств от защитника, от высшего вечно невозмутимого создания по отношению к дочери рудокопа? Она ведь не выдаст ему новых рудников! А Трен не мог оказаться прав. Все знают, защитники любить не умеют. Они не способны на чувства, поскольку ей, Ирэн, вечно твердили именно об этом!

– Арриен совсем ничего не помнит! – проговорила Мариона, прислонившись головой к груди мужа.

– Память не стирается, блокируется лишь механизм извлечения воспоминаний. Это временно. – Эсташ обратился к брату: – Как себя чувствуешь?

– Почти не жжет, – Арриен потер ногу поверх повязки, – а в целом мерзкое ощущение. Не могу сориентироваться и понять, что происходит.

Эсташ крепче сжал объятия, интуитивно и мягко воздействуя на чувства жены в попытке рассеять ее грусть.

– Неясно, как ты подставился? – нахмурился он.

– Пойму, когда вспомню, – ответил брат. – Долго еще?

– Могу погрузить тебя в сон, тогда ничто не будет мешать защитному механизму бороться с ядом.

– Сон? – Арриен потер лоб и оглядел встревоженные лица окруживших его людей. Не то чтобы он ощущал себя потерянным или уязвимым, но непонимание ситуации в целом рождало беспокойство внутри. Разум не давал отгадок, зато ощущения подсказывали достаточно четко. Например, со светловолосым мужчиной,

занимавшимся раной, было свободно и легко, он ощущался родным, как и темноволосая девушка в его объятиях, с нежной улыбкой и красивыми встревоженными глазами. Они определенно были близки Арриену, рождая в душе желание ограждать и защищать. Другая девушка, находившаяся под просторным светлым тентом, не вызывала никаких особенных чувств и ассоциаций, хотя еще там, в лодке, назвалась его невестой, объяснив смысл этого понятия. В целом такое же ровное спокойное ощущение без лишних эмоций существовало по отношению ко всем, кого он успел встретить с момента, как летел в воздухе над оранжевыми песками. Рефлексы срабатывали сами собой, за спиной раскрывались крылья, по коже струился огонь или же гас, когда рядом оказывались люди. Арриен знал, как взять протянутую ему фляжку и отпить из нее воды, чувствовал смысл таких, вероятно очень привычных, вещей, как сон, и понимал сказанное другими, понимал на уровне ощущений. Однако уснувший мозг по-прежнему не давал ему покоя. Беспокойство. Еще одно чувство, рожденное скрытыми воспоминаниями.

– Жаль Зою, – сказала вдруг девушка, которую нежно обнимал его брат, – если ты не принес ее, а поисковый отряд нашел лишь обломки лодки... – она вздохнула и уткнулась лицом в грудь Эсташа.

– Зоя, – повторил Арриен, ощутив, как беспокойство усилилось. В тревоге он посмотрел на брата. – Погрузи меня в сон. Кажется, я должен что-то вспомнить.

Глава 11

Так трудно мне никогда еще не было. Сдержаться и не кинуться вперед, к клетке, казалось непосильной задачей. Удерживало лишь ощущение, что все происходящее – полный бред. Когда чудовища отхлынули в стороны, первым я увидела ариса Нейтона. Истощенного, не похожего на себя, но именно его. Он сидел на каменном полу и изредка поднимал металлическую миску, чтобы провести ею по прутьям. И даже не сразу заметил, что чудовища уже отступили, давая дорогу еще одному человеку.

Очень странный, почти такой же худой, как арис Нейтон, он при этом не выглядел истощенным. Он двигался легко, быстро, суставы ходили точно шарнирные. Вот он под совершенно невероятным углом изогнул шею, подбираясь ближе к учителю.

– Это тебе, – его голос звучал как скрип несмазанных ржавых деталей, вызывая желание заткнуть уши. – Вода, ты хочешь воды?

– Убери, – арис отмахнулся миской, стукнув ею по решетке.

– Ты же хочешь пить?

– Хочу.

– Вот вода.

– Это отрава! Ты поишь меня ею уже долго.

– Это вода. Хорошая, холодная вода.

– Отрава!

– Ты живой, – проскрипел человек, если он был человеком. И если сначала мне показалось, что чудовища точно так же не воспринимают его, как и меня, то теперь я поняла – они его замечают. Отскакивают, стоит ему махнуть рукой, убираются с пути, если он вдруг меняет направление. Как сейчас, когда существо бросило на пол помятую металлическую флягу.

– Жажда будет мучить, – сказала оно, – выпьешь потом.

И существо отошло от решетки – мне было видно, как оно передвигается, по тому, куда перемещались чудовища. Стало тихо. Существо исчезло – может, ушло в глубь пещеры или в один из проходов с другой стороны. Я решила рискнуть. Когда монстры снова окружили решетку, я осторожно двинулась вдоль стены, потихоньку

подбираясь ближе. Оказавшись совсем близко, я протиснулась между стеной и камнем в узкое пространство, прижавшись к клетке, где находился арис Нейтон. Тот по-прежнему сидел на полу, а монстры столпились на одном месте, поближе к желанной, но недостижимой добыче.

– Арис, – я позвала негромко, – арис.

Он поднял голову, посмотрел по ту сторону решетки на мельтешащих существ, затем снова опустил.

– Арис, это я, Зоя, я здесь, оглянитесь.

Он очень медленно повернул голову, а потом так резко рванулся ко мне, что я инстинктивно дернулась и приложилась спиной о камень.

– Зоя?

– Это я, арис.

– Зоя, у тебя есть вода?

– Да, учитель, да. И еда тоже есть.

– Воды, только воды.

Я быстро сунула руку в рюкзак и вытащила флягу, открыла ее и протянула сквозь решетку. Нейтон так резко выхватил ее из моих рук, что даже умудрился царапнуть по коже на удивление длинным ногтем. Он жадно принялся к горлышку и принялся быстро глотать, пока не осушил флягу до дна, продолжая глотать, даже когда вода уже закончилась.

Чудовища, заметившие его передвижение, потянулись к нашей стороне решетки – меня закрывал от них только камень. Впрочем, на него тоже вскочил один из монстров, его длинный хвост отбил каменную крошку, которая задела мою руку и щеку. Нейтон быстро пополз к решетке с другой стороны, вынудив чудовищ снова переместиться.

Учитель схватил лежащую на полу жестяную миску и с неприятным скрежещущим звуком провел ею по прутьям, и чудовища чуть подались назад.

– Арис, как мне открыть эту решетку? – Я пыталась найти хоть какое-то подобие дверцы среди металлических высоких прутьев, упирающихся прямо в нависающую часть скалы, но не видела и намека.

– Выхода нет. Он просто раздвигает эти прутья, если требуется, и сдвигает обратно.

– В каком смысле раздвигает?

– Он очень сильный.

– Арис, – я сжала ладонями металлические штыри.

– Зоя, а почему ты ничем не пахнешь? – он повернул голову, странно, как-то по-звериному принюхиваясь. – Я тебя вижу, но запаха совсем нет.

Он удивленно поводит головой из стороны в сторону.

– Арис, кто это существо, которое держит вас здесь? Можно на него повлиять, можно хоть что-то сделать? – В отчаянии я тихо добавила: – Я была уверена, что вы погибли.

– Мы были знакомы. – Нейтон уселся на холодный пол, перестав обращать внимание на чудовищ, которые вновь приблизились вплотную к клетке и тянули лапы, хвосты, головы сквозь прутья, но никак не могли достать добычу. – Переписывались. Это благодаря ему я загорелся идеей поехать в пустыни. Он был одним из исследователей, а потом вдруг исчез. Ни писем, ни иной весточки. Только молчание. Уже после из Альберги пришел ответ, что он пропал.

– Он ученый? Проводил эксперименты?

– Исследователь. Исследовал останки чудовищ. Знаешь, если удастся взять маленькую часть, вроде когтя, зуба или чешуи, то она не рассыплется и не обратится в пепел. В последнем письме он писал, что продвинулся в исследованиях и скоро поделится результатами со мной. И все. А затем я встретил его здесь, когда очнулся за решеткой, а он стоял среди чудовищ. Не понимаю, что произошло, Зоя, но он травит меня. Дает воду, после которой мне ужасно плохо. Внутренности жжет и скручивает. Еще я стал хорошо различать запахи. Знаешь, сколько вокруг разных запахов?

Он резко вскинул голову и вдруг перевалился на четвереньки, быстро пополз ко мне и шумно втянул носом воздух.

– А ты не пахнешь.

– Арис?

Он принялся обнюхивать мои пальцы, а затем вдруг крепко схватил за запястье и втянул руку за решетку, обнюхивая маленькую царапину, оставшуюся от его ногтя.

– Арис Нейтон, – я попробовала забрать руку, а в следующий миг учитель слизнул кровь, запекшуюся ниже царапины. С тихим возгласом я все же вырвала у него ладонь.

– И у крови вкуса нет, – задумчиво причмокивая, произнес Нейтон. – Дай распробовать?

Я подалась прочь от решетки и опять втиснулась между камнями. Чудовища снова стали подбираться ближе, а одна когтистая лапа даже дотянулась и полоснула ариса по колену. Он зашипел в ответ. Проступившая кровь пропитала грязные штаны, уже мало напоминавшие форму, в которой Нейтон прибыл в пустыни, и чудища будто сошли с ума. Они принялись бесноваться, прыгать и скакать, виснуть на клетке, шипеть и рыть когтями землю. Резкий свистящий звук заставил их податься прочь.

– Кыш, – то существо вернулось. Я увидела, как оно шаркает из темноты, скрывающей проход. – Он мой, не трогать!

Я затаилась, максимально втянув голову в плечи и переводя взгляд с приближающейся фигуры на скрючившегося на полу Нейтона.

* * *

Арриен распахнул глаза и резко сел на кушетке.

– Эсташ! – позвал он.

Энсгар не заставил себя долго звать, будто уже ждал его пробуждения. Он почти тотчас заглянул в палатку.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально, – ответил защитник и быстро добавил: – Это была Зоя, она посадила временщика мне на ногу, чтобы тот укусил.

Энсгар не стал удивляться или переспрашивать, он молча ждал продолжения.

– Мы нашли длинный тоннель под песком, в нем сходятся выходящие на поверхность ловушки, а стены скреплены слюной чудовищ. И Зоя собиралась отправиться дальше одна. Придумала способ избавиться от меня, чтобы не помешал.

– Предприимчиво, – заметил энсгар.

– Да. Ловко обвела вокруг пальца, – поморщился Арриен.

– Все ловушки сходятся в одном тоннеле?

– Вероятно. Я увидел две из них, но принадлежащие разным монстрам. И там же обнаружил нору временщиков.

– Меня изрядно беспокоила эта пропажа людей в последнее время, – Эташ сложил на груди руки, – я проводил поиски вокруг лагеря, на старой дороге, в местах, где исчезали люди.

– Их невозможно найти с поверхности. Проходы сразу запечатываются песком. Но в один такой угодила лодка Зои, и по счастливой случайности мы обнаружили тоннель. Крупно повезло угодить в ловушку и выбраться из нее.

– Везение, – усмехнулся Эташ, – случайное и счастливое стечение обстоятельств. У него определенно есть имя.

– Маришка, – с нежностью произнес Арриен.

– Выпей это, – брат протянул ему флягу, отпив из которой защитник ощутил лишь слабый привкус озона. – Обеззараживает, – пояснил Эташ.

– Отправляемся? – спросил Арриен.

– Через пять минут.

Страшно было даже приподнять голову, чтобы попытаться получше разглядеть незнакомца, которого совершенно закрыли мельтешащие тела чудовищ. Я старалась не шевелиться и когда по ноге прошуршал чей-то хвост, покаябав наростами мягкую кожу ботинка. Того странного существа не было видно, хотя и хотелось понять, насколько оно действительно напоминало человека.

– Кто это здесь? – Желание исполнилось неожиданно быстро – меня резко вздернули за шкурку вверх. Ноги беспомощно болтались в воздухе, а руки были заняты бесполезным мешком, который я отчаянно прижимала к груди.

Я недооценила неизвестное существо. Оно же умудрилось углядеть меня в расщелине между валунами. Я упустила из виду, что невидима я только для чудовищ, а значит, это подобие человека могло меня видеть.

Подобие, но точно нечто другое. Таких пустых глаз я прежде не видела, столь отвратительного голоса – не слышала. Он вызывал омерзение и ужас, хотелось зажать уши, хотелось отклониться и вывернуться из захвата, когда чудовище принялось принюхиваться. Ему не составляло труда держать меня за шкурку, точно котенка, и изучать.

– Человек? – уточнил он и наконец поставил на ноги. – Нет запаха.

Я рванулась, ткань затрещала, но не порвалась, а хватка существа стала крепче. Он опять принялся.

– Эй, – позвал он Нейтона, неподвижно сидевшего на корточках с опущенной головой, – ты говорил с ней. Это кто?

Я сжалась сильнее и снова беспомощно затрепыхалась, удерживаемая точно на крючке. Разговоры, вот что меня выдавало. Слух у монстра оказался намного острее, но, в отличие от чудовищ, он меня не игнорировал. Я была невидима лишь для них, а он слышал и увидел.

Нейтон поднял голову. В глазах его не отражалось практически никаких чувств, как и в голосе.

– Моя ученица, – ответил он и снова повесил голову.

Монстр-человек еще раз внимательно меня оглядел, пока я рассматривала его. Очень тощее тело, впалые щеки, глазницы, в глубине которых поблескивали черные глаза, сальные длинные волосы непонятного оттенка, остатки какой-то одежды, мало напоминавшей даже пустынный костюм. А еще длинные когти и резцы, выступающие на верхней и нижней челюсти.

– Ученица, – повторил он и снова принялся, приблизив нос к порезу, оставленному Нейтоном. Я опять дернулась что было сил, и чудовище вдруг резко меня отпустило, перехватив за руку. Оно так крепко сдавило запястье, что захрустели кости, а на глазах выступили слезы. Существо лизнуло порез, я же не смогла подавить крик. Ощущение было такое, будто волна лавы прошла по руке, плавя кожу и кости.

– Нет вкуса.

Когда оно выпустило руку, первое мгновение сил у меня оставалось лишь чтобы сжаться на земле, тихо всхлипывая. Казалось, рука того и гляди начнет отставать от тела. В это время чудовище, за действиями которого было очень сложно уследить, снова отогнало прыгающих вокруг клетки монстров, раздвинуло прутья и протащило меня по земле, зашвырнув в ловушку к Нейтону. И он снова закрыл решетку.

Слышно было шарканье ног с длинными когтями, а потом монстр-человек снова исчез. Я осталась лежать на полу, подтянув к груди

колени и крепко обхватив их ладонями. Голова кружилась, а в горле стало нещадно печь. И жажда росла и росла с каждым мигом. Взгляд то и дело останавливался на помятой фляге, брошенной чудовищем Нейтону. В какой-то момент я даже потянулась к ней, но отдернула руку, отчаянно отыскивая на полу мешок. Он остался лежать за решеткой, и до него было не дотянуться. Вдруг вспомнилось, что всю воду из моей фляжки выпил арис Нейтон.

— Я хочу пить, — жалобно прошептала я учителю, а тот, неподвижный все это время, не отреагировавший даже на мое появление в клетке, поднял голову.

— Зоя?

— Я хочу пить, арис.

— Это не вода, отрава, — проговорил он равнодушным голосом. Тех эмоций, замеченных при нашей встрече, когда он жадно кинулся к протянутой бутылке, арис более не демонстрировал. Даже не водил миской по прутьям, отгоняя чудовищ. — От нее плохо.

— И этот подышает, — раздался голос-шелест, от которого я вздрогнула и судорожно дернулась. Монстр снова стоял за клеткой, переместившись незаметно и быстро, — вседохнут.

— Что ты делаешь с нами? — прошептала я. Мысли становилось сложно отслеживать, как и формулировать в голове простейшие вопросы.

— Создаю помощника. Я сумел таким стать, значит, и они могут. А онидохнут.

— Кто ты такой?

— Я повелитель, — мне показалось, что чудовище улыбнулось, хотя удовлетворенный оскал лишь отдаленно напоминал человеческую улыбку. — Они все меня слушаются. Я сильный и быстрый. Стал таким после нападения. Чудовище хотело съесть меня, у него были длинные когти, которые царапали кожу, тонкая шея и длинный язык, которым он слизывал мою кровь, а когда его шея оказалась рядом, я укусил. Кровь — это то, что нужно. Но я добавлял ее в воду по капле, а тебе дам много. Пей, в ней моя кровь. Станешь такой, как я, и обретешь способности, — он ткнул в меня длинным когтем и показал металлическую бутылку, встряхнув так, чтобы был слышен плеск воды.

— Зачем много? — невольно сглотнув, спросила я.

— Им давал мало, онидохли.

– А я непременно стану такой, как ты?

– Или тоже подохнешь, – ответил он равнодушно.

Крепче обняв колени, я зажмурилась. Голова кружилась, тело немело. Даже скрип раздвигаемых прутьев не заставил меня снова открыть глаза.

– Пей воду, – голос-шелест прозвучал совсем близко. Он прижал бутылку к моим губам. Жажда была совершенно невыносимой, но я все равно сделала попытку отвернуться, однако влага уже потекла по губам. В какой-то миг я осознала, что жадно глотаю странную на вкус жидкость, а когда бутылка опустела, чудовище выпустило меня. И, как говорил Нейтон, жидкость оказалась отравой, от нее скрутило живот, совершенно помутился разум, словно сорвался в темный-темный колодец. Только мысль мелькнула: «Суметь бы выбраться отсюда». Не помню, что происходило дальше.

Беспамятство не продлилось долго – ровно до момента, когда боль отпустила. Я огляделась. Арис Нейтон уже не сидел на корточках с поникшей головой, а лежал на земле, подтянув к груди колени. Чудовище стояло над ним, изучая с отстраненным интересом, потом вдруг наклонилось, схватило учителя под мышки и потащило к решетке.

– Куда? – Я метнулась вперед быстрее, чем сама ожидала – в теле вдруг появилась удивительная гибкость, – и ухватила Нейтона за ноги, не давая протащить дальше.

– Это уже еда. Мои подданные ждут, – ответил человек-монстр.

Чудовища по ту сторону клетки и правда бесновались вовсю. Прыгали, завывали, скрежетали. Видимо, не впервые им отдавали неудачную жертву эксперимента.

– Он еще жив! – я крепче вцепилась пальцами в щиколотки учителя.

– Свежая еда вкуснее, – монстр облизнулся. – Им пир, а мне эмоции. Эмоции делают меня сильнее. Много эмоций, много пищи, много силы.

Он говорил, коряво складывая слова, но общий ужасающий смысл от этого не менялся.

– Я стал сильным, а они стали слушаться, но их много, надо много сил, чтобы управлять. Или помощник. У каждого вида свои

способности. Ты тоже вид и сможешь делать новое, если не сдохнешь.

Он дернул Нейтона сильнее, точно тряпичную куклу, а я, на удивление, не упустила.

– Это уже еда, – повторил самопровозглашенный повелитель, затем отпустил подмышки Нейтона и принялся раздвигать прутья, я же рванулась выше и вцепилась Нейтону в плечи, прикрывая собой. Новые способности? Новые силы? В обмен на жизнь среди чудовищ в каменном мешке? И его это устраивает?

Монстр отпустил решетку, за которой терпеливо дожидались собравшиеся «питомцы».

– Нет! – крикнула я, когда он снова повернулся к нам. – Не смей!

Я еще крепче обхватила Нейтона, и в этот момент в желудке закрутилась стремительная спираль, в одно мгновение поглотила тело, разрослась, обвила неподвижного учителя, а пол стал вязким, как болото, и нас тотчас же затянуло в него, как прежде меня в песчаную ловушку. Камень схлопнулся над головой, перед глазами предстала стремительно удлиняющаяся черная нора, и будто сам воздух толкнул меня вперед, свистя в ушах и хлеща по лицу. А затем в глаза ударил поток света, нора вдруг закончилась, и нас вытолкнуло на поверхность. Меня окутали зной и духота. Я судорожно втянула воздух, сморгнула набежавшие от ослепительного солнца слезы и запрокинула голову, высматривая чудовище.

Но его не было. Кругом расстилались пески, а неподалеку высились знакомая ограда и ворота Альберги. Я потерла пальцами веки. Моргнула раз, другой. Снова подняла глаза, глядя в небо над головой. Там в синеве парили две огненные фигуры, и они резко развернулись в вышине и сменили направление, стремительно приближаясь.

– Расскажи, пожалуйста, еще раз. – Мариона сидела напротив, удерживая в ладонях мои дрожащие руки, чтобы я не выронила чашку с успокаивающим настоем. Она несколько раз поднимала ее выше, чтобы я могла сделать глоток, но от волнения даже не ощущался вкус. Это все снова напоминало бред, и в голове царил хаос.

– Давай начнем с подземелья. Ты пошла одна вперед, а чудовища тебя не замечали?

– Нет.

– Но ты их слышала?

– Да. Где арис Нейтон?

– Эсташ позаботится о нем. Зоя, он сделает все возможное и невозможное, поверь мне.

Я огляделась. В палатке было тихо и пусто. Только мы двое.

– Чудовища тебя не видят. Это удивительная способность. Может, она перешла по наследству?

– Нет. Они раньше замечали. Один бросился прямо на меня, но ему помешал защитник. Я стала невидимкой позже.

– Почему?

– Не знаю. Очень хотелось стать. Мироздание услышало молитвы?

– Молитвы? – девушка вздрогнула и подалась чуть ближе. – А как ты желала?

– Что?

– Так, ничего, – она вымученно улыбнулась и быстро подняла мои ладони, заставляя сделать еще один глоток.

– А сейчас, – продолжила расспрашивать Мариона, глядя с непонятной надеждой в глазах, – что произошло в пещере, где ты нашла своего учителя?

– Ну, монстр обещал новые способности и поил своей кровью.

– Поил кровью... – Ее передернуло, но она снова задала странный вопрос: – А ты желала чего-нибудь?

– Чего-нибудь? – я усмехнулась, ощущая странное раздражение. – Конечно, желала! Я хотела выбраться оттуда, только и всего.

Оттолкнув руки девушки с чашкой, я отсела подальше, пытаюсь побороть непонятно откуда взявшееся недовольство, постепенно вырастающее в гнев.

– Хватит уже расспросов! Не хочу отвечать.

Я нетерпеливо передернула плечами, ощущая противный зуд под кожей, почесала плечо и тут же отдернула ладонь, раскарябав кожу под рубашкой на удивление быстро отросшими ногтями. В изумлении я уставилась на них, поворачивая ладонь под разным углом. Мариона же, чей пристальный взгляд серьезно нервировал, сделала поистине отличную вещь – поднялась и пошла ко входу в шатер.

– Знаешь, отдохни немного, – прозвучало очень громко, отчего я поморщилась, а слух тут же притушил тон чужого голоса, сделав его

более удобным для восприятия. – Есть хочешь?

– Мясо, – я почесала шею, – и не жарьте его.

– В смысле? Принести сырого мяса?

– Ну конечно же, сырого. Ты на удивление непонятлива сегодня.

– Ясно.

Она поспешно скрылась за пологом, а я раздраженно цокнула языком. Могла бы и сразу принести, когда заявила со своим дурацким настоем.

* * *

В Альберге был приемный покой, палатка для тех больных, кому требовалось восстановиться после лечения, а кроме них – тент, где энсгар с помощниками проводили операции или работали над особо тяжелыми случаями. Арис Нейтон попадал как раз в эту категорию. И когда Мариона заглянула внутрь, предварительно надев халат и укрыв повязкой лицо, Эсташ стоял над неподвижным больным, а выражение глаз было непривычно суровым.

– Как продвигается? – шепнула Маришка эниту Бариору, замершему у входа.

– Мне велели уйти, – негромко ответил тот.

– Уйти? Значит, и меня выгонит, – вздохнула девушка.

– Сказал, что сам управится, – пожал плечами помощник и быстро удалился из палатки.

Мариона сперва постояла на пороге, но затем решила, что ее новость не может ждать и необходимо сообщить Эсташу обо всем не откладывая.

– Могу отвлечь тебя на минуту?

Защитник поднял глаза, усталым жестом стянул с лица хирургическую маску и приглашающе махнул рукой, отойдя от больного и усевшись на соседнюю кушетку.

Девушка присела рядом, посматривая на учителя, которого даже не имела возможности увидеть в тот единственный раз на песчаном холме, когда встретила остальных. Сравнить его облик было не с чем, но все же он навевал ощущение неправильности, чего-то нечеловеческого.

– Сложный случай даже для энсгара? – спросила она.

Муж безмолвно кивнул.

– Ведь ты способен излечить человека, когда это почти невозможно.

– Человека, – кивнул защитник. – Но ему я бы дал иное определение.

Мариона нахмурилась.

– В чем проблема его лечения?

– В инстинктах защитника, которые срабатывают обратным образом. Мне хочется не лечить его, а убить.

От удивления Маришка не сразу нашлась с ответом. Подобное заявление она слышала от Эсташа впервые. Нервно потерев косу, девушка принялась изучать Нейтона с большим вниманием, а защитник вытянул из ее ладоней пушистый кончик и сжал в руке тонкие пальцы. Присутствие Марионы действовало успокаивающе, и огонь, старательно подавляемый все последнее время, доверчиво скользнул по сцепленным ладоням, пробежавшись по нежной коже девушки и вычерчивая на ней свой ласковый узор.

– Знаешь о случаях, когда монстры отравляли человека и подчиняли тем самым своей воле?

Она кивнула.

– Они управляли его сознанием с помощью собственного яда. И спасением было быстро отыскать и извлечь ту частичку монстра, что проникла в тело. Но здесь иной случай. Яд внутри стал его частью. Отрава противится любой попытке излечить. А ощущение инородной сущности провоцирует меня и мой огонь ее уничтожить.

– Сразу избавиться от потенциальной опасности?

– Это практически то же самое, как если бы передо мной лежал на столе монстр, которого надо было бы вылечить.

– И для тебя невероятно сложно подавить инстинкты?

– Я говорю себе, что он частично человек, разум кое-как держит контроль. Но защитники созданы для борьбы с чудовищами, это заложено на более глубоком уровне, чем все разумные объяснения. Инстинкты срабатывают в первую очередь.

– И это ваша единственная слабость, – вздохнула девушка, вспомнив, как в свое время сыграл на инстинктах защитника Олайош.

– Они наш антипод, и мы созданы их убивать, а не щадить, – проговорил Эсташ, привлекая ее ближе и со вздохом утыкаясь лицом в пушистые волосы.

Мариона опустила глаза на их руки, рассматривая проступившие огненные узоры крыльев, а муж добавил:

– Никто из оставшихся монстров, несмотря на их численность, не обладает качествами наших истинных противников – высших. Их умом, расчетливостью, силой, равной силе защитников. Много веков никто не мог собрать чудовищ вместе и управлять их сознанием, точно единым организмом. И тем более обращать в чудовищ тех, кого мы должны защищать.

Молчание, последовавшее за его словами, было выразительнее любых слов и позволяло в полной мере осознать масштаб катастрофы, но гром грянул спустя еще несколько мгновений, когда Эсташ проговорил:

– Я хочу, чтобы ты уехала.

Мариона резко отстранилась от надежной груди, рядом с которой не страшны были все чудовища мира, и вскинула голову, ловя его взгляд, но защитник отвернулся.

– Ты улетишь с ближайшим аэростатом.

– Это приказ энсгара? – сдавленным голосом спросила девушка.

Она не видела судороги, прошедшей по его лицу, и не заметила, как участилось его дыхание, поглощенная собственной болью. Слышала только голос, ответивший привычно спокойно и невозмутимо. Голос, который никогда не повышался до крика и едва ли хоть раз звучал по отношению к ней столь безапелляционно.

– Да.

Мариона сморгнула набежавшие слезы и быстро отерла их свободной рукой.

– Как скажешь, – произнесла она, уже чувствуя ту опустошенность, которая накатывала всякий раз, когда Эсташа не было рядом. Ей понадобилось усилие, чтобы овладеть голосом и заставить его звучать как можно спокойнее:

– Я пришла сказать, что была в шатре у Зои и говорила с ней. Она рассказала не много, но сказанное навело меня на одну почти невероятную мысль, будто Зоя обладает способностями жрицы.

– Жрицы? – Эсташ резко вскинулся, а владевшая им усталость от бесплодных попыток излечить тут же растворилась в волне вновь полыхнувшего огня.

– Я сделала вывод, что ее способность быть незаметной для чудовищ – это последствие загаданного еще в детстве желания. А эти новые возможности, которые вернули ее в Альбергу, тоже итог дара и еще крови какого-то монстра, упомянутого в рассказе. Не знаю, о ком шла речь.

Маришка сделала попытку вывернуться из-под охватившей ее руки, чтобы снова взглянуть в лицо Эсташа, однако защитник не отпустил, мягко, но крепко удерживая на месте. Девушка понимала как никто другой, насколько глубоки могли быть чувства, скрывааемые за невозмутимой внешностью крылатых воинов, чей внутренний щит не уберегал их от эмоций в случаях поистине уникальных. А этот был самым уникальным.

– Жрица, – повторил энсар.

– Мне кажется, я послужила некой причиной... – смущенно проговорила Мариона.

– Причиной?

– Того, что Зоя встретила именно Арриену. Ведь если судьба сталкивает защитника и жрицу, а их путям суждено сойтись, то это могут быть любые люди. Однако я однажды пожелала, чтобы Риену попала подходящая девушка. Я не загадывала его жрицу, понимаешь, это слишком непредсказуемо и маловыполнимо, но просто ту, кто могла бы подойти. Он ведь очень сдержан, идеально контролирует эмоции, пускай и кажется более открытым.

– Зоя не знает, что способна влиять на действительность?

– Нет. Я побоялась объяснять ей сейчас. А она не умеет выстраивать загаданное правильно или управлять им осознанно. Еще я опасаясь, как бы наши с ней желания не пришли в резонанс, ведь теоретически жрицы должны действовать слаженно, а я прежде не встречала других.

– И защитники не встречали, – негромко произнес Эсташ, – очень долгое время.

– Я знаю. – Мариона крепко обняла мужа, а затем все же выскользнула из-под его руки и заглянула в глаза. – Мне привести ее? Вдруг мои выводы ошибочны? Стоит убедиться.

Энсгар бросил быстрый взгляд на Нейтона.

– Нет, – твердо проговорил. – От меня ни на шаг. Арриен ее приведет.

* * *

Вестник впорхнул в палатку и белым листком лег на ладонь защитника. Арриен прочел слова, выведенные каллиграфическим почерком брата, и недоуменно нахмурился. В самой просьбе привести Зою в операционный отсек не содержалось ничего необычного, но формулировки звучали словно намек на необходимость конвоя. Непредсказуемость девушки и ее из ряда вон выходящие поступки вполне оправдывали подобные меры, впрочем, как и защитные чары, наведенные на тент, из которого сама она не могла выйти, и не впускавшие внутрь посторонних (кроме, пожалуй, его да Марионы). Однако Арриен слишком хорошо знал Эсташа, чтобы ощутить нечто еще, пока не отраженное в записке.

Он отложил в сторону письмо из дома, в котором отец заверял, что дела в полном порядке и вполне терпят до возвращения главы рода, и поднялся.

Путь до тента, где находилась Зоя, занял не более нескольких минут. Арриен предусмотрительно постучал о деревянный шест у входа. Окликнул девушку по имени, а затем выждал немного и вошел внутрь.

Никто так до сих пор и не сподобился принести мне кусок сырого, истекающего кровью мяса. Раздражение росло пропорционально чувству голода, а тело продолжало зудеть. Я развлекала себя тем, что напрягала и ослабляла слух, пытаясь различать голоса за пределами палатки. Но явно наведенные вокруг чары создавали лишь безголосую пустоту, и пришлось переключиться на наблюдение за мошкой, бившейся под куполом тента. Мелкая, черная, она ударялась о белую ткань, ища выход наружу, и я некоторое время рассматривала ее прозрачные крылышки, пока вдруг не сообразила, что она высоко и такая микроскопическая, что сложно заметить. Уж точно не углядеть обычным человеческим зрением. Попятившись, я споткнулась о

кушетку, с которой до этого спрыгнула, и попыталась свыкнуться с новым открытием.

В этот момент наведенная тишина пропустила внутрь палатки посторонние звуки: стук и знакомый голос, окликнувший меня по имени. Я резко развернулась, пригибаясь к земле и выставляя перед собой руки в защитном жесте. О, этот голос не сулил мне ничего хорошего.

Защитник откинул полог и вошел.

Как все перевернулось внутри меня! Страх, ощущение жуткой и близкой опасности и проявившиеся во всей яркости желания человеческой сущности. Такой слабенькой, но по-прежнему являющейся частью меня.

Мы встретились взглядами. С моих губ сорвалось шипение, в его глазах полыхнул огонь, мигом переметнувшийся на лицо, волосы и кожу. Я пригнулась еще ниже, готовясь к стремительному рывку.

Броситься первой, чтобы предупредить удар, чтобы стереть это ощущение опасности. Вот что мне необходимо. Но человеческий разум будто опрокидывает в сознание ведро холодной воды. Я замечаю стремительное, почти неразличимое движение противника, хотя всего лишь качнулась вперед. В голове возникает осознание – силы неравны. Я его не одолею сейчас, не одолею таким образом. Слишком стремительный, слишком наблюдательный, каждое его движение отражает мое, словно даже впитывает легкую дрожь, пробежавшую по позвоночнику от понимания – так с ним не справиться. Он сильнее. Пока точно сильнее. И только силой разума удастся подчинить себе гибкие суставы и кости, усмирить восставшего внутреннего зверя и принять человеческую позу, а затем отступить. Испуганно попятиться, ведь это именно то, что поможет с ним – пока его глаза видят перед собой девушку, он не бросится первым, пускай чутье и ощущает иную сущность.

– Арриен, – я улыбнулась одними губами, наблюдая, как постепенно гаснет огонь на золотистой коже. О, он взял себя в руки. Это то, что защитникам удавалось превосходно – контролировать себя. Это то, что так сильно усложняло победу над ними. Бить надо в другое время, когда они теряют контроль, на стыке между проявлением инстинктов и утратой самообладания, в очень короткий момент.

– Арриен, – его имя приятно перекашивалось на языке, пока я искала в мужчине возможные слабости или хотя бы их отголосок в его глазах. Ведь реальность должна вызывать в нем диссонанс – девушка, которую он защищает, и монстр, от которого защищает.

Я повела плечом, меняя позу, и перекинула волосы со спины вперед, проследив за тем, как его глаза скользнули по рыжим локонам. А ведь это даже не родной цвет. Мой родной – оттенок пустынных песков. Столько времени я провела вдали от них, пряталась, не желала возвращаться, а все отчего? От человеческой глупости. Именно этим местам я принадлежала. Местам, где так легко затеряться, стать своей среди чудовищ.

– Зоя, – он тоже умел говорить бархатистым вкрадчивым тоном. Он протянул руку, словно опять предлагал помощь. С необходимой долей искренности, будто и правду поверил притворству.

Я снова улыбнулась. Почему бы нет? Почему бы не взять? А после выждать момент, когда он не будет идеально закрыт. Их треклятый щит. Ведь должны там быть уязвимые места, а мне нужны эмоции, много вкусных эмоций, потому что голод продолжает терзать, и сейчас особенно явно. Эмоции сытнее любого мяса, любой иной пищи.

Я приняла руку. Огня на коже больше не было, но нутром я чувствовала, что он представляет опасность и может вспыхнуть в любой миг. Подойдя ближе, я устроила вторую ладонь на его груди, скользнув ею вверх и поправив ворот рубашки. Даже разгладила пальцами, чуть задев кончиками отросших ногтей шею, прямо в том месте, где дернулась проступающая сквозь кожу голубая жилка. Ударилась всего на краткий незаметный миг. А потом он сумел выровнять ток собственной крови. Как много во враге достойного восхищения!

– Я даже успела соскучиться, – промурлыкала я, посматривая из-под ресниц.

– Это вряд ли, – усмехнулся защитник, рассматривая меня совершенно иначе, не так, как смотрел прежде, а словно изучая постороннее создание. Из-за этого взгляда что-то дрогнуло внутри, я тряхнула головой, а выражение его глаз неуловимо изменилось, став выжидающим или жаждущим, ищущим чего-то на моем лице. Или кого-то. Ту, которую он так упорно защищал прежде? Ту, что сейчас

вдруг резко дернулась внутри, перекрывая другое существо, внося сумятицу в столь прежде ясные мысли, особенно когда защитник крепче сжал мою руку и совсем другим тоном позвал: «Зоя». Я снова тряхнула головой, пытаясь избавиться от этой сумятицы, но, вероятно, начать следовало со сжимающей пальцы ладони – именно ее тепло вызывало смятение в голове и в груди.

– Идем со мной, – очень тихо, ласково, тоном, которому хотелось подчиниться, и с тем подкупающим выражением в глазах, которому хотелось поверить, позвал он. – Идем. Я не причиню тебе вреда. Я помогу.

Он очень осторожно, мягко, будто боясь спугнуть, потянул меня к выходу из шатра.

Глава 12

Мариона осторожно отстранилась от стены, ощущая, как быстро колотится сердце в груди. Они мирно разговаривали с Эсташем, обсуждали сложившуюся ситуацию, и вдруг с коротким пронзительным рычанием арис, а точнее, бывший арис Нейтон рванулся с кушетки в мгновенном броске.

Эсташ стоял к нему спиной, но разворота мужа Маришка не углядела, только смазанное движение и резкий выброс руки вбок. Ладонью он перехватил Нейтона в полете за горло и резко швырнул на кушетку. Сейчас защитник занимался тем, что крепче затягивал узлы, привязывая завывающего учителя к кровати.

– Плохо дело, – качнул головой энсгар, внимательно вглядываясь в глаза мычащего Нейтона.

– Ты говорил, он погибает?

– Погибает.

– А если лечить методом от противного? Его же опоили кровью чудовищ?

– Ты предлагаешь дать ему кровь защитников?

– Это плохая идея?

– В нашей крови огонь, который сжигает подобную заразу. И он может спалить его изнутри. – Энсгар вздохнул. – Могу не спасти, а убить. Его человеческая оболочка отторгает чудовище, и этот яд в крови хоть и изменил его, но оказался слишком грубым вторжением в организм. Нейтон истощен до крайности. Если влить в отравленное полуизмененное тело огонь защитника, он может умереть.

– Но как выжил тот, другой? Почему он остался? И Зоя? Что с ней будет?

– Мне нужно осмотреть ее, тогда смогу делать выводы. Полагаю, она уже изменилась. Это происходит быстро, яд проникает внутрь, а затем трансформация замедляется. Организм начинает отторгать и, по сути, гнить изнутри. И пока единственный пример выживания человека – это тот, о ком рассказала Зоя. Теперь важно найти среди общего то самое исключение, что позволило существу остаться. Зоя

говорила, оно обещало ей приобретение новых свойств благодаря его крови?

– Да. И так она переместилась к Альберге. Но что, если желание жрицы как-то повлияло на принятие организмом яда? Благодаря ему все произошло? Ее тело не стало бороться и отторгать?

– Главное, держись в стороне и под моим присмотром, когда Зоя появится здесь. Меня настораживают ее новые способности.

– Тебя настораживает умение создавать переход?

– Умение создавать его быстро и столь же быстро закрывать. Когда мы спустились, от него не осталось и следа. Монстры обычно прогрызают норы, но не с подобной скоростью. Полагаю также, если соотнести время ее появления с моментом, когда исследователи отыскивали лодку и Риена, то Зоя и Нейтон должны были очень быстро переместиться в этой норе. Это все напоминает способности высших.

Мариона ощутила, как засосало под ложечкой.

– Но она же еще человек?

– Не знаю, – честно ответил Эсташ. – У меня есть подозрение, что влиять на сознание монстров и организовывать их умеет именно тот, кто дал ей свою кровь.

– А если не человек? Ее нужно будет уничтожить?

Она ощутила невероятную тоску и боль в душе, представив, что защитникам придется собственными руками избавиться от жрицы. Словно наяву прочувствовала, каково им будет так поступить и каково придется ей самой.

– Ведь это я загадала, – прошептала Мариона. – Ради Арриена.

– Нет, – обернулся к ней Эсташ. – Это не последствия одного желания. Оно лишь послало встречу. Кажется, сама Зоя пожелала много...

Он вдруг оборвал себя на полуслове и обернулся к пологу. Мариона повернулась тоже и увидела, как откидывается в сторону плотная ткань, внутрь входит Арриен, заводя следом Зою.

Настороженность – недостаточно емкое слово, хотя внешне я, наверное, выглядела именно так. У меня сейчас потрясюще выходило оценивать все со стороны. Никаких лишних эмоций с момента, как защитник отпустил ладонь и остановился позади меня. Два врага – один за спиной, другой впереди. Одна жертва, до которой непросто

дотянуться, потому что второй истинный очень зорко следит за каждым моим движением, а его плечо закрывает девушку. Да, оба обманчиво расслаблены, говорят спокойно, неторопливо, не провоцируют. Однако я вижу привязанного к кушетке Нейтона, слышу его хриплые вздохи. Он умирает, но мне даже не жаль. Я ведь вытащила его, а у старика не хватило сил, значит, слабак, а слабым в любом случае не выжить.

– Зоя, – начинает говорить тот из братьев, что стоит лицом ко мне. Второй молчит, но его присутствие я осязаю каждой клеточкой тела. Хочу отступить подальше, но понимаю, это будет проявлением слабости, а они ее фиксируют так же четко, как и я. – Пожалуйста, расскажи нам в деталях, шаг за шагом, что произошло.

– Рассказать? – отвечаю я и слегка улыбаюсь, ловлю краем глаза, как передергивает плечами жертва, перевожу взгляд на нее. Обычно в такие моменты слабые пугаются, их страх осязаем, а эта расправляет плечи и хмурится. Жаль, значит, будет сопротивляться.

– Могу рассказать. – Но я хочу есть и считаю, что имею право торговаться. – Однако сперва нужно накормить.

Первый брат бросает быстрый взгляд мне за плечо, а спина уже вся зудит от ощущения защитника позади. Так нестерпимо хочется оглянуться, так сложно контролировать себя.

– Чего именно ты хочешь? – опять вкрадчивый голос. И мне интересно: а насколько им жаль эту тщедушную оболочку, в которой я теперь живу? Могу ли выторговать что-то еще?

– Мм, я хотела сырого мяса, но оно не утолит голод полностью. Мне нужны эмоции.

Почти осязаю, как обоих передергивает от услышанного, и хочется рассмеяться. Защитники! Как же сильно я их ненавижу. По их вине приходится постоянно испытывать голод.

– Мы дадим тебе что хочешь, а теперь расскажи.

Мм, пообещал. Ладно. Снова нестерпимо хочется улыбнуться. Представляю, как противно им торговаться с противоположной сущностью, знать бы точно, насколько ценна для них эта оболочка.

– Все началось с того исследователя, что работал здесь, в Альберге. Нейтон переписывался с ним... – приступила я к рассказу.

Эсташ слушал Зою и пытался собрать воедино детали. Она и правда рассказывала очень подробно. Сущности вообще отлично умели копировать людей. Их было сложно отличить. Таким образом, например, Нейтон подманил девушку в пещере, но оказалось, что жертва совершенно не имела вкуса. Энсгар продолжал слушать, и тут Зоя коснулась нападения на исследователя. И один момент зацепил защитника. Эсташ не стал акцентировать на нем внимание, ничем не выдал, что именно показалось ему самым значимым в рассказе, но моментально выделил условие, общее для двух совершенно разных людей. Дело было не в объеме крови, которую вливал в потенциальных помощников трансформировавшийся монстр, а в предшествующем им действии. В случае с Зоей и исследователем – в кровь обоих сперва попала слюна чудовищ. Означало ли это, что она стала катализатором реакции? Той единственной возможностью для выживания человеческого организма, его трансформации и приобретения качеств монстра? Похоже, это была та самая формула. Сперва яд поступил со слюной, подготовил тело, затем была влита кровь.

Энсгар перевел взгляд на брата, стоявшего за плечом девушки. Эсташ чувствовал и волнение Марионы, и превосходно сдерживаемую тревогу Арриена. Единственная жрица, знавшая о прошлом, знавшая о своих способностях, Маришка всегда переживала, чем обернутся ее желания, часто говорила о том, как сложно предугадать последствия и предусмотреть все варианты. Брат же пока не знал об их выводах, что, возможно, у Зои есть дар жрицы, но он волновался за эту девушку, даже когда всех позабыл. Для защитника это значило слишком много, особенно теперь, когда Зоя угодила в ловушку, а сущность внутри ее взяла под контроль разум.

И если в других случаях была возможность извлечь введенную в организм отраву, например кусочек ногтя, крошечный волосок, и уничтожить, то как быть с кровью, попавшей в кровь? Как извлечь безопасно, чтобы разум не пострадал, чтобы сущность не уничтожила его? Попробовать от обратного, провести тот же ритуал, но со стороны защитников?

Энсгар устремил взгляд на брата, посылая тому безмолвный знак, а Зоя как раз заканчивала свою речь.

– Ну как? Довольны? – спросила она. – Где обещанная плата? Меня устроят любые эмоции со стороны защитника: гнев, страх, ненависть, вожделение, боль. Кто из вас опустит свой щит?

Она снова улыбнулась этой улыбкой, вызывающей желание немедленно устранить потенциальную опасность. Жрица. Еще одна из потерянных уникальных созданий, еще одна, родившаяся с даром. И благо она не знала о нем, иначе страшно представить, что могла загадать управляющая сознанием сущность.

Эташ едва заметно кивнул Арриену и взял за руку Мариону, обходя Зою так, чтобы жена оставалась за его спиной, пока они не вышли из шатра. В кратчайший срок обоим предстояло приготовить нужный раствор.

В лагере было совсем тихо. Все неукоснительно соблюдали приказ энсгара на время приостановить исследования нового источника и оставаться в Альберге. Обитатели оазиса рассредоточились по палаткам, развлекаясь беседами, настольными играми или делами, которые обычно откладывали в долгий ящик. О возвращении Зои знали пока лишь оба защитника, наблюдавшие появление девушки, да Мариона, которая все это время молча следовала за ним.

Эташ обернулся к жене, а когда она продолжила машинально идти, опустив к земле глаза, обхватил ее рукой за плечи.

– Не переживай, – нежно проговорил он, когда она вскинула голову, – мы сделаем все, чтобы это исправить.

– Честно?

Эташ привлек жену к себе, крепко обняв и слушая, как она выдыхает, пряча лицо на его груди.

– У меня есть идея, мэйэлит. И нам понадобится кровь защитника.

– Ты говорил, она может убить.

– Зоя подсказала вариант, – ласково проведя ладонью по зардевшейся нежной щеке, ответил Эташ.

– Как интересно, нас оставили одних, – я плавно обернулась к Арриену. – Ну, почти одних, – кивнула на Нейтона. – Я заинтригована. Чем мы таким займемся?

– Разве не ты хотела эмоций? – Арриен сделал шаг ко мне. Пришлось отступить. Мне совсем не понравилось выражение его лица.

– Хотела. А тебе обязательно для этого приближаться?

– Гнев, страх, ненависть, вожделение, боль, – перечислил защитник мои слова, выделив интонацией слово «вожделение».

– Сделай себе больно, меня вполне устроит.

Он улыбнулся и снова подступил ближе.

– Меня не устроит. Ну же, Зоя, так и будешь пятиться?

Да, отступать от него не имело смысла. К тому же если защитник загонял в ловушку, то я тоже могла использовать против него знания из собственной памяти. Например, это следование определенным правилам чести, не позволяющее нарушить данное слово. А если подпустить мужчину ближе, появится шанс вонзить когти в уязвимую шею или не прикрытую братцем спину. Разве не самый подходящий момент для этого?

Я остановилась, а защитник подошел вплотную. Он все делал медленно, исключительно неторопливо, что очень нервировало мою сущность. И разум единственный не позволял откатиться к инстинктам, а иначе я бы давно либо сбегала, либо кинулась вперед. Но только знания этого тщедушного тела, только понимание, усвоенное человеческой оболочкой, держали меня на месте и подсказывали действовать с защитником не как привыкли чудовища.

Арриен ни секунды не колебался, когда уверенно и спокойно склонился ко мне, приподнял мое лицо за подбородок, а затем поцеловал. Опускал ли он щит специально, не знаю, но эти эмоции не могли быть обманом. Меня накрыло ими с головы до ног, окутало, точно прочной нитью, все тело, а затем встряхнуло, не столько питая, сколько вышибая из привычного образа мышления, из категорий, когда все оценивается с точки зрения удовлетворения голода.

Сперва я просто жадно поглощала его эмоции, но вдруг упустила момент насыщения, перестала размышлять, как удобнее ударить его, чтобы не успел среагировать, и подалась ближе, прижимаясь вплотную. Мне перестало хотеться впитать в себя вкусные чувства защитника, а потом насладиться видом его крови. Нечто слабое внутри, что так удачно скукоживалось под командами сущности, вдруг снова начало набирать силу и ожесточенно сопротивляться. Разум, столь удобный для чудовища, способный подсказывать лучшие варианты действия или бездействия, вдруг перестал выдавать подсказки вообще.

Через некоторое время я просто отпустила себя, что было совершенно неслыханно. Прижалась к защитнику, доверившись его рукам и губам и даже не делая попыток это остановить. Только в глубине глухо ворчала звериная тревога, но ей никак не хватало сил воспротивиться происходящему.

* * *

Вдвоем работалось быстро и слаженно – сказывался опыт нескольких лет, проведенных бок о бок в медицинском отсеке. Едва войдя в соседнюю палатку, которая исполняла роль местной лаборатории, Мариона сразу бросилась к стерилизатору с пробирками, а потом к шкафу с растворами, четко следуя указаниям Эсташа и отыскивая среди многочисленных бутылочек изотонический раствор натрия хлорида.

Сам энсгар в это время, взяв другую склянку, надрезал собственную кожу скальпелем и прижимал к ранке край сосуда, чтобы кровь тонкой струйкой стекала по стеклянному боку. А когда Маришка подала ему вторую пробирку, принялся аккуратно смешивать, в уме проводя расчеты и на глаз определяя соотношение обеих жидкостей с учетом роста, предположительного веса Зои и глубины уже произошедшей трансформации. Он старался действовать быстро, но точно, попутно проговаривая для записывающей Марионы последовательность процесса. Руки не дрогнули и на завершающей стадии, когда пришлось сжать пробирку обеими ладонями. С его магией иных инструментов не требовалось, чтобы получить задуманный результат.

Маришка тут же приняла готовый раствор и протянула ему вторую пробирку, куда он заранее сцедил кровь.

– Для Нейтона? – уточнила она.

Эсташ кивнул и незамедлительно повторил весь процесс, лишь немного изменив пропорции. А затем взял оба сосуда, закупорил один пробкой и положил в карман, а во втором зажал отверстие большим пальцем.

– Сперва дадим Зое, – сказал он. – Останься снаружи палатки на случай, если она вздумает сопротивляться.

– Хотела лишь уточнить по поводу тех веществ, что содержатся в слюне, – Мариона протянула коробку с готовыми примочками для Нейтона, – удобнее будет приложить их к надрезу?

– Сориентируемся на месте, – ответил энсар. – А теперь поторопимся.

Я не сразу услышала, как вернулся другой враг, оставив жертву за пологом, не сразу оценила то, что напрягся целующий меня защитник. Сущность допустила одну из ошибок, за которые монстры расплачивались собственными жизнями. Я отпустила себя в то время, когда противник продолжал трезво мыслить. Почему мне казалось, будто он не поддался дурману, подавившему метания зверя внутри? Потому что его реакция была такой, как полагалось. Она казалась логичной и ожидаемой. Крылатый воин крепче сжал объятия, отвлекая внимание от вернувшегося второго, который зачем-то уходил. Он оставлял нас здесь с некой целью, вероятно, выигрывал время. И тогда мой разум осознал, что оба задумали меня погубить.

Однако я не успела воспротивиться, для этого Арриену следовало меня отпустить, но он продолжал целовать, лишая осторожности и возможности защитить себя, лишь одну из рук разжал и снял с плеча, реагируя на возвращение второго. Опустил ладонь, а затем очень резко разорвал поцелуй, чтобы влить в еще приоткрытые губы зелье и поднять голову за подбородок, заставляя проглотить.

Мерзавец! Я широко распахнула глаза, которые затягивало пеленой ярости. Мерзавец! Воспользовался! Он все-таки воспользовался! Я отомщу, я... согнулась пополам от новой порции боли. В точности как в подземелье той треклятой горы. Но нет, прежде чем снова потерять сознание, я призвала свои способности. Я знала, что получится. Он утолил мой голод, он сам дал мне силы, а еще эта новая отравка во мне, она несла в себе мощь истинных, возможность обойти их защиту.

Земляной пол, на котором держался светлый тент, послушно расступился подо мной. Я провалилась вниз быстрее, чем мужские руки успели снова сомкнуться вокруг. Но ушла не одна – я забрала с собой их главную ценность, которую оба до дрожи боялись потерять.

Она даже крикнуть не успела, а второй защитник не успел рвануться к ней. Идеальное решение, принятое за секунды, идеальное

воплощение в тот момент, когда оба сосредоточились на мне, один отвлекая, другой – готовясь прийти на помощь. А я смогла создать сразу две норы и пересекла их в одной точке, успев переместиться до того, как сознание заволокла уже знакомая тьма.

* * *

Мариона поставила защиту вокруг, едва ее неудержимо потащило вниз. Она не успела отследить ни самого перехода, ни перемещения по нему, слишком стремительно все произошло, однако навыки сработали. Уроки, преподанные защитником, усвоенные до такой степени, чтобы реакции опережали сознание, принесли пользу и в этот раз. Щит укрыл девушку до того, как со всех сторон к ней вдруг кинулись разнообразные твари, рыча и повизгивая от нетерпения. Они решили, будто им здесь преподнесли угощение, но с шипением отскочили от созданного щита.

Мрак, ее окружал непроглядный мрак, а еще – множество монстров. Столько их могло найтись только в пещерах.

Девушка вскинула голову, взгляд ее уперся в каменный свод, который местами терялся в темноте.

– Подар-рок, – послышался вдруг премерзкий голос, неприятно царапнувший слух, словно грубая наждачная бумага. – Ты принесла мне подар-рок. Хор-рошая зверушка, живая зверушка. Помощ-щница.

Мариона попыталась взглянуть в темноту, чтобы увидеть говорящего, но пока различала лишь мельтешащие тела, а еще Зою, лежащую на полу. Монстры не трогали ее, равнодушно пробегая мимо или даже наступая когтистыми лапами на беззащитную спину. Пока девушка не двигалась, и хотелось верить, что она лишь потеряла сознание, а эксперимент не погубил ее. Что по ее жилам течет созданный ими раствор, а не очищающий огонь, способный не только выжечь отраву монстров, но и погубить уязвимую оболочку. Маришку поддерживала сейчас беззаветная вера в Эсташа, его умения и опыт.

– Щи-ит, – премерзкий голос прозвучал близко-близко, по ту сторону тонкой защитной пленки, а девушку передернуло от вида приблизившегося создания. Бывший человек? Исследователь? Но она

никак не могла соотнести его измененное лицо с сотней встреченных лиц. – Ммм, медс-сестра, любимица энс-сгара.

Он определенно узнал ее.

– Это хор-рошая добыча от звер-рушки. Много еды! Много эмоций! Защитник будет с-страдать.

Мариона обхватила колени, сохраняя щит. Пока он удерживался достаточно легко, но как надолго хватит сил?

– Ты не продержишьс-ся, – прошелестел получеловек. – Долго не сможешь. Ус-станешь.

– Хочешь и на мне поставить мерзкие опыты? – рискнула ответить девушка, стараясь не обращать внимания на прыгающих вокруг существ. Из-за сильного потрясения разум пока не оглушил ее осознанием всей глубины случившейся беды.

Измененный до неузнаваемости полумонстр издал булькающий звук, который мог быть лишь смехом. Ситуация забавляла его, добыча – радовала.

– Ты подар-рок. Защитник придет и даст много сил. Он будет очень стр-радать.

– Я буду держаться, пока он не придет, – сама понимая, что блефует, она была не в силах выносить предвкушающий блеск в маленьких глазках.

– Не сможеш-шь, – не поверил ей омерзительный собеседник.

Я проснулась от удара чьим-то хвостом по лицу, резко отдернула голову, а потом на меня разом обрушилась целая какофония звуков. Шипение, рычание, вызывающий тошноту и мигрень голос получеловека, который поил меня жуткой гадостью, раздражающей нутро. Меня до сих пор качало, словно на огромных волнах, бросая из стороны в сторону, чувства менялись с потрясающей быстротой. В первый момент хотелось зажать уши, чтобы в них больше не скрежетали противные слова, а в следующий миг звуки вдруг переставали раздражающе действовать на нервы, а мельтешащие тела не пугали и не вызывали омерзения.

Они снова толклись возле чего-то, и сначала я пыталась понять, продолжается ли тот ужасный момент, когда чудище хотело вытащить к монстрам Нейтона, а страх сковывал сердце. А затем вдруг на меня сошло мрачное удовлетворение от темноты и шума, ощущение, что я

вернулась домой, и захотелось искушать губы, к которым посмел прикоснуться кошмарный защитник. Воспоминания скакали в голове, точно лягушки, я не могла вычленить разумного зерна ни в мыслях, ни в чувствах.

– Я буду держаться, пока он не придет, – знакомый голос заставил взглянуться в полумрак. Зрение резко сфокусировалось, а усмешку от осознания, что месть удалась, сменила гримаса ужаса. Мариона в этом подземелье, я ее сюда затащила!

– Не сможешь-шь, – чудовище почти вплотную стояло к окружавшей девушку защите, то отчетливо представлявшейся моим глазам, то расплывавшейся, как мыльный пузырь. Оно едва ли не капало слюной на каменный пол пещеры. Ему так хотелось дотянуться до жертвы, до моей жертвы, моей законной добычи!

Я сжала ладонями голову. Цахарис! Нужно помочь Марионе. Я должна ее спасти. Мне следует привести сюда защитников, а иначе они доберутся слишком поздно. Если я открою переход... О да, я открою переход и позволю чудовищам переместиться к Альберге! Чудовища... защитники...

Меня продолжало бросать на волнах, шум усиливался и затихал, глаза то видели четко, то все расплывалось перед ними. Я пыталась понять, что должна сделать. Еще один удар чьей-то лапы снова опрокинул меня на пол. Очень болезненный удар, как поворотный миг для принятия решения. Я должна... Защитников нужно переместить сюда, поскольку требуется помощь, а чудовищ кинуть к Альберге, они заслужили, они голодали очень долго...

– Почему ты еще держишь-шься? Ты должна устать. Ты уже должна устать! Человек, ты просто человек.

– Уйди.

Я вижу Мариону в коротком просвете в толпе разнообразных прыгающих созданий. Она сидит на полу, точно в мыльном пузыре, колеблющемся и льнущем то ближе к ней, то дальше. Она уронила голову на колени, но защита не ломается, пока еще держится, обхватывает ее так трогательно, как живое существо, обнимает, бережет хрупкое человеческое тело.

Гневный всплеск яростного шепота не только меня прижал к земле, он даже монстров заставил пригнуться.

– Она должна слабесть! Почему она не с-слабеет? Ты не можеш-шь с-сама так долго! – Голова разрывается от пронзительного шепота. – Только защитник может!

– Ууу! – От воя содрогается потолок пещеры. Монстр мечется вокруг щита, словно взбесившаяся собака. – Сила, внутри тебя сила. Он только зар-родился, но уже бер-режет! – Существо замирает, а затем подползает почти вплотную к тонкой пленке защиты. – Но я получу, получу вас обеих!

Мне чудится, будто вижу с этого расстояния, как вскидывается темноволосая голова, как в глазах вспыхивает понимание и ужас, как милое личико искажает гримаса страха, обреченного упрямства и граничащей с тем фантастическим упорством стойкости, которая даже людям порой дарит невероятные силы. Мариона не знала, но она отдаст себя до последнего вздоха, даже если ей не хватит совсем чуть-чуть времени...

Переходы не были вспышкой или разрывом пространства. Вероятно, и работали только здесь, в пустынях, где монстры приноровились сооружать убежища и научились выживать. Мне стоило лишь представить себе некий тоннель, вообразить, будто чудовище прогрызает путь идеальными для создания нор когтями и зубами. Одно, два, три, сотни чудовищ – и путь почти создан, осталось захватить – спасителей или добычу? – сцапать и перетащить сюда, но ощущение вдруг начало ускользать, дар чудовищ забарахлил, словно мотор поврежденной летающей лодки.

Меня затягивает, меня выталкивает, меня швыряет из стороны в сторону.

А потом нора все же разверзается...

* * *

Суматоха началась внезапно. Ирэн спокойно сидела в палатке, читала книгу, пытаясь сосредоточиться на словах, Трен кидал кости вместе с тремя исследователями. А потом вдруг зазвучали крики. Они раздались за пределами палатки сначала с одной стороны, потом с другой, потом со всех.

– Что происходит? – девушка вскочила на ноги.

– Сейчас выясним. – Трен первым выбежал на улицу. Когда к нему присоединились остальные, их глазам предстала невероятная картина – Альбергу окружили чудовища.

Ирэн вцепилась в плечо замершего впереди парня и будто снова перенеслась в тот день в пустыне. Они на песочном бархане, а кругом скачут монстры.

– Как? Откуда их столько?

Атаки чудовищ не были редкостью, их вид для многих стал привычным, но никогда прежде твари не атаковали оазис. Здесь стояла мощная защита. Здесь находился защитник. И монстров никогда не бывало так много.

– Где защитники? Где? – девушка потрясла за плечо Трена.

– Их нет! – прокричал кто-то поверх голов столпившихся внутри трещавшей ограды людей. – Защитников нигде нет!

– Они нас бросили? – прошептала Ирэн.

– Не говори глупостей, – резко оборвал кто-то из стоявших рядом. – Если куда и ушли, значит, так надо. Они вернутся.

– Сколько защита простоит, если чудищ настолько много, а защитников для ее обновления рядом нет? – задал Трен самый резонный вопрос.

Он пытался нащупать топорик, но вспомнил, что вся экипировка осталась в палатке и ему придется вернуться за оружием. Просто не мог отвести глаз от монстров, карабкающихся по деревянному ограждению. Их отбрасывало назад, но потом лезли другие. И еще, и еще. Сколько их?

– Кто знает? – раздраженно пожал плечами тот человек, что взялся отвечать на задаваемые вопросы. Ирэн узнала в нем помощника энсгара. – Сложно назвать время, я занимаюсь лечением, а не расчетами.

– Если прикинуть силу, потраченную на создание щита, и соотнести с примерным количеством монстров, – заговорил голос с другой стороны, самого человека не видно было за чужими головами, – то выйдет меньше часа. Энсгар обновлял защиту каждый вечер, к вечеру она слабеет.

Все глаза проследили за солнцем, клонящимся к западу.

– Так чего мы замерли? – выкрикнул Трен. – Кто умеет держать оружие, хватайте что есть. Кто владеет боевыми заклинаниями,

попробуйте подпитать эту защиту.

– К защите не суйтесь, – тут же выкрикнул другой пронзительный голос. – Нельзя вмешиваться в структуру сети, созданной защитником, мы можем все нарушить.

– Или чудовища ее разрушат, – выругался Трен, – а мы будем тупо на это смотреть. И знаете, мне совсем не нравится видеть этих тварей и ничего не делать.

Глава 13

Ничего не подозревающий противник может стать отличной добычей, когда он не подготовлен к встрече. Но живущий на подкорке сознания животный ужас, ломающий волю, страх перед защитниками оказался решающим обстоятельством.

Я отползла прочь, а монстры на миг подались в стороны, подальше от появившихся в конце пещеры мужчин. Всего лишь двое, пока еще люди, какой удобный момент, но... Мы замешкались, а они обратились. Один миг, и на том конце пещеры стоят два огненных крылатых воина, а нас меньше, чем было, потому что часть чудовищ я все же перебросила под стены Альберги.

Страх потихоньку начинает отступать, сменяясь яростью загнанного в угол существа. Всего лишь двое. Монстров гораздо больше! Я улыбаюсь и ощущаю взгляд, почти физически осязаю его на своей коже. Эта секунда оценки всей ситуации двумя нашими противниками, вставшими спина к спине. Один брат отыскивает в сумятице тел свою цель, а второй ищет и находит меня. Я почти смеюсь и почти плачу. Загнанные звери обращаются в монстров и бросаются вперед. Разорвут, не пощадят.

Вспышка обжигает, заставляет зажмуриться привыкшие к темноте глаза. Визг, вопли, запах паленой плоти и шерсти. Но это лишь первая волна. На смену ей кидается вторая. Их много. А яд действует и на защитников. Когда они устанут отражать атаки, кто-нибудь сумеет дотянуться когтем, шипом, хвостом, зубами... Третья волна.

Я понимаю, что должна прекратить это. Мне следовало сделать наоборот! Совсем наоборот. Нас двоих перенести в Альбергу, нет, нас четверых, а чудовищ сюда, в их логово. Но я все перепутала, а дар монстров снова ломается и отказывается создавать цельный переход. Есть ужас, есть страх, есть бесконечные и бесчисленные вспышки. Огонь повсюду. Только он их спасает, прокатываясь по полу пещеры, а чудовища убегают от него на стены и потолок. Огонь летит следом. Он не доходит лишь до определенной черты на полу, за которой нахожусь я. Словно управляемый, словно подчиненный чужой воле или ладони, не позволяющей ему ринуться дальше. Всего лишь нужно отпустить и

обратить в золу противников. Ведь даже там, где сейчас Мариона, не осталось монстров. Ее огонь не трогает, ее он окружил теплой защитой. Почему так? Почему я ощущаю его ярость?

Кажется, даже каменные стены трескаются от зноя. И я правильно поступила. Разделила защитников с Альбергой и затащила сюда, мне никого не нужно менять местами. Чудовища там и здесь. Но не всегда понятно, где среди этой путаницы главный враг, пока тело вдруг не вздрагивает от приказа. «Иди к ним, иди. Ты наш щит. Подойди ближе. Мы уничтожим защитников. Мы пойдем за тобой».

Голова сжимается, горло стягивает петля, я встаю на четвереньки, как и остальные вокруг, только без хвоста и когтей. Бросаю взгляд на руки – когтей и правда почти нет. Приказ снова звучит в голове, а я сжимаюсь, подчиняюсь и ползу вперед. Огонь обходит, обтекает по сторонам, не рискуя замкнуться и уничтожить. Я чувствую позади монстров, которых скоро подведу совсем близко. Даже пламя не успеет спалить всех разом, ведь ему придется прокатиться сквозь меня.

«Иди!»

Я иду.

«Иди!»

Я останавливаюсь, а сила приказа слабеет.

«Вперед!»

Мне так больно внутри, так тошно. Он опоил меня отравой... Защитник? Монстр? Он обманул и предал.

Я пытаюсь подняться. Не хочу ползти по земле, словно какая-то тварь. Я подойду и посмотрю ему в лицо. В последний раз. Засмеюсь, пока огонь не кинется вперед, точно цепная собака, потому что когда я буду погибать, то увижу, как погибает и он. За моей спиной останутся живые чудовища и наш хозяин, которому дано повелевать.

«Иди!»

Сколько осталось шагов? Сколько осталось чудовищ? Я не спотыкаюсь об их тела. Они сразу обращаются в пепел. Но они все еще повсюду – на стенах и потолке. Они тоже следуют приказу и подползают со всех сторон. Те, кто падает вниз, уже уничтожены, но остальные стягиваются за мной.

Я вижу глаза. Уже могу разглядеть пылающий взгляд. Пугающий, ненавистный, согревающий.

– Зоя, не надо! – отчаянный выкрик. – Не надо!

Умоляющий меня голос.

«Иди!»

Но я теряюсь. Я вижу Мариону, вижу, что пройти вперед осталось совсем мало. Тот второй, кто прежде лечил меня, бережет другую, смотрит на врагов, а огонь впереди принадлежит первому. И он глядит в мои глаза, выжидает последние секунды, верит, что во мне победит кто-то иной? Не монстр? Может, и победил бы, будь у него больше времени, не звучи беспрестанно в голове приказы, один за другим, один за другим, подавляя волю, не позволяя никак очнуться до конца. Мне нужно так мало времени, чтобы проснуться.

«Вцепись ему в горло!»

Я послушна чужой воле, подчиняюсь чужому сознанию в последний раз и кидаюсь вперед. И понимаю, что ошиблась. А в огненных глазах отражается принятое решение.

Огонь проходит сквозь меня.

* * *

Арриен не успел уклониться – ринувшиеся вперед чудовища все же зацепили его. Брат слишком долго медлил. Эсташ мог его понять. Он мог понять настолько, насколько всепоглощающая боль родного существа затопила его самого. Но медлить он не имел права. Не стало Зои, а потом не стало и того, кто прикрывался ее спиной и натравливал монстров. Того, кто управлял всеми, включая и драгоценную для защитников жрицу. Но много чудовищ еще осталось. Мелкие, большие, чрезвычайно ядовитые и почти безобидные, они были повсюду, сбежались в пещеру по приказу, а Арриен упал, пораженный ядом. Но сколько этого яда? Сгорит ли он весь в теле защитника, не успев причинить непоправимый вред? Сейчас было не время для рассуждений. Эсташу приходилось настолько тяжело, что огонь сузился до трех защитных кругов: вокруг Марионы, в первую очередь вокруг нее, вспыхнул, ограждая покачнувшегося, а потом рухнувшего на каменный пол Арриена, и в последнюю очередь огородил его самого.

Краем глаза Эсташу удалось заметить выход из этой бездонной пещеры, тот тоннель, о котором рассказывал брат. Энсгар следил, как

Маришка с трудом, но упорно пробирается к нему, дрожа от усталости и истощения. Она долго держалась. Расчищая ей путь от рвущихся вперед, совершенно потерявших страх и инстинкт самосохранения, одичавших монстров, он протянул руки и поймал свое сокровище. С отчаянием, с желанием никогда более не раскрывать объятий, чтобы ни за что не повторился момент, когда она вдруг исчезла. Только медлить было нельзя, и, одной рукой удерживая жену, контролируя ограждающий огонь, он потянулся к брату, ни на секунду не ослабляя настороженного внимания. Потацил вверх – Маришка помогала изо всех сил, не рискуя отдаляться. Эсташ взвалил Арриена на спину, крепко удерживая одной рукой, – за второе предплечье взялась Мариона, – и сделал первый шаг, отступая в более узкое пространство, где у них мог появиться шанс уйти. Он надеялся, что появится. Он надеялся, что чудовища собрались в пещере, а там, за спиной, не будет столько монстров и его огонь оградит всех троих.

* * *

– Мы обязательно дойдем до Альберги, обязательно. Мы долетим. Арриен придет в себя, и тогда мы вместе быстро доберемся обратно на крыльях, гораздо скорее, чем если попытаемся проделать этот путь пешком.

Маришка говорила и говорила, заставляя свой голос звучать спокойно, а слова – разумно, она смотрела на Эсташа, видела, насколько он измотан, с замиранием сердца то и дело бросала взгляд на неподвижного, горящего в лихорадке Арриена, но продолжала успокаивать и себя, и защитника. Ведь ей дано было понять, насколько глубока его тревога. Ей тоже было не по себе. Девушка то и дело сдерживала порыв оглянуться на запечатанный расплавленным песком выход из темного, казавшегося бесконечным тоннеля, освещаемого лишь огнем защитника. По этому переходу они отступали, не рискуя повернуться спиной к противнику, пока не дошли до ответвления и выхода, созданного Арриеном.

А после Эсташ попросту запечатал проход, расплавив песок и обратив его гладким стеклом. Конечно, это не мешало чудовищам прогрызть новый, но мгновенно открывать нору могла только Зоя, а

монстрам требовалось время. Защитник же зорко следил за происходящим и, едва песок начинал шевелиться, бил огнем, вновь расплавляя и запечатывая.

– Почему они продолжают лезть? – спросила она мужа, желая только одного – чтобы Арриен поскорее очнулся.

– Им дали приказ нападать, и он не был отменен, когда Арриен убил главного, потому чудовища атакуют.

– Монстр не ожидал, что защитник решится на такое? Если бы Риен не отпустил огонь, этот нечеловек продолжал бы приказывать монстрам, и нам не удалось бы уйти.

– Он намеренно подставил Зою, – ответил Эсташ.

– Арриен, каково ему? И что будет, когда он очнется?

– Обдумаем это, вернувшись в Альбергу. Монстры могут не остановиться, вылезти из своих нор. Надеюсь, мои вестники достигли адресатов, а Олайош передал сообщения всем, кому я просил.

– Ты позвал защитников? Ты предугадал, что нам понадобится помощь?

– Предположил, узнав о существовании тоннеля с общими ловушками. Я заподозрил появление высшего, хотя не догадывался о реальном положении дел. Очень надеюсь, они успеют прийти.

Маришка положила ладонь на грудь Арриена, слушая сердцебиение. Теперь сердце точно билось, а прежде пульс не прослушивался даже на сонной артерии. В первый момент девушка отчаянно боялась, что повреждения и раны на теле Арриена окажутся фатальными. Может, так и случилось бы, не окажись рядом энсгара. Дар Эсташа уже спас столько жизней, что такая несправедливость, если бы он не сумел вытащить с того света собственного брата, просто не могла произойти. Не могла.

Об этом и молилась жрица, с замиранием сердца глядя на любимого человека, склонившегося над неподвижным братом. И в конце концов объединенная сила жрицы и энсгара спасла Арриена. Теперь оставалось выстоять до его пробуждения, ведь Эсташу невозможно было поднять на крыльях троих.

Дар чудовища помог создать последнюю черную нору в ту секунду, когда тело обьял огонь, а разум захватил чужой дар, обращавший меня в монстра. Пламя жгло, оно невозможно жгло бесконечный миг, пока тело, не повинаясь ни разуму, ни мысли, не

провалилось в никуда. Несколько мгновений мне казалось, будто вокруг попросту ничего нет, будто огонь защитника сделал свое дело и обратил монстра в прах. А потом я открыла глаза и увидела, что вокруг не мрак, а лишь сумерки. Огонь продолжал плясать на теле, но стал совершенно иным, будто выжег отраву и теперь ласкался милым котенком, согревал и щекотно выводил на коже очертания крыльев. Красивое, чудесное изображение символики рода тен Лоран. Один из тех рисунков, что много раз повторялись на страницах оставленного где-то далеко-далеко дневника, заполненного бесконечными линиями и штрихами, бесконечными, бесконечными крыльями.

Я села и огляделась. Я ощущала себя родившейся заново, возродившейся в новом теле. Только где возродившейся? Впереди виднелись белые низкие строения с черепичными крышами. Высокие стены отделяли очередной оазис, принадлежащий пустыне, но это была не Альберга. Городок напоминал одно из приграничных поселений соседствующего с нашей страной Лланура, достаточно цивилизованного и хорошо укрепленного. Как на картинках из учебника истории. Альберга же стояла среди настоящего логова чудовищ, в землях не освоенных и не расчищенных для людей, а потому пока не имела возможности развиваться настолько хорошо.

Все строения отличались от кенигхэмских, от зданий, распространенных у нас. Станный город. Смутно знакомый. Может, он знал меня тоже, раз допустил за ограду по эту сторону, не выкинув среди камней и песков. Пускай я сидела под уносящейся высоко вверх побеленной стеной, но видела перед глазами дома, а не бескрайний убегающий к горизонту однообразный ландшафт. Куда выбросил меня утраченный дар? Зачем позволил сбежать из места, в которое сейчас так хотелось вернуться? Но я не могла. Дар монстра не отзывался больше, не представлялся сотней когтей и острых зубов, прогрызающих породу. Просто сгорел вместе с отравленной кровью.

А люди сновали вокруг и не обращали на меня внимания. Обычные люди, не чудовища. В забавных головных уборах. Также знакомых. Мне уже доводилось встречать подобные среди того отряда, который вместе со мной давным-давно пересекал пустыню. До момента, когда моя память смогла сохранить детали так четко, как никогда прежде, до момента, пока я, будучи обычным ребенком, еще не рисовала на тетрадных листах бессчетное количество крыльев.

Закрыв лицо руками, я уткнулась головой в колени. Арриен выбрал уничтожить монстра, в которого обратила меня отравленная кровь. Защитник не мог пощадить чудовище, не в тот момент, когда оно кинулось, чтобы его разорвать. Сперва его, затем – напасть на брата, чью спину он прикрывал, а в последний миг на самое слабое создание – женщину, которую оба защищали. Это всегда было долгом крылатых воинов – хранить тех, кто слабее.

Я запрокинула голову, глядя в сумрачное небо и пытаюсь понять, что же мне теперь делать.

* * *

Марионе представлялось, что им нужно только добраться до Альберги, до их оплота и пристанища. Никто из троих – ни уже измотанные предыдущей битвой защитники, ни она сама – не ожидал увидеть новое сражение.

– Ты говорил, они нападут, – не веря собственным глазам, прокричала она Эсташу, – но как они успели настолько нас опередить? Неужели по переходу?

– Не успели бы, – ответил защитник, – не в таком количестве.

– Как же тогда...

– Зоя. – Они синхронно произнесли это имя, приближаясь к оазису, над которым уже сгустились сумерки, но огни горели повсюду. Местами пылал подожженный деревянный забор, чтобы отпугнуть лезущих через прорехи в защите чудовищ. Те напирали на лагерь с разных сторон, отыскивая места, где образовалась брешь.

Маришка почувствовала, как напряглись державшие ее руки, а оба защитника шире развернули крылья, увеличивая замах, чтобы скорее добраться до сражающихся с монстрами людей.

– Она ведь не владела собой, – прошептала Мариона.

Если защитники и слышали, то оба промолчали. Каждый знал о том, как иная сущность умела брать под контроль разум. За долгую жизнь в Альберге приходилось сталкиваться со многим.

Все обитатели лагеря прошли курсы выживания и боевой подготовки, учились противостоять чудовищам, создавать щиты. По сути, исследователи не уступали боевым магам, к тому же по

прибытии всех в курс дела вводил энсар. Но люди всего лишь люди. Они слабели под усиливающимся натиском, когда все больше и больше разрушалась поставленная над Альбергой защита.

Мариона сжалась в руках Эсташа, когда муж резко приземлился в центре лагеря, а потом крикнул Арриену, чтобы тот восстанавливал охранную сеть и укреплял бреши. Очутившись на ногах, Маришка не успела даже сориентироваться, куда кинуться в первую очередь, когда энсар дернул ее назад и тут же втолкнул в медицинскую палатку. Она попыталась выйти, но наткнулась на невидимую стену. Ладони уперлись в преграду, а с той стороны донесся приказ приготовить инструменты и все необходимое для возможных операций. И столь любимый ею голос вновь отдалился. Но, прежде чем последовать приказу, жрица опустилась на колени, снова призывая свой дар, понимая, что в последнее время загадала очень много желаний, но сейчас молитва была нужна как никогда.

* * *

– Защитники, защитники вернулись!

Ирэн слышала радостные выкрики и вскинула голову, отыскивая в темнеющем небе очертания огненных фигур. Она выдохнула, поверив, что теперь у Альберги точно появился шанс, хотя кое-кому из монстров удалось прорваться внутрь. Звуки сражения доносились, кажется, отовсюду. Ирэн словно оказалась на последнем клочке земли, не охваченном безумием. Она держалась за плечом Трена, а парень вооружился топором и держал наготове свободную руку, собираясь атаковать магией, а уже после добивать монстров оружием. Девушка в свое время тоже осваивала основные заклинания, но теперь ей казалось, будто она все-все позабыла и просто не сможет вовремя вспомнить.

Тихий стон заставил ее обернуться и тут же усомниться в реальности происходящего. Иначе чем можно было объяснить, что сейчас по направлению к ним с Треном шагал, подволакивая ногу, арис Нейтон.

– Трен, – она крепче сжала руку на его предплечье, а парень обернулся, – это же Нейтон?

– Учитель? – Трен растерялся настолько, что даже опустил топор и сделал шаг к арису. – Это правда вы? Вы живы?

Мужчина кинулся вперед, подпрыгнул и вцепился в горло Трена – тот еле успел с силой оттолкнуть стоявшую на пути Нейтона Ирэн. Она закричала, Трен упустил топор и попытался отпихнуть обезумевшего мужчину. Но справиться удалось только вдвоем, когда девушка вцепилась в больничную рубаху учителя с другой стороны и потащила того прочь. Удар заклинанием окончательно отбросил Нейтона и оставил лежать на земле, а Трен накрыл ладонью кровоточащую шею.

– Проклятье, – выругался он, – как сильно щиплет! Как будто не человек, а чудище цапнуло. Что это с ним? Откуда он вообще тут взялся, его же убили?

– Галлюцинации? – слабо произнесла Ирэн, а затем жалобно позвала: – Трен.

Взгляд молодого человека расфокусировался, он опустил окровавленную руку.

– Трен?

Парень посмотрел на нее.

– Жажда мучает, – он облизнулся. – А ты вкусно пахнешь.

– Ч-что? – заикаясь, уточнила девушка, отступая сразу на три шага.

– Как же вкусно пахнет кровью! – он тряхнул головой.

– Какой кровью, Трен?

– Человеческой. Как думаешь, кровь утолит жажду? Я слышу ее ток по твоим жилам.

Он улыбнулся и пошел к ней, чуть пригнувшись, крадучись, словно вынюхивающий добычу зверь. Даже ноздри его расширились, жадно втягивая воздух, точь-в-точь как у гончего пса.

Ирэн в шоке наблюдала, как по пути молодой человек наклоняется и подхватывает топор, сперва подкидывает, затем крепче сжав в ладони, улыбается ей напоминающей оскал улыбкой.

Пронзительный крик отвлек Арриена от усиления защиты. Кажется, он заделал почти все бреши, но его отвлек голос Ирэн, и защитник сразу же сорвался в ту сторону. Девушка закричала еще раз, за секунду до того, как Арриен успел отшвырнуть от нее Трена. Парень словно сошел с ума, но это его сумасшествие было до боли

знакомо. А еще неподалеку на земле лежал неподвижный Нейтон. Арриен вспомнил мгновение, когда исчезли Зоя и Маришка, а они с Эташем бросились на улицу, а затем к воротам. Тогда энсару достало чувства долга и сил не разбить готовую сыворотку, попутно прикончив бывшего ариса, а сунуть в руки кого-то из помощников вместе с коробкой, крикнув по дороге наставления. Но лекарство не помогло Зое, а значит, не помогло и Нейтону. Его тоже настиг приказ, отданный всем монстрам, – нападать. Непонятно только, отвязал ли его кто-то от кушетки, пока защитники боролись с чудовищами в пещере. Выходило, что арис выбрался из палатки, когда пришел в себя, а теперь Арриену пришлось отталкивать от Ирэн одичавшего Трена.

Защитник задвинул девушку за спину, глядя, как отброшенный прочь парень вновь поднимается.

– Только не убивай его, пожалуйста, – взмолилась Ирэн, – Трен меня защитил. Не убивай его.

Арриен поднял ладони, по которым перекачивался огонь.

* * *

Казалось, будто тишина никогда не вернется в Альбергу. Чудилось, будто стоны так и продолжают звучать, нарушая покой операционной. Сколько вообще прошло времени, когда в последний раз кто-то из медперсонала сумел присесть хоть на миг? А кого-то спасти не успели, потому что энсару с братом приходилось выдерживать натиск чудовищ, которые прибывали и прибывали, стягивались к Альберге, выползая из нор, преодолевая переход от гор, проложенный под песками. Они подчинялись отданной команде и наконец-то перестали прятаться. Но если прежде не было возможности выманить их на свет, отыскать и уничтожить, то теперь все меньше оставалось возможности сдерживать.

Эташ с Арриеном стояли насмерть, но силы заканчивались и у защитников, уже вынесших за этот день одну тяжелую битву. Маришка несколько раз рвалась выбраться из палатки, но не позволяла незримая стена. Муж по-прежнему оберегал ее, тратя магию и на этот барьер. Приходилось вновь возвращаться без возможности даже выглянуть наружу. А раненых все подносили, очень многие успели пострадать.

Мариона ассистировала эниту Бариору, который и в обычное время подменял Эсташа, а сейчас встал на его место у хирургического стола. К ним на помощь подоспели те, кто еще был в состоянии, даже бене Алиста находилась в палатке и укладывала пострадавших на пол. Свободных кушеток уже не осталось. Слишком много ран, слишком много отравленных, но всего двое обращенных. Благо лишь отдельные виды монстров были способны подчинять разум людей, а иначе пришлось бы еще хуже.

– Защитники! – на этот крик воспрянули все, работавшие внутри хирургического отсека. – Еще защитники.

Маришка прикрыла глаза, вознося хвалу небесам. Успели. Они успели прийти на помощь.

* * *

С последствиями нападения на лагерь разбирались слаженно. Здесь все знали, что делать в таких случаях. Мариона на миг позволила себе зажмуриться, чтобы растереть лицо ладонями, пытаясь отогнать растущую усталость. Всякий раз, когда она поднимала голову, бесконечно поднося и унося инструменты, бинты, препараты, стерилизуя, меняя, выбрасывая, то видела лицо Эсташа, который сменил утомленного сверх всякой меры энита. Она видела сосредоточенный взгляд над закрывающей лицо хирургической маской, руки в перчатках и пальцы, работающие так проворно и быстро, что порой было не уследить. Он делал свое дело, как и все, кто мог помочь разобраться с последствиями нападения. Он вернулся сюда, к ним, потому что был нужнее в Альберге как врач, а не как борец с чудовищами. Добивать остальных отправились прибывшие защитники вместе с Арриеном. Сражение за Альбергу они выиграли, но монстры не останавливались, а у воинов Кенигхэма появилась возможность сразиться со всеми разом, сколь бы бесконечным ни казался их наплыв из песков пустыни.

Чудилось, никогда не закончится этот монотонный процесс: подать, унести, стерилизовать, – не перестанет звучать в ушах звон хирургических инструментов, не прекратят доноситься крики тех, кто сражался уже за стенами оазиса. Как там Арриен, как остальные? А

люди? Справятся ли они? Все, кто лежал, укрытые простынями, на кушетках, кому оказали необходимую помощь. Теперь от них самих зависела дальнейшая борьба за жизнь и способность выбраться из небытия.

Еще один стон донесся сбоку, подвигнув Маришку бросить в ту сторону быстрый взгляд: Нейтон и Трен лежали на соседних кроватях. Учитель пришел в себя на улице, когда Арриен обездвижил зараженного парня. Привстал с земли и принялся удивленно озираться, не понимая, что с ним произошло. Теперь противоядие дали и Трену, которого Арриен сам затащил в хирургический отсек. Пришлось делать это насильно, поскольку от возросшей мощи, от новых проявившихся способностей обращенный отказываться не хотел.

Арриен взвалил Трена на кушетку и лично связал, бросив такой взгляд на Мариону, что у нее все перевернулось в душе: «На Нейтона подействовало... он очень плох, но его разум свободен».

Значит, Зоя тоже могла очнуться. Эта фраза не прозвучала, но повисла в воздухе невысказанным сожалением, ничем не измеримой тоской.

«Влейте Трену противоядие», – проговорил Арриен, прежде чем уйти.

Мариона слегка покачнулась, когда отняла ладони от лица, и тут же услышала: «Отдохни». Эсташ всегда наблюдал за ней, даже когда казалось, будто он сосредоточен на чем-то абсолютно ином, он не упускал ее из вида. Хотя кого и требовалось подменить, так это энсгара. Жаль, не было второго, кто смог бы так же хорошо справиться с его обязанностями.

– Я в порядке, – привычно ответила девушка.

Всегда так отвечала, но он редко верил ей на слово.

– Ты работала еще с Бариором, – возразил он, а затем качнул головой, подавая безмолвный сигнал, и бене Алиста вывела ее из палатки. Теперь уже путь не преграждал невидимый заслон.

– Тебе точно нужен отдых, – проговорила бене, похлопав Мариону по плечу. – Давай. Теперь в лагере безопасно, ступай в палатку и поспи.

Свежий ветерок коснулся разгоряченного лица, а Маришка вскинула голову, глядя на светлеющее небо.

Рассвет.

И шум стихал за стенами. И в небе пылало поднимающееся над горизонтом солнце, а не силуэты защитников. Вероятно, будет еще много раненых. И, будто откликаясь на ее мысли, ворота Альберги, выдержавшие натиск чудовищ, раскрылись, а уставшие люди устремились наружу, чтобы занести в лагерь новых пострадавших.

Она присела здесь же возле столбика, на котором держался тент, глядя, как защитники входят в ворота. Кого-то вели, кого-то несли. И ведь они все откликнулись, все пришли помочь им, а Эсташ сумел предугадать то, что в итоге случилось.

– Все закончилось? – задала она вопрос одному из крылатых воинов, проходивших мимо нее в палатку.

– Да, – он улыбнулся ей. Они были знакомы. Маришка знала многих из них с тех пор, как стала частью семьи тен Лоран.

– Вы справились. Вы такие молодцы! – она тоже улыбнулась. Устало, утомленно, но с облегчением. Все битвы когда-то кончаются. Как хорошо, что закончилась и эта.

– Вы тоже молодцы, – он наклонился и пожал ее ладонь, а потом прошел внутрь. Мариона прислонилась головой к столбику. Ей не повредит на пару минут прикрыть ноющие глаза, дать им немного отдыха. Просто ненадолго закроет, а когда наберется сил, снова кого-то подменит.

Очнулась она от легкого прикосновения к щеке, а когда посмотрела вверх, увидела над собой родное и любимое, но очень усталое лицо.

– Тебе нужно поспать, – тихо сказала она, прижавшись щекой к его ладони.

– Посплю, – ответил он. – Почему ты не ушла в палатку?

– Ждала. Все хорошо?

– Уже да.

Вряд ли он ответил бы иначе. Однако в лагере действительно было тихо. Люди разбрелись отдыхать, а кто отдохнул, дежурили возле тех, кому еще требовалась помощь.

Мариона выпрямила спину и поморщилась – так затекло все тело. Запустила руку в волосы, стянула надоевшую косынку и нащупала на голове настоящее воронье гнездо.

– Наверное, выгляжу сейчас как одно из чудовищ? – улыбнулась она.

– Не видел никого красивее, – отозвался Эсташ.

– Может, требуется кого-то подменить? – Маришка бросила взгляд на палатку.

Защитник молча склонился, поднял ее на руки и понес к их тенту. Осталось только прижаться головой к его груди и наконец-то перевести дух.

– Ты повредила ауру, – негромко произнес он, чуть касаясь губами волос. И Маришка застыла, понимая, что сейчас, едва он взглянется в нее внимательнее, то узнает еще что-то. А ведь она не сказала. У нее даже не было времени, многим требовалась помощь тогда.

– Я улечу домой, – быстро проговорила она, – вместе с Арриеном.

Защитник вдруг споткнулся. Это было очень неправильно, чтобы защитник с его идеальной реакцией вдруг споткнулся.

Он опустил голову. Маришка чувствовала, как от теплого дыхания шевелятся волоски на висках. И тут же поняла, что он делает. Призывает собственный дар, тщательно сканируя ее тело, и затаилась. Крепче прижавшись лицом к его груди, она выждала несколько секунд, прежде чем решиться и взглянуть в глаза Эсташа.

– Я сама не знала сперва и... – замолчала, пытаясь придумать, какие еще слова можно подобрать, но Эсташу и не требовались никакие слова.

Он зажмурился на миг, чуть запрокинул голову, словно пытаясь глотнуть больше воздуха, и прижал ее еще крепче и в сотню раз бережней.

– Мы полетим вместе.

Глава 14

Состязаться с ловкими, пронырливыми мальчишками, что кидались на помощь к хозяйкам и служанкам, приходящим на рынок, у меня попросту не выходило. Они были юркие, бойкие и любого чужака могли отвадить от вожаемой добычи, за которую наградой падали мелкие монетки. Я тоже смотрела на эти блестящие кругляши и сглатывала от голода, представляя, что на них можно купить хотя бы черствую булочку.

Если наняться помощницей совершенно не светило, то заработать подаянием было еще сложнее. Калеки и нищие, обитавшие здесь же, волком смотрели на ободранную конкурентку. Таким проще избавиться от тебя незаметно и отволочь куда-нибудь на пустырь, чтобы больше не отбирала у тружеников их кровно заработанные гроши. И воровать я, конечно же, не рисковала. Не только потому, что еще не дошла до той степени отчаяния, но и из-за боязни местных законов. А если у них за воровство руку отрубает? Слышала, раньше так и было. Не уверена, в какой именно стране, однако проверять не рисковала. А что попадусь, тут сомневаться не приходилось. У меня подобных способностей и в детстве не было, когда многие приютские уже учились зарабатывать всевозможными способами, и редко честными. Однако голод всегда был отличным подспорьем для работы мысли. На сытый желудок мозг так четко не соображал.

И вот я пристроилась на старой обшарпанной скамье в конце торговых рядов, наблюдая за покупателями. Смотрела на них и пыталась придумать, какие услуги могла бы им предложить.

За мной тоже наблюдали, я знала. Одна женщина благообразной наружности даже подошла и со сладкой улыбкой предложила отвести к себе в гости. У меня не было для нее иного действенного ответа, кроме кинжала Арриена, так и не потерявшегося во время последних происшествий. Я молча достала его и, держа рукоять в ладони, прижала острие к кончику пальца. Когда на подушечке проступила алая капля, я столь же демонстративно провела пальцем по губе и улыбнулась. Надеюсь, получилось не жалко, а кровожадно. Я очень старалась скопировать оскал одного хорошего знакомого из приюта,

пускай хорошим именно со мной он бывал крайне редко. Дама фыркнула и ушла, но взгляд ее был не менее острым, чем кончик моего кинжала. Придется затеряться среди улиц этого города, желательно до наступления вечера, пока она не надумала отправить за несговорчивой девицей собственных хороших знакомых.

Я убрала кинжал Арриена на место и попыталась перевести дух. Арриен. От этого имени судорогой сводило внутренности. От него болело все тело. Его звучание, пускай только в моей голове, снова сжигало огнем и обугливало каждую клеточку уже бывшего монстра. Мне было понятно, почему он выбрал убить. Только в каких случаях понимание хоть как-то влияло на чувства? Когда осознание, что едва ли мы снова встретимся, могло излечить страх, боль и тоску? Благо чувство голода усиливалось и заставляло сосредоточиться на более насущных задачах. Я продолжала наблюдать за людьми и искать для себя хоть какой-то вариант заработка.

Налетел резкий порыв ветра, сбивая с макушек досточтимых граждан их головные уборы, превращая подобия шелковых разноцветных цветов в жалкие примятые блинчики.

– Держи ты их, бестолочь! – крикнул высокий сутулый мужчина мальчишке-помощнику, которого почти не видно было за длинными тубами, вероятно хранящими скрученные листы пергамента. Человек оказался недалеко от меня, потому что я сидела в рядах, где торговали не едой, а хрустящим белым пергаментом, разноцветными карандашами, тушью и кистями. Все бесконечно любимые мной товары, на которые можно было глядеть издали и вспоминать о собственном наборе карандашей, уже безвозвратно утерянном. Местечко я выбрала подходящее. Во-первых, в этой части было меньше всего попрошайек и других недовольных появлением еще одной оборванки, во-вторых, не наблюдалось толчеи, только солидные дяденьки, молодые люди гимназистского вида и дети под руку с родителями.

Разговаривал человек на лланурском, но я улавливала общий смысл. В нашем детском приюте его, конечно, не изучали, как делали, например, в других заведениях, а в школе Естествознания не вводили обязательным уроком, поскольку одноклассники и так могли свободно на нем изъясняться. Я осваивала азы по самоучителю уже взрослой. Многие слова казались знакомыми, а сам язык давался несложно.

Мальчишка честно пытался удержать все свитки в футлярах, но тощие ручки не справились, и тубы рассыпались по земле, а с некоторых слетели крышки. Господин цветисто выругался, а несчастный помощник кинулся собирать рассыпанное. Осознав, что это мой шанс заработать монетку, я соскочила со скамьи и бросилась помогать парнишке.

– Эйни ра мель, – сквозь зубы пробормотал мальчишка, злобно сверкнув на меня глазами и предпринимая героические попытки самостоятельно собрать уроненное.

На кенигхэмском это прозвучало бы как «вали отсюда», с тем намеком, что иначе ведь намнут бока. Однако к угрозам я была морально устойчива и продолжала как ни в чем не бывало. Подобрав несколько туб, я направилась напрямик к господину. Мальчишка стерпеть подобной наглости не смог. Он тоже подхватил что смог собрать и ринулся вперед меня, сильно толкнув плечом. Меня повело в сторону, и я уронила часть груза, а у парня от толчка из неплотно закрытых туб, перевернутых к земле, выскочили свернутые пергаменты. Один угодил напрямик в грязную лужу.

– Ах, что ты делаешь, проклятый! – мужчина взвыл так, что на нас обернулись остальные торговцы и немногочисленные посетители этой части рынка. – Да ты вздумал меня погубить, монстрово отродье!

Затем последовал поток ругательств, которые мне не удалось перевести. Человек же накинулся на мальчишку, колотя того от души чем под руку подвернется. Я отступила от изворачивающегося ужом парня и от взбешенного мужчины, аккуратно пристроила на земле тубы и собрала рассыпавшиеся листы, а затем подняла из лужи пергамент. Линии, выполненные тушью, до этого момента лишь начавшие расплываться, потекли вниз, полностью смазавшись и изменив до неузнаваемости внешний вид рисунка. Чертеж некоего здания теперь напоминал большое расплывчатое пятно.

Мальчишка-помощник уже мчался прочь, сверкая пятками, а поколотивший его человек вцепился в волосы, с ужасом глядя на потемневший пергамент.

– Все пропало! Эскиз великого Хаби утрачен. Пропал! Потерян! Безвозвратно потерян!

– А запасного нет? – отведя руку подальше, я наблюдала за стекавшими каплями.

Мужчина резко замолчал и прищурился. Я подумала, что он попросту не понял меня из-за акцента.

– Запасного? Запасного? Ты ничего не понимаешь, торина!^[18] Он никогда не создавал копий! Только оригиналы! Только в единственном экземпляре! И я купил сегодня тубы и извлек эти драгоценные листы из-под самого сердца, чтобы донести их до мамари^[19]. Горе нам всем! Всем его потомкам. Ничто не восполнит утраты, пусть даже это одно лишь здание. Ничто не повторит уникальности его гения, не воспроизведет все неповторимые детали на фасаде...

– Я могу нарисовать это здание, – уловив общий смысл фразы, вмешалась я в стенания мужчины.

– Ты что? – Он рассмеялся. Истерика сменила полюс, и теперь мужчина просто не знал удержу и хохотал до слез. Только когда он немного успокоился, я повторила:

– Могу в точности воспроизвести это здание. Я запомнила. Дайте только тушь и пергамент.

– Смеешься надо мной? – кажется, он снова начал злиться и подступил ближе, багровея лицом. – Издеваешься над горем, торина!

Я не стала пятиться или отступать, а присела на корточки, подняла с земли тонкую палочку и повела ею по уже испачканному пергаменту, создавая то толстые, то тонкие линии, периодически обмакивая кончик в грязь, словно в чернила. Линии, конечно, тоже начинали расплываться, но рисунок четко повторял предыдущий.

Господин давно уже замолчал, пораженно замерев надо мной. А когда я подняла глаза, ухватил меня за перепачканную руку и вздернул на ноги.

– Ты пойдешь со мной, девушка!

Интересный это был город. Такой шумный днем, ночью он смолкал. Говорят, во время войны именно маленькие поселения на границе с Кенигхэмом стали развиваться. Сюда хлынул поток переселенцев с центральных районов. А когда война дошла до этого края страны, многие устремились к соседям. Не всем удавалось перейти природный рубеж, где обитали монстры.

Теперь город жил спокойно, давно восстановившись после перенесенных бед. Господин Махад, работавший в архитектурном обществе, взял меня в помощницы. У него была своя квартира над

маленькой реставрационной мастерской с выходом на крышу и не было семьи. Мне, кажется, везло на встречи и совместную работу с поистине увлеченными собственным делом людьми. Именно они выручали меня в сложные периоды жизни: сперва Нейтон, теперь Махад. Я поселилась в маленьком флигеле на крыше, где прежде стояли горшки, а еще множество ржавых инструментов. Сюда втиснулась кушетка, на которой можно было разместиться только на боку и поджав колени, но я не жаловалась. Все же не на улице искать кусок хлеба каждый день, да и работа не самая сложная. Я снимала копии со старых чертежей и рисунков, что хранились в закромах архитектурного общества в единственном экземпляре. Перерисовывала их на новые листы, которые затем отправлялись в библиотеку общества, а оригиналы возвращались в хранилище.

Не знаю, сколько точно прошло времени с моего появления у Махада, но я пообвыкла и даже выработала собственный ежедневный ритуал. Обычно в сумерках мы возвращались в квартирку, ужинали в небольшом кафе неподалеку и расходились до утра. Махад говорил, что пока я поработаю помощницей, а затем, вероятно, переведут на лучшее место, тогда я смогу переехать. Относился он ко мне настороженно, как к чужеземке, и пока ключи от квартиры не доверял. Однако работу я выполняла хорошо, была достаточно молчалива, чтобы не беспокоить по пустякам, не появлялась в холостяцкой берлоге не ко времени, если вдруг к Махаду приходила гостя. В целом удачно сливалась с обстановкой, потому совершенно не раздражала и удостоилась даже того, что мужчина задумался над оформлением официальных бумаг для меня. И это было лучшей чертой нового работодателя – он не выпрашивал, как я очутилась в их городе, и не интересовался моим прошлым. В подобных городках вообще так часто менялись люди, что коренные жители знали друг друга в лицо, а остальных запоминать и не стремились.

По вечерам я любила пройтись по городу, освещенному уютными огнями. Многие из горожан гуляли в это время, а на улицах ставили круглые столики и стулья со спинками, чтобы пары с удобством разместились и поужинали в приятной атмосфере ночной прохлады.

Гуляла я всегда долго, до момента, пока не начинали гасить фонари. Прогулки помогали устать, чтобы после суметь уснуть. И дело было не в неудобстве жилища, а в мыслях, бесконечных тревожащих

мыслях и снах, в которых Альберга исчезла с лица земли под натиском чудовищ, а Арриен, Мариона и Эсташ не смогли выбраться из пещеры. От мыслей ли, от чего иного я начала болеть. Слабость могла накатить неожиданно, а голова резко кружилась и в глазах темнело. Махад заметил, что я сильно похудела с первой встречи, и принялся заказывать мне блюда побольше, пытаюсь восполнить потери. Но я съедала все, а вес по-прежнему не набирала. Скажу лишь, что воля к жизни, кажется, была той единственной нитью, которая с самого детства помогала мне не сдаваться в сложных ситуациях. Она оказалась удивительно сильной для тщедушного существа и даже сейчас проявляла себя в том, что по вечерам вытаскивала по пожарной боковой лесенке с крыши на улицы города и заставляла бесцельно бродить среди гуляющих, пока мыслей в голове не оставалось.

А потом эти бесцельные хождения стали все чаще и чаще приводить меня в одно место. К невысокому дому в два этажа, мало отличающемуся от соседних. В респектабельном райончике с чистыми дорогами и ухоженными деревьями по краям. Пожалуй, разница была лишь в том, что его крышу покрывала синяя черепица, а не зеленая, как у домов по соседству, и еще ко второму этажу цеплялся небольшой балкончик, нависающий над дорогой, увитый зеленью и цветами. Иногда я замечала на этом балкончике девушку.

Почему я то и дело останавливалась на той стороне улицы в тени деревьев, подальше от горящих фонарей, и смотрела на это здание? В нем не было ничего особенного, лишь флюгер в виде забавного существа, впрочем, мне неизвестного. Просто весь облик, начиная от двустворчатой двери под козырьком и заканчивая этим флюгером, навевал смутные воспоминания.

Так я и приходила сюда, пока в один из вечеров, привычно замерев под деревом, не вздрогнула от резкого окрика:

– Эй ты! Поди сюда!

Из двери дома выглянула старая служанка и, подслеповато щурясь, буквально наугад ткнула в сторону деревьев и замахала рукой.

– Эй, там, под деревом! Иди сюда!

Я попятилась и отступила, а затем шагнула из своей тени и развернулась прочь, собираясь уйти подальше и больше не являться к этому дому, в котором заметили странную наблюдательницу.

– Постой! – второй, более мелодичный голос окликнул меня сверху. И я сделала ошибку – оглянулась, притормозив, и бросила взгляд на девушку, выбежавшую на балкон. Если бы не это, двое крепких парней, вынырнувших из скрытого от глаз внутреннего двора, не успели бы догнать и затянуть меня в сад.

– Сиди! – велел один из них, надавливая на плечо и не позволяя подняться со скамейки. – Молодая хозяйка велела ждать.

Я бы никого ждать и не подумала, но пришлось сидеть, затаившись и подгадывая момент. Девушка в воздушной шали, укрывшей светлые волосы, красивая, с раскосыми зелеными глазами, довольно скоро спустилась к нам.

– Подождите вон там, – велела она помощникам, а сама остановилась недалеко от скамейки, не приближаясь. – Кто ты?

Я молчала.

– Отвечай! Я давно заметила, что ты прячешься в тени и смотришь на наш дом. Тебя подослал Аларик? Если он велел наблюдать за окнами, то передай, что нечего подсылать своих шпионов. И мой ответ был окончательным!

– Госпожа, может, предупредить вашего отца? – подал голос один из коренастых парней, но девушка властно махнула рукой.

– Я сама разберусь, прежде чем беспокоить папу. Ну так что? Будешь отвечать?

– Меня зовут Зоя, и я не знаю никакого Аларика, – ответила я.

– Не знаешь?

– Нет.

– Почему ты говоришь с акцентом? Ты не местная?

– Я из Кенигхэма.

– Кенигхэма? – даже в полумраке было заметно удивление на ее лице. – Ты собираешь подаяние? Ищешь работу? Знаешь, это довольно странный способ – стоять...

– Я ничего не ищу.

– Тогда что тебе нужно?

– Ничего. И если не возражаешь, – я очень осторожно поднялась со скамьи, кидая взгляд в сторону насторожившихся парней, – мне пора идти.

– То есть мне просто отпустить подозрительную девушку?

– Разве я сделала что-то плохое?

– Но вдруг планируешь?

– Я ничего не планирую, – вздохнула я, – только этот дом мне знаком, не знаю откуда.

– Не знаешь?

– Сказала же, не знаю! Ты очень недоверчива.

– А с чего мне доверять незнакомке, еще и чужачке? – хмыкнула девушка. – Тут много кто проездом бывает, разные люди. Ничего дурного про кенигхэмцев не скажу, но кто вас знает?

– Ладно, я пойду! – я решительно повернулась к выходу из садика, но по сигналу девушки двое парней кинулись наперерез и снова крепко схватили под руки.

– Сперва отведем тебя к отцу. Ради такого дела можно и отвлечь, раз сама не рассказываешь, что здесь позабыла!

Протестов они не слушали, и я зареклась впредь идти на поводу у собственных необъяснимых желаний, пока меня тащили в дом, а затем по коридору в небольшой кабинет. Там за столом сидел человек средних лет. Его облик навевал ассоциации с успешным торговцем, дородным, важным, с округлыми румяными щеками.

Он с удивлением взглянул на нас четверых и отодвинул в сторону бумаги.

– Нейя, что здесь происходит?

Девушка отослала жестом парней и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной.

– Она явно шпионка, пап. Ходит под нашими окнами уже которую неделю. Стоит снаружи и смотрит на дом. А теперь еще и не признается, в чем дело. Говорит, ей он знаком.

– Ты кто? – мужчина окинул меня тяжелым взглядом.

– Ее зовут Зоя.

– Просто Зоя?

– Зоя Абриго, – я решила говорить сама за себя, чтобы и без того не ухудшать до смешного нелепую ситуацию. Голова снова начала кружиться, вероятно из-за волнения.

– Абриго, – повторил мужчина, – твоего отца звали Абриг? По акценту ты из Кенигхэма. Нелепое имя даже для ваших мест.

– Это название приюта, где я выросла.

– Значит, имени отца вовсе нет, а ты – дитя пылкой любви, после которой мать сдала тебя в приют?

– Неправда. Родители меня не бросали. Они погибли во время перехода через пустыню, когда на наш отряд напали чудовища.

– О как! И много вас осталось тогда?

– Я одна.

– Бывает же, – протянул мужчина. Девушка молчала, а в моей груди быстро колотилось сердце, и перед глазами снова то темнело, то светлело.

– И когда вы переходили пустыню?

– Я была маленькой, плохо помню, – я передернула плечами и сглотнула, борясь с дурнотой.

– А как выжила-то?

– Защитник спас. – Мне и правда делалось дурно, а еще эти расспросы. Отвечала исключительно потому, что не видела иных вариантов, как выпутаться из дурацкой ситуации, в которую угодила по собственной глупости.

– Защи-итник, – протянул мужчина. – Стало быть, с тех пор ты выросла в приюте, а затем начала искать собственные корни? Наш дом тебе кто-то указал?

– Нет, я...

– Нейя, – перебил он, – принеси альбом, будь добра. Достань вон с той полки.

Та, тихонько хмыкнув, передвинула лесенку, вскарабкалась на нее и принялась стаскивать с высокой полки большой и толстый фолиант.

– Знаешь, – проговорил мужчина, глядя мне в глаза с выражением, словно я пыталась убедить его в чем-то немислимом, – ложь препротивная штука, но ее всегда приятно разоблачить.

– Что разоблачить? – Я где-то упустила нить разговора и не понимала, почему меня до сих пор не отпускают.

– Попытку примазаться к семье. Нам уже встречались похожие бродяжки. После войны особенно много появилось так называемых возвращенцев. – Он принялся листать альбом, а девушка встала за его плечом, с любопытством глядя вниз.

– Сам дом, – продолжил говорить мужчина, – принадлежал моему двоюродному брату. Но, подозреваю, тебе уже рассказали об этом. Когда шла война, брат переехал сюда и купил его, а потом позвал меня

с семьей и остальных родственников. Доехать мы не успели, дороги оказались отрезаны. Перебрались уже после, оставшись в живых, но дом тогда пустовал, как и многие дома в этом городе. Поступали новости о беженцах, о тех, кто перешел пустыню, и тех, кто не перешел. Мой дядя, чья душа упокоилась с миром, искал сына. Он отыскал записи об отряде, погибшем при атаке монстров, о девочке, найденной в пустыне. Ее отправили в Кенигхэм и передали на руки дальней родственнице. Дядя нашел и родственницу. Но к тому времени девочка уже умерла. Не смогла пережить последствий нападения. И это все есть в письме. Вот, взгляни. Тебе этот язык хорошо знаком.

Он раскрыл на одной странице, где были вложены письма, фотографии, перевернутые лицевой стороной вниз, еще какие-то записки.

Стараясь дышать поглубже, я взяла письмо. Руки подрагивали. Почерк оказался на редкость неразборчивым, корявым. Я уже встречала такой на записке, приколотой к детскому платицу. В нем сложно было разобрать даже имя. И, конечно же, все штрихи и закорючки, выведенные чужой рукой, мне тогда врезались в память, оставшись в ней навсегда. В самом письме старуха рассыпалась в соболезнованиях и благодарила за обещанную материальную помощь, ведь она приютила сироту и, как смогла, позаботилась о несчастной. Радуюсь неожиданно свалившейся на нее крупной сумме, она плакала о несчастной Зофье и разделяла боль утраты.

— А вот это мой брат, — продолжил человек с издевательской улыбкой на тонких губах и поднял фотографию, повернув лицевой стороной ко мне. Я отшатнулась и врезалась в стену. — А это его жена.

Какой-то крюк или край картины вдавился в лопатки. У меня же совсем потемнело перед глазами, пятно света сузилось до двух лиц на фотографиях — мужчины и женщины. Двух до боли знакомых лиц, что я все эти годы ужасно боялась нарисовать в своей тетради и потому никогда не рисковала изображать людей.

— Знаешь, пап, а она и правда похожа на дядюшку. Гляди, или мне кажется?

Пока девушка разглядывала снимок, возвращенный мужчиной на стол, я уже почти не дышала. Меня держали только стена и этот крюк между лопатками.

— Ерунда! — он тоже наклонил голову.

– Волосы у нее другого цвета, а так... – продолжал доноситься из темноты голос.

Только темнота его все же победила. Я не лишилась чувств, нет, просто утратила ощущение реальности. Но было осознание, как меня поднимают с пола, тянут куда-то. Кресло? Хлопают по щекам, затем брызгают в лицо холодной водой.

– Эй, эй! Ты что? Доктора позвать? – В глазах у девушки светилось беспокойство.

Я помотала головой.

– Только этого не хватало! – услышала я над головой голос мужчины. – Она еще и болезная. Может, заразная. Нейя, думай впредь, кого тащишь в дом. В следующий раз просто зови блюстителей.

– Папа, извини... – Голос девушки опять прозвучал слабо и издалека. – Я больше не...

– Дай ей бумагу, еще, чего доброго, пожалуйется, будто мы виноваты...

– Эй, эй, – меня трясли за плечо, – мы тебя отпустим, если напишешь, что никаких претензий...

«Прости нас, милая, – тихий голос в ушах перекрыл громкий. – Прости нас, прости».

– Пиши! – снова велел кто-то, вкладывая в руку карандаш.

И я писала. Слезы стекали по щекам, каплями падая на бумагу. «Прости».

– Папочка, что это? – полный ужаса голос девушки из-за шепота других голосов.

«Зоя, не надо!»

Чудовища, чудовища вокруг. Лица.

Вскрик. Бумага дернулась под пальцами, но я писала. Слезам и расплывающимся кончиком карандашного грифеля. Мама в момент атаки чудовища, погибший отец, защитники спиной к спине, сжавшаяся на полу Мариона. И монстры кругом.

– Какой ужас! Отбери у нее, папа.

– Эй, девочка, девочка, слышишь? Успокойся!

Что-то прижали к губам, а карандаш с силой выдернули из ладони, но я еще пыталась, продолжала им писать, даже когда забрали. Хотела вырваться, оттолкнуть ту ужасную гадость, которую собирался

вливать в мое горло отравивший меня монстр. Я слышала звон, плеск воды.

– Держите же ее!

Последнее, что я ощутила, был болезненный укол в плечо.

– Привет.

Странно оказалось проснуться в мягкой кровати вместо неудобной кушетки. Замершая надо мной красивая девушка улыбалась чуточку виноватой улыбкой.

– Привет, Зофья. Как ты себя чувствуешь?

Я приподнялась на локтях, а затем подтянула ноги, лихорадочно ощупывая себя и пытаюсь понять, во что я одета. В то же платье, в котором гуляла накануне? Главное, чтобы была одежда, тогда я смогу уйти отсюда. Как только она отвернется. Никогда, никогда больше не стану потакать своим желаниям!

– Зоя, ой, Зофья, слушай, доктор сказал, у тебя шок и еще что-то такое с научным названием. Вчера он вколол сильнодействующее лекарство, и ты сразу свалилась, но он объяснил, что препарат помог тебя успокоить. А теперь прописал капли, их нужно три раза в день пить для восстановления. Вот.

Она протянула стакан с водой, но я и не посмотрела. Откинула одеяло и стала выбираться из кровати. Я уже нашла платье на спинке стула, на мне же оказалась какая-то рубашка, явно девичья.

– Ты куда? – девушка пораженно отступила с моего пути, когда я направилась к стулу.

– Меня ждут, мне пора на работу.

– На какую работу? Ты же нездорова! Зоя!

– Меня ждут, – я принялась натягивать платье поверх рубашки.

– Ты, наверное, немножко не в себе... доктор сказал, так бывает при сильном потрясении. Просто, просто слушай. Не нужно больше ходить ни на какую работу. Папа сказал, мы теперь тебя не оставим. Не бросим, как та мерзкая ведьма, слышишь? Мы же семья!

Семья. На миг это слово ударило меня, заставив скорчиться, как от боли. Семья. Очень странное, неподходящее слово. Неподходящее ко мне.

– Зофья, мы тебе верим. Честное слово. Как только увидели те рисунки... это страх просто! До сих пор у меня перед глазами, точно

живые! А еще там я видела, – она замялась немного, а я наконец совладала с отверстиями в одежде, просунув голову в расстегнутый рукав, – ты встречала защитников? Правда? Собственными глазами видела их? Они спасли тебя тогда? Или один из тех двоих? Когда поправишься, расскажешь о них побольше? Знаешь, ведь только в Кенигхэме есть крылатые воины. Как я вам завидую!

– Были, – я принялась выпутываться из рукава, послышался треск.

– Что – были?

– Были защитники, я их убила.

Рукав поддался, теперь голова попала наконец в горловину. Руки тоже нашли верные отверстия, но платье оказалось надето задом наперед.

– Тебе все еще нехорошо, – негромко проговорила Нейя. – Ложись, пожалуйста, обратно. У тебя очень сильное потрясение. Доктор сказал, воспоминания о доме послужили толчком к тому, чтобы освежить все последующие, и у тебя случился нервный срыв.

– Я не понимаю.

– Прости?

– Я не понимаю всего, что ты говоришь. Очень быстро. Я понимаю отдельные слова и смысл, но, пожалуйста, дай мне уйти.

– Послушай, – она шагнула ближе, но, увидев, как я дернулась, остановилась и заложила руки за спину, – хотя бы позавтракай с нами. Ведь все равно, где бы ты ни работала, папа это выяснит, и мы в любом случае больше не позволим тебе пропасть. Мы не можем, Зоя. Ради дяди, ради дедушки.

– Много слов.

– Я говорю с тобой на кенигхэмском, не притворяйся, пожалуйста. Мой акцент не настолько плох. И оставайся на завтрак.

У меня уже не было сил спорить.

Странный вышел завтрак. Он был молчаливым и сосредоточенным. Молчали мои соседи по столу, а сосредоточена была я. Жевала очень старательно, хотя не особо различала вкус.

– Не хочешь оставаться? – все же отец семейства прервал молчание. Он уже довольно долго изучал меня, как и слуги, подающие еду. Из всех только Нейя бросала непродолжительные наименее смущающие взгляды над тарелкой и снова возвращалась к еде.

– Нет.

– Почему так?

– У меня не было этого намерения.

– Намерения могут меняться. Да и разве не удобнее жить в доме, в собственной комнате, чем где-то на чердаке у одинокого мужчины?

– Он совершенно не смущает меня, – я даже не удивилась, с какой скоростью человек, которого, вероятно, следовало звать дядей, навел справки.

– Ты нездорова, тебе необходимо сперва вылечиться, а иначе и работу не сможешь делать хорошо.

Наверное, он бил наугад, совершенно случайно угодив в ту самую точку. Я всегда была чересчур ответственна, чтобы напортачить с собственными обязанностями.

– Доктор сказал, ты не в порядке.

– Ммм, – я положила в рот побольше еды и принялась усиленно жевать.

– Не хочешь, мы не настаиваем. Но поправиться стоит. А чем платить за лечение? С твоим заработком у этого проныры наскребешь разве что на порошок для больного горла. А здесь ситуация гораздо серьезнее.

– Случается, – очень хотелось, чтобы они оставили меня в покое. Есть же отличные родственники, которым нет дела до кровных близких. Ведь бросила меня та старуха в приюте, взяв деньги и не отважившись признаться, что о сироте она позаботилась именно таким образом. Иначе бы и обещанных денег лишилась. Хотя кто знает, может, это был лучший вариант заботы с ее стороны.

– Жизнь не дорога? – не вытерпел глава семейства. Его дочь сидела очень тихо и даже не пыталась продолжать есть. Наверное, в этом доме было не принято спорить с отцом.

– Не очень, – я подняла глаза над тарелкой.

Я видела, что ему было непросто совладать с эмоциями. Вероятно, хотелось просто крикнуть и стукнуть кулаком по столу, чтобы все приборы тоненько задрезжали. Да и кому бывало легко со мной?

– Вылечим тебя, и ступай на все четыре стороны, – в сердцах высказался мужчина. – А пока останешься здесь, и дело с концом! Этот твой работодатель сюда будет приносить чертежи. Идти обратно

в таком состоянии – значит наплевать на память брата и дяди. Коли осталась жива, так живи!

– Это просто смешно, – в отличие от него, я голос не повышала.

– Что смешно?

О, у меня всегда так хорошо выходило шокировать людей!

– Лечить меня. Говорят, я умом тронулась уже давно, и это не поддается излечению.

Было бы очень правильно, закричи он снова. Но только не так. Не эта острая жалость в глазах, побледневшие губы и его тихое: «Прости». Словно то давнее: «Прости, милая».

– Не нужно! – теперь закричала я и подскочила, и ударила ладонями по столу, так что разом зазвенела вся посуда. – Зачем вы заставили меня вспомнить все это? Зачем? Я так давно позабыла. Я не хотела помнить! Осталась жива, так живи? Правда? Правда?! Зачем? Почему я не сгорела в его огне? Почему? Я даже не знаю, живы ли они! Я даже не верю, что они живы!

– Лекарство, – его бледные губы снова шевельнулись, – лекарство! Несите сюда, быстро!

Сколько можно встречаться с этим доктором? Я его попросту ненавидела. Ненавязчивое внимание, забота до зубовного скрежета.

– Странная болезнь, – говорил он. – Непонятная. Я не вижу физических повреждений.

– Вы отличный доктор, – отвечал тот, кто назвался моей семьей. – Ваши советы всегда были верными. Все, что говорили, оказывалось правдой. В свое время вы спасли мою маленькую дочку, когда не было возможности сохранить жизнь ее матери. Просто скажите, что еще мы можем сделать?

А потом этот противный доктор кивнул на дверь, и они вышли, оставив меня лежать в кровати и смотреть в окно.

* * *

– Сложный случай, конечно, – доктор почесал кончик носа, – обычно мне удается найти общий язык с пациентами, они рассказывают о том, что их гложет, им становится намного легче. С

девушкой сложно. Она не хочет открываться. Излей она собственную боль, это было бы подобно вскрытию нарыва и помогло заживить рану. Зофья не желает излечиться. Ее тоска в душе ведет и к физическим недугам, хотя в целом организм очень молод и вполне здоров.

– А что вы посоветуете?

– Зависит от того, насколько вы готовы потратить силы, время и средства, чтобы позаботиться о ней.

– Знаете, доктор, – человек, которого Зоя называла исключительно по имени – Малхадж, но никогда дядей, повернулся к окну. Взгляд его рассредоточился. – Пускай он был двоюродным братом, но дружили мы крепче, чем порой родные. И во время войны, когда всем тяжело пришлось, он рискнул, уехал сюда, на границу, обзавелся жильем, но не забыл ни про меня, ни про мою семью. Денег прислал, наверное большую часть собственных сбережений, позвал приехать к ним. Мы рванули, но немного опоздали. Зато его деньги помогли нам выжить, хоть жена и подорвала здоровье в ту пору. Потом вот приехали сюда, а дом уже был пуст. Еще помню, как дядя мучился, искал сына. Найди он эту девочку, был бы счастлив. Внучка, родная кровь. Кто еще у нее есть?

Доктор положил руку ему на плечо.

– Чувствуете себя обязанным?

– Да что там! – Малхадж махнул рукой. – Видели, дикарка какая? Ничего ей не нужно! Никто ей не нужен! Она ведь ненамного старше моей дочки. Жаль ее, натерпелась. Помочь хочу и брату долг возвратить.

– Есть ли места, что она любит, где ей радостно и спокойно?

– Да какие у нее здесь места? Пустыню ненавидит, это точно знаю. Может, в Кенигхэме у нее что есть. Дочь говорит, Зофья там в школе при гимназии училась, вроде как о тех временах спокойно вспоминала.

– Если есть возможность, свозите ее туда.

– В Кенигхэм?

– Пускай вернется домой, затем посмотрим. Может, захочет остаться, вернуться к учебе? Мало ли как сложится. Излечим ее душевные раны, тогда и начнет поправляться. Нет ли дел у вас в той стране?

– Партнеры есть, но ехать сам и не думал, конечно. С другой стороны, взять Нейю, Зофью, показать дочке столицу, племяннице – ее родные места, с партнерами встретиться...

– Зоя, мы полетим в Кенигхэм!

– Куда? – я оторвалась от листа, на который переносила очередное здание. Быть занятой каждый день, делать нечто полезное для других отвлекало от ненужных мыслей.

– В вашу столицу! В Сенаториум. Здорово?

– Зачем?

– У папы там дела с партнерами, а нам – развлечение. Не хочешь ехать?

– Не знаю.

– Да ладно, – в голосе Нейи прозвучало дикое разочарование, – как так?

Как? Просто ужас охватил. Стало действительно страшно. Сидя тут, прикрываясь бесполезным лечением, я могла оттягивать момент, когда точно узнаю, что случилось после моего исчезновения.

Опустив голову, вновь принялась чертить на бумаге.

– Не поедem, да? – тихо и грустно спросила Нейя, словно именно я решала, состоится ли столь желанное ею путешествие.

– Разве от меня зависит?

Прочерченная линия пошла криво и совсем-совсем неправильно.

– А знаешь, почему у нас крыша синяя?

– Что?

Девушка присела на край стола, за которым я работала.

– Мы раньше жили в других местах, а там дома были все белые, но крыши разных цветов. И черепица была такая яркая, веселая, а еще цветы на подоконниках и у дверей, и в маленьких садах.

– Ты разве помнишь? Ты еще не родилась тогда.

– Папа рассказывал. Повсюду пахло цветами. И на каждой крыше раскачивались забавные флюгеры. Тот дом с синей черепицей построил дедушка, а флюгер – это какой-то покровитель рода. Как раньше верили в духов, знаешь?

– Не знаю.

– Я могу много рассказать. У нашей семьи много интересных историй, а на чердаке есть сундук, набитый всякой всячиной. Куча

памятных вещей. Я знаю историю каждой. Там даже есть деревянная игрушка, которой в детстве играл твой отец. Интересно?

Я пожала плечами.

– Должно ведь быть интересно!

Она искренне так считала и постоянно порывалась поведать мне ту или иную историю из прошлого, которым гордилась.

– Я не росла в этой семье, она мне чужая.

Наверное, я сильно ее разозлила. Девушка резко соскочила со стола и встала надо мной, уперев кулаки в бока.

– Чужая?

Я устало подняла голову. Вот ей нейметя. И почему, если тебе нет дела до других, эти другие никак не оставят в покое?

– Чужая, да? Кого пытаешься обмануть? Родителей ведь ты не забыла!

Я потерла виски и вздохнула. Нейя настырная, а Малхадж упорный, у меня же закончились моральные силы, чтобы бороться с ними и их активным желанием сделать меня частью семьи.

– Хотите ехать, поехали.

Глава 15

Малхадж шел по улице величаво, степенно, держа под руку Нейю, умело маскируя свой интерес, а вот девушка вертела головой по сторонам и с восхищением изучала все, что попадало в поле ее зрения. Периодически она вдруг вытягивала ладонь, ловила меня за запястье и шепотом спрашивала:

– А вон там не защитник?

– Нет.

– А вон тот?

– Нет.

– Да как их отличить?

– Красивые, – коротко пояснила я, – идеальные. А еще есть нашивка на плече в виде крыльев.

– О, вон там, мне кажется, что-то есть на рукаве...

– Не пора ли пообедать? – Малхадж повернулся ко мне. – Где у вас здесь лучшая ресторация?

– Знаю лишь один ресторан, – я равнодушно махнула рукой, приблизительно указав направление, где находились те самые торговые ряды и роскошный «Сэйкуэр», куда отводила меня Ирэн.

В этот раз внутрь мы вошли совершенно спокойно. Свободный столик оказался в нашем распоряжении, поскольку кто-то отказался от брони в последний момент. Малхадж и Нейя с удовольствием выбирали блюда, а я то и дело бросала взгляды на дверь или в сторону окон, пока сама на себя не разозлилась. Глупо ведь полагать, будто я снова столкнусь здесь с Каролиной. К моему разочарованию, сегодня даже аркис с золотой ливреей были незнакомые. Определенно, это оказалась чужая смена.

И отчего выходит именно так? Думаешь, вот он, шанс все выяснить, но судьба тянет и тянет, вытягивает из тебя жилы, пока волком не завоешь.

– Здесь и правда вкусно кормят, – проговорил Малхадж, с удовольствием отведав принесенное блюдо. – Зофья, ешь больше, а то клюешь, словно птица. Доктор велел хорошо питаться.

Со вздохом я привычно принялась наполнять ложку и механически отправлять в рот, поскольку порой создавалось ощущение, будто Мадж все эти ложки считает.

Мужчина молча покачал головой. Вряд ли ему приходилось сталкиваться с настолько неблагодарным существом, которое даже вкуснейшее блюдо ело с таким видом, будто его пичкали ядовитыми змеями.

— А что у нас дальше, папа?

— Дальше мы отправимся в школу Естествознания.

— Мою школу Естествознания? — Ложка громко стукнула о блюдец.

— Да. Я подумал, тебе будет интересно ее посетить. Кроме того, необходимы оригиналы документов для официальных бумаг, чтобы заменить твой временный...

— А выслать их не могли?

— Могли. Но всегда вернее забрать лично, тем более мы уже здесь. Ты наелась?

Я посмотрела на не имеющую вкуса еду, обнаружила перед собой воздушное пирожное и слабо удивилась тому, что уже дошла до десерта. Мысленно помянула недобрым словом доктора и отломилла ложечкой край зеленой лужайки.

Сказать, что директор удивился нашему появлению, значит ничего не сказать — у него случился настоящий шок. Он раз десять произнес вслух мое имя с разными интонациями и, может, еще повторил бы несколько раз, но тут вмешался Мадж:

— Что-то не так?

— Что-то?

Директор не сразу нашелся с ответом и нервно рассмеялся.

— Право же, — он вытер испарину со лба, — ничего особенного. Просто в этом вот рабочем столе есть списки, ну, знаете, экспедиция и все такое. Согласно официальной версии, Зоя не может стоять сейчас передо мной, поскольку она не вернулась из пустыни. Она там погибла.

Он посмотрел на меня, я оглядела себя. Нейя и Мадж переглянулись.

– То есть ты жива? – спросил директор. – А раньше объявиться никак не могла? Вообще, можешь себе вообразить, каково отчитываться о гибели ученицы? Перед начальством, перед курирующими органами, перед... Даже не знаю, перед кем еще пока не отчитался!

– Ну, – пожала плечами, – напишите им, что я жива, а произошло недоразумение.

– Альберга взяла ответственность на себя, и только поэтому я еще стою здесь. Но нас лишили возможности организации экспедиций!

– Вероятно, теперь передумают?

– У нас отобрали грант!

– Кому-то он нужнее?

– Немедленно прекрати пререкаться...

– Погодите, – Малхадж встал и примирительно поднял руки, призывая к спокойствию. – Зоя, давай ты немного пройдешься по школе, возьми Нейю, а мы тут все обсудим с твоим директором...

– Бывшим директором, – поправил его побагровевший глава учреждения.

– Да, да, так вот, идите погуляйте, покажи Нейе все. Идите.

Когда мы выходили и закрывали дверь, до меня долетел приглушенный голос Маджа: «Понимаете, она нездорова...»

Я хмыкнула и повернулась к замершей рядом девушке. Уж кому-кому, а директору объяснять, что Зоя не в себе, – только зря время терять.

– Куда мы пойдем? – спросила Нейя. – Может, покажешь комнату, где жила?

– Ты слышала директора? Подозреваю, там уже не осталось моих вещей.

– Но есть место, которое тебе хотелось бы увидеть? У вас есть сад?

– Знаешь, я бы сходила кое-куда, но...

Но мне вновь стало страшно и заболело в груди.

– Пойдем куда скажешь.

Нейя ухватила меня за руку и крепко сжала, словно почувствовала. А еще она молчала, не сыпала вопросами, как совсем недавно, пока бродили по городу. Девушка первая потянула меня с места, на котором я застыла.

– Идем.

И мы пошли. В школе было время занятий, а потому в коридорах стояла тишина, и никто не попался навстречу, когда вдвоем мы подошли к кабинету Нейтона. Я остановилась перед дверью и прикрыла глаза. Знала, что увижу внутри. Тот самый стол со следами попыток снять со столешницы дневник. Кресло с расшатанными ножками, где любил сидеть преподаватель. И кабинет наверняка отдали другому... а если дневник до сих пор там?

Нейя сама постучала, затем толкнула дверь, услышав приглушенное: «Войдите». Она же затянула меня следом.

– Вы нас простите за беспокойство, моя сестра училась здесь раньше, мы просто хотели взглянуть.

– На что? – уточнил обитатель кабинета, а у меня екнуло сердце. Подняв голову и оторвав взгляд от дощатого пола, я увидела за старой подпиленной столешницей Нейтона.

– Зоя? – он был удивлен, я была ошарашена. – Зоя!

Он так обрадовался, пытался привстать в своем кресле, а я не могла двинуться с места.

– Иди, иди сюда!

– Я помогу вам, – Нейя кинулась к нему, а он смеялся и смотрел на меня, совершенно счастливый.

– Не нужно, не нужно, я пока с трудом хожу. Зоя! Подойди.

Они беседовали, я слушала. Нейя задавала вопросы, Нейтон рассказывал. Говорил об экспедиции, о том, что сам помнил, а помнил он не очень много. Я слушала и вздрагивала, лишь когда он произносил: «Братья тен Лоран, но вы, наверное, слышали. Ах, вы не слышали? Но как же...»

«Настоящие защитники!» – восклицала Нейя. Оба периодически обращались ко мне с какими-то вопросами.

– Ну да, защитники. Они были с нами в Альберге. Удивительные, удивительные создания!

– Зоя, почему ты не рассказывала?

– Как, она не рассказывала? А ведь старший брат удивительный хирург, просто волшебные руки. Вытащил меня буквально с того света. Правда, до конца восстановиться непросто, особенно в моем возрасте, я сейчас больше сижу, но у меня есть замечательные трости,

очень красивые. Их подарил младший брат, когда приходил за дневником.

Мне точно пощечину влепили, едва смысл слов пролился в сознание, будто кипяток.

– Зоя, знаешь, я отдал ему тетрадь. Ту, помнишь, в которой ты все рисовала. Ирэн привезла с твоими вещами.

У меня сдавило горло, поэтому я продолжала молчать. Перед глазами снова темнело, голова закружилась.

– У Зои была любимая тетрадь, она всегда в ней рисовала, даже на занятиях. Она хорошо рисует, вы знаете?

– Зачем? – я с трудом выдавила из себя, а они сперва не расслышали.

– Что?

– Зачем отдали?

– Он попросил на память.

– Значит, они все... все...

– Что? Ты так тихо говоришь.

– Все... живы?

– Она говорит «все живы», – подсказала Нейя.

Учитель наморщил лоб.

– Не все. – Сердце опять остановилось. – В Альберге точно были погибшие. Помню, об этом говорили, когда я очнулся. Еще видел многих защитников, среди них оказались раненые. В той палатке было много раненых. Младшему брату тоже досталось, мы делили соседние кровати. Очень приятный молодой человек. В отличие от Трена, который и рта не раскрыл, он разговаривал со мной. Ни капли спеси, вы знаете? Такой род, но так прост в общении. Много говорили о тебе, Зоя, он спрашивал.

Я сжала руки. Так сильно ныло в груди, а Нейтон продолжал:

– Потом все уехали сюда: оба брата и жена старшего. Красивая такая девушка. – Я осела на стуле. – Летели одним аэростатом. Младший вернулся домой, у него ведь много обязанностей, старший, кажется, планировал передать свой пост в Альберге кому-то другому, какому-то эниту. Имя подзабылось. Но помню, что солидный мужчина, опытный. Произвел впечатление настоящего специалиста и тоже отлично работал там в палатке. Они говорят, Альберга теперь начнет развиваться и расти, а новый источник тоже осваивают. Стало гораздо

проще. Если кто-то из монстров выжил, то явно немногие. Зоя, мы можем закончить нашу энциклопедию. Она станет данью истории Кенигхэма. Я как раз над этим работаю. А директор не стал возражать, даже оставил на должности, но с определенными ограничениями. Первое время меня хотели снять.

Он вздохнул.

– Как раз Арриен тен Лоран был здесь в кабинете, а после ушел с директором. Так что скажешь, Зоя?

Я бездумно кивнула, не слыша вопроса.

– Все трое в порядке.

– Что, что?

– Все тен Лораны в порядке.

– Конечно. Я же только что рассказал. На днях вот снова виделся с супругой старшего. Невероятно мила и хорошо воспитана. Специально приехала и лично вручила приглашение.

Если на сердце и может стать легко от чьих-то слов, то Нейтон меня исцелил. Не полностью, конечно. Ведь и сам арис не сумел восстановиться до конца. Никто из нас не сможет. И я всегда буду помнить, причиной каких жертв я стала.

– Значит, мне потребуется больше изображений. Ирэн передала некоторые зарисовки, что ты сделала в пустыне. Думаю, она тоже будет рада тебя увидеть. Правда, она здесь больше не учится. Перевелась в другое место следом за Треном. Его позвали к боевым магам. Очень хорошо проявил себя в Альберге, – пояснил учитель слушавшей с интересом Нейе, – на имя директора поступил персональный запрос, вот парень и ушел.

– Благодарю вас, арис, – произнесла я искренне, поднимаясь со стула. – Мы пойдем.

– Как, уже?

Нейя тоже удивилась.

– Да. Ведь пора возвращаться.

– Ну, если пора, – он неловко заерзал в кресле и потянулся за прислоненными к столу тростями.

– Не провожайте, пожалуйста.

– Зоя, ты пришлешь рисунки? Столько информации уже собрали. Ведь не напрасно?

– Да, да, конечно. Пришлю. Много рисунков. – К глазам то и дело подступали непрошеные слезы. С ними было сложно бороться. На тошноту и накатывающую темноту я уже перестала обращать внимание. – Я видела массу чудовищ, арис Нейтон, я помню их.

– Моя талантливая Зоя! – он смотрел с прежней счастливой улыбкой, пока я нащупывала ручку за спиной.

– До свидания, арис.

– Еще наведишь меня?

– Конечно, когда-нибудь.

Я вылетела в коридор, а за спиной Нейя вежливо прощалась за нас обеих.

– Всего вам хорошего, не болейте. Берегите себя.

– И вы. А знаете, возьмите приглашение, мне оно без надобности, какой тут вечер...

Голос учителя удалился и затих, а Нейя нагнала меня уже в конце коридора.

– Зофья, – воскликнула она, – ты словно сбежала! Куда ты так торопишься? Папа пока нас не искал. Это не самый любимый твой учитель? Он, конечно, обожает поболтать, но вполне милый старик. А еще он...

– Нет, нет, вовсе нет. – Я покачала головой, направляясь прочь, к ступенькам, к выходу из школы. Моя путеводная нить, та самая воля к жизни, побуждала уехать, оставить Кенигхэм позади, чтобы больше никогда не возвращаться к прошлому, чтобы иметь шанс жить дальше. Хотя бы призрачный шанс.

– Да тебя шатает! Зоя, обопрись на меня, – она поднырнула откуда-то снизу, подставляя плечо.

– Я в порядке.

– Пойдем найдем папу.

Нейя трещала без умолку, все что-то говорила Маджу, а тот кивал. Я не сразу поняла, о чем речь, поскольку совсем не слушала, поглощенная собственными мыслями.

– Вот этот магазин выглядит вполне прилично. Зоя, как думаешь?

– А?

– Мне нравятся платья в витрине? А тебе?

– Да, вполне.

– Ты уже достаточно отдохнула? Или все же в гостиницу? – уточнил Мадж.

– Да, достаточно.

– Это хорошо, что до завтра есть время, – вновь зашебетала Нейя, – я бы предпочла сшить на заказ, но уже не успеваем.

– Выглядеть нужно достойно, – поддержал Малхадж, – не каждый день поступают подобные приглашения. Заходите сюда, а я отправлюсь в магазин напротив. Отсюда вижу неплохие мужские костюмы. И не экономьте, девочки.

Нейя толкнула дверь и взяла меня за руку. Нас окутало ароматом духов и шелестом блестящих тканей. Две девушки бросились навстречу, стоило оказаться внутри.

Я нахмурилась и огляделась, а Нейя затараторила:

– Нам нужно два вечерних наряда.

Помощницы мигом кинулись выполнять пожелание, а девушка толкнула меня плечом.

– Папа ужасно доволен. Он говорит, этот прием точно придаст ему веса в глазах партнеров. Едва ли кто-то из них попадал на подобный.

– Мы идем на прием? Ради партнеров Маджа? Я думала, что едем домой.

– Зофья, ты разве не слышала? Мы полетим послезавтра утром. Папа уже поменял билеты.

– Он не взял у перекупщика? – ужаснулась я.

– Нет, конечно, – отозвалась Нейя, глядя на меня в некоторой растерянности. В этот миг ее отвлекла помощница, подносящая платье. – О, красота какая! Я хочу примерить. А Зое вон то зеленое, пожалуйста.

Нас мигом разделили, поведя в разные примерочные. Честно говоря, мне совершенно не хотелось ни на какой прием, как, впрочем, ничего не хотелось в последнее время. Правда, я не знала способа сказать об этом возбужденной девушке и ее довольному отцу.

Со вздохом я подняла руки, позволяя шелковой ткани скользнуть вниз, а затем послушно развернулась спиной к помощнице, давая той заняться застегками. Надо было слушать внимательней, а не уходить полностью в свои мысли. Вот умудрилась согласиться на посещение какого-то мероприятия. А теперь отказываться поздно. С другой стороны, если не начать спорить, то можно избежать неприятных

моментов, обид и новых попыток меня переубедить. Схожу с ними, посижу тихонько в сторонке, а на следующий день улетим в Лланур.

– Зоя? Как тебе платье? – донесся голос Нейи из соседней примерочной.

– Оно превосходно село, – тут же проворковала помощница. – Смотрится идеально и подходит к прекрасному оттенку волос. Или желаете посмотреть что-то еще?

Я отрицательно качнула головой:

– Нет. Хорошее платье. Где у вас здесь можно присесть?

– О, одну минуту, – помощница снова занялась застегками, а когда помогла избавиться от легкого наряда, выскользнула за полог примерочной. – Мы приготовим для вас чай. Отдохнуть можно на диване, пока ваша подруга занята примеркой, – проговорила она.

Я снова вздохнула, подозревая, что Нейя вряд ли довольствуется первым нарядом. Но в итоге оказалась не права. Девушка перемерила несколько, а остановила выбор именно на первом.

Когда мы покидали магазин, снаружи мы встретили прохаживающегося Маджа.

– Я думал, вы провозитесь дольше, – улыбнулся он.

– Папа, это отличное место. У них есть аксессуары к нарядам и даже туфли. Полный комплект. С наших ног сняли мерки, а завтра все пришлют прямо в номер к обеду.

– Как раз достаточно времени до вечера, чтобы навести красоту, – улыбнулся мужчина и подмигнул нам обеим.

Не знаю, какие партнеры были у Маджа, но явно из очень состоятельных людей. Количество экипажей, заполонивших подъезд к городскому особняку, меня действительно удивило. Даже пришлось встать в очередь, которая медленно продвигалась вперед. Не скажу, что прежде размышляла о том, сколько же денег у самого Малхаджа, но, видимо, его дела шли весьма успешно. А я, пожалуй, ужасная эгоистка, ведь за все время ни разу не поинтересовалась, чем он занимается.

– Красивый дом, – обратилась ко мне Нейя. – Правда?

Я бросила взгляд издали. Особняк был явно старинным. Четкие строгие линии и детали изящной отделки придавали ему законченный

вид. Никакой вычурности. А еще удивительное ощущение, будто все строение каждой своей линией стремится ввысь.

– И правда красивый.

– Зоя, если устанешь, сразу скажи мне, – проговорил Мадж, – наверняка на подобном приеме предусмотрены места для отдыха.

– Хорошо. – В общем-то, уставшей я ощущала себя теперь постоянно, но предложение Маджа отвечало желанию тихонько посидеть в сторонке до нашего отъезда.

Каждый экипаж останавливался у парадной лестницы, а после ехал дальше. Выйти из него помогали слуги. Они открывали дверцу и подавали руку, а потом все прибывшие поднимались к двустворчатым дверям, где вручали приглашения сразу нескольким аркисам в красивых ливреях. И на подходе к верхней ступеньке я споткнулась и едва не слетела с лестницы.

– Зоя, осторожней, – Мадж подхватил меня под руку, а с другой стороны под локоть быстро взяла Нейя, я же ошарашенно вскинула голову, рассматривая знак над крыльцом – отчеканенные в камне крылья. Да, мне не почудилось. Символика на ливреях полностью совпадала с изображением на особняке. У меня совершенно пропал голос, а сзади уже напирали другие приглашенные, и Мадж с нервной улыбкой протянул наше приглашение. Слуга вежливо улыбнулся в ответ, опуская глаза, но тут же вскинул их, безмерно удивленный, поскольку я вырвала из его пальцев карточку, сама вчитываясь в написанное.

«Каролина и Мариона тен Лоран будут рады видеть Вас – прочерк для имени, в которое вписано имя Малхаджа – на благотворительном вечере, посвященном сбору средств на восстановление оазиса Альберга. Просьба прибыть к восьми часам вечера. Форма одежды: вечерний костюм для мужчин и вечернее платье для женщин». Далее шла графа спутник/спутница, под которой от руки было написано: «По желанию приглашенного». А сверху шли наши с Неей имена. И адрес.

– Прошу прощения, – с чрезмерно вежливой улыбкой слуга быстро вытянул из моей ладони приглашение. Внимательно прочитал и с легким поклоном указал на вход в дом.

– Мне очень надо присесть, – прошептала я Маджу, пока они оба вели меня вверх по лестнице в общем потоке приглашенных.

– Конечно, конечно, сейчас отыщем местечко.

Покинуть людскую реку было попросту невозможно, нас всех вынесло к широкой площадке, где находился вход в зал.

– Как оригинально, – проговорила Нейя, когда Мадж заставил нас свернуть сразу к двустворчатым дверям. – Вместо ящика для сбора пожертвований статуя. Красиво придумано, да, папа? Деньги опускают в отверстие на пьедестале. Каждый вносит сколько пожелает, все равно никому не удастся подсчитать.

– Очень красиво, – отозвался Малхадж, когда я оглянулась через плечо, ожидая увидеть фигуру из мрамора, застывшую в скорбной позе и оплакивающую погибших в Альберге, но ошиблась. Защитники и здесь оказались верны себе, не выставляя напоказ эмоций, избегая малейших проявлений дурного вкуса. Это была фигура девушки, невысокой, очень стройной, поднявшей голову к небу. Хрупкие ступни, казалось, вот-вот понесут ее вперед, а сквозь песок под ногами пробивалась робкая трава. Новая жизнь Альберги. Оазис, свободный от чудовищ.

– Она даже немного похожа на Зофью. Удивительно. Папа, ты заметил? – проговорила Нейя.

На меня? Я сдержала нервный смешок. И правда, почему не придать статуе, олицетворяющей едва не погибший оазис, облик монстра, создавшего переход для чудовищ?

– Непременно рассмотрю позже. Обязательно внесем пожертвования, только сначала усадим Зофью.

Нас втянуло в огромную залу. Понятия не имею, как обычно устроено на приемах, но такой огромный благотворительный вечер организовали с большим размахом. В нем все было продумано для немалого числа гостей. Закуски и напитки – остаться голодным не грозило никому, – диваны и кресла вдоль стен, где можно было отдохнуть, если устали ноги. Музыканты наигрывали приятную мелодию. В распахнутые окна веяло прохладой. Мне быстро отыскалось свободное место у стены, поскольку никто еще не успел устать. Мадж усадил меня в кресло, а Нейя на секунду отлучилась и тут же вернулась с двумя бокалами в руках, один из которых протянула мне.

– Ой, – я поперхнулась пузырьками игристого вина.

– Прости, – девушка сделала большие глаза, – перепутала.

Она перевела взгляд на другой бокал и протянула мне.

– В этом вода. Ох, Зоя, заставляешь же ты понервничать.

Пузырьки немного ударили в голову, и ко мне вернулся голос.

– Спасибо, – я вцепилась в тонкую хрустальную ножку, забыв принять другой бокал.

– Ты как? – уточнил Мадж. – Следовало дольше отдохнуть перед приемом.

– Я хорошо отдохнула. Просто меня поразило великолепие всего... – я махнула рукой. – Сейчас немного посижу, и порядок.

Мадж, убедившись, что я выгляжу вполне вменяемо, оставил меня на попечение Нейи и отправился к статуе для пожертвований, я же, напротив, постаралась как можно надежнее слиться со стеной, не рискуя рассматривать интерьер или выискивать кого бы то ни было за снующими людьми. Благо они превосходно закрывали весь обзор.

– Откуда у нас приглашение, Нейя?

– Как откуда? – удивилась девушка. – Учитель отдал.

– Да?

– Арис Нейтон. Ты забыла? Это его приглашение. Он сказал, что ему пока непросто посещать подобные вечера, а уж балы тем более. Ба-а-ал, – протянула она мечтательно, – волнующе, правда? Вдруг удастся с защитником потанцевать?

Я судорожно кивнула. По всему выходило, что семья тен Лоран из сострадания к несчастному Нейтону прислала тому приглашение на благотворительный бал, не ограничив ни в выборе количества приглашенных, ни в возможности передать эту карточку кому-то из знакомых, если он сам вдруг не сможет пойти. Вот такая демонстрация расположения и поддержки. Вряд ли многим выпадала подобная честь. Тен Лоранам и в голову не могло прийти, что вместо Нейтона здесь окажусь я. Мне такое тоже и в страшном сне не приснилось бы. И ведь сама согласилась, оделась по случаю. Вместе с Неей, которая светится от счастья и возможности собственными глазами увидеть защитников да еще побывать на их вечере.

Цахарис! Как я могла все это пропустить?

Нейя вновь что-то спрашивала.

– А?

– Мы же не уйдем прямо сейчас?

Я покачала головой.

Нет, конечно же, нет. Вы не уйдете. Я и сама смогу добраться, только дождусь, когда чуточку меньше будет кружиться голова, и сразу пойду. Незаметно прокрадусь к выходу. В такой толпе это будет легко. А слуге передам для вас сообщение, чтобы не волновать лишний раз.

Я улыбнулась чуть подрагивающими губами.

– Мне уже лучше.

Пригубила из бокала, маскируя дрожь, и тут же вспомнила, что так и не обменяла его на воду. Пузырьки снова защекотали язык, но стало чуточку легче.

– Хочешь, сходи осмотришься. Здесь наверняка много приглашенных защитников. Я еще посижу.

– Правда? – она просияла улыбкой. – Тогда взгляну одним глазком. Очень понравилось оформление зала, стоит рассмотреть поближе.

И она упорхнула, оставив меня одну.

* * *

Мариона шла по коридору, собираясь присоединиться к остальным и незаметно влиться в ряды гостей. Пока хозяева вечера возьмут слово и поприветствуют собравшихся, она войдет в зал. Ей не нравилось, когда приходилось помпезно входить в распахнутые настежь двери, пока звучное имя твоего рода громко выкрикивали гостям, а те немедленно оборачивались. Уже столько лет ничего в поведении высшего общества не менялось. Потом они еще формировали этот широкий проход, расходясь в стороны. Поэтому Маришка очень надеялась остаться незамеченной, иначе полвечера будут обсуждать, почему жена Эсташа тен Лорана пришла позже остальных. С чем это связано?

Каролина настояла, чтобы невестка как следует отдохнула перед балом, хотя девушка и не планировала танцевать до рассвета. Ясно, что не в теперешнем состоянии. Однако забота свекрови не знала границ. Впрочем, Маришка, решив не спорить, и правда прилегла на несколько минут, а в итоге крепко уснула. Удивительно, что с организмом творит беременность. Девушка готова была спать в любое время.

Эсташ осторожно склонился над ней и поцеловал, а открыв глаза, Мариона ахнула:

– Ты уже оделся?

Он улыбнулся, а потом вдруг сгреб ее в охапку и бережно обнял. Привычно разместившись на мужниных коленях, пока он удобно устроил подбородок на ее макушке, Маришка наслаждалась чудесными мгновениями близости.

– Большие благотворительные приемы хороши тем, что не нужно встречать гостей у дверей. Простождемся, когда все соберутся, а затем скажем речь. Подходи к этому моменту.

– Все равно кто-нибудь непременно заметит меня в дверях и начнутся приветствия, – вздохнула Мариона.

– Тебя сложно не заметить, – улыбнулся Эсташ, а затем нехотя разжал руки. – Увидимся на балу. Вы подарите мне танец, сабен^[20] тен Лоран? Или два? Или три?

Он галантно поцеловал ей руку, а Маришка рассмеялась.

– Лестное предложение. Я непременно его обдумаю.

Помнится, в свое время Ирэн пыталась провести меня на подобный вечер, а я отказалась. Понимала, что буду не к месту. Теперь мы мало выделялись из толпы: прически, платья – все как положено. Мадж разорился на приличную сумму. А ведь они с Неей даже не понимали, что сопровождают на вечер ту, кого защитники меньше всего желали бы тут видеть. Мероприятие, посвященное сбору средств для Альберги, а на нем я, про которую защитники думали, будто, подобно остальным монстрам, обратилась пылью в той пещере.

Я сделала глоток побольше. Вино помогало дрожи в коленях отступить. А вообще, хорошее вино. Не то чтобы я пробовала нечто подобное прежде, но уверена, на таких мероприятиях все очень хорошее.

Я попыталась встать с кресла и снова обрадовалась, как удачно меня отпустили дрожь и головокружение, только колени стали совсем мягкими. Такими ненадежными. Однако, если идти осторожно, никто ничего не заметит. Платье длинное, оно скроет нетвердость походки.

Главное – не задумываться, какой мог бы разразиться скандал, тогда и снова нервничать не придется. Хотя, может, и не разразится. Это ведь защитники. Просто вежливо попросят удалиться. Как они это

умеют. Вежливо и холодно, так что мороз пробежится под кожу и глаза защиплет от непролитых слез. Только сперва им понадобится время прийти в себя после моей непомерной наглости.

Цахарис! Да что я все рассуждаю! Следует поторопиться и уйти отсюда.

Я осторожно огибала гостей, только парочку раз неловко кого-то толкнула.

— Простите, извините.

Кто-то шикнул в ответ, кто-то недовольно покосился на меня, а потом все головы повернулись в другую сторону, а я с размаху влетела в какого-то мужчину.

— Поосторожней, ознэ. — Молодой человек скривился, словно наелся кислоты, но я даже не извинилась. Я и с пути-то сбилась, поскольку услышала голос. Такой знакомый, такой... нет, просто не думать об этом, просто уйти.

Обычные приветствия от главы рода и благодарность всем за то, что пришли. Знакомый, глубокий, спокойный голос звучал в ушах, оглушая, лишая возможности слышать иные звуки. Напрасно я надеялась на собственную выдержку, на то, что смогу вынести подобное испытание.

— Прошу прощения, — другой голос прорвался сквозь мое оцепенение, когда я практически начала задыхаться, — вы не могли бы не цепляться за меня?

Я все еще стояла рядом с молодым человеком, на которого налетела, когда Арриен заговорил, и сжимала обтянутое дорогой тканью предплечье. Машинально я бросила взгляд на плечо и выдохнула — не защитник. Тот бы почувствовал, любой бы из них не отступил так легко в сторону, едва я разжала и сняла с чужой руки пальцы. Теперь следовало снова извиниться, но я и не подумала. Просто продолжила свой путь к дверям.

Створки уже маячили перед глазами, немного неровно, чуть кренясь в сторону, но они обозначали выход.

— Ой!

Я снова на кого-то налетела, ведь все плясало и дергалось вокруг.

— Зоя? — Наверное, только звук моего имени, произнесенный знакомым тоном, мог вернуть меня в реальность. Я подняла глаза и по цвету лица сравнялась с замершей напротив Марионой тен Лоран. А ее

кожа была бледнее выточенной из алебаstra статуи. Вероятно, именно так выглядит человек, увидевший привидение. Когда с лица сходит вся краска, глаза темнеют и становятся просто огромными, а в них отражается неверие.

Я ни слова не ответила. Резко развернулась и кинулась прочь, пытаюсь спастись в толпе гостей, слушавших слова и приветствия остальных представителей семейства. Гости были очень недовольны, что я создаю сутолоку, что мечусь, словно одичавший пустынный монстр, которого поймал в ловушку огонь защитника. Но мне ведь следовало бежать совсем в другую сторону, мимо Марионы, к лестнице. Теперь я была бы уже внизу, уже вырвалась бы отсюда.

Наверное, она бросилась за мной. Не знаю. В какой-то момент я споткнулась. Люди вокруг смотрели, точно на сумасшедшую, особенно когда я полетела на пол и упала на колени. Когда сбоку протянули руку с желанием помочь, я проигнорировала ее и сжалась, обхватив себя за плечи. Застыла в ужасе, ожидая, что теперь будет, в панике переводя взгляд с одного лица на другое.

И вдруг я снова увидела ее. Для нее люди расступались, стоило им обернуться и заметить темноволосую девушку с красивой заколкой в виде крыльев в темных волосах.

Она не успела подойти близко. За ее спиной возник защитник. Появился ниоткуда, положив на плечо руку и склонившись, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Успокаивал или спрашивал о причине тревоги, безошибочно ощутив беспокойство любимой женщины и мигом отыскав ее среди массы людей. Встал рядом, словно укрыл невидимыми крыльями, проследил направление взгляда... В лице энсгара не дрогнул и мускул. Человек, спасший столько людей, сохранивший жизнь даже Нейтону, конечно, не побледнел при виде меня, он посмотрел спокойно, почти равнодушно, но на самом деле в глазах не было и капли равнодушия. Взгляд был пронзительным настолько, что я не смогла выдержать и опустила голову. Он ведь имел полное право меня ненавидеть за попытку погубить самое драгоценное существо в его жизни.

Среди гостей наступило еще большее замешательство. Ропот разговоров, до этого смолкших, чтобы внимать приветственным речам, возобновился. Приветствие прервали. Затем людское море пришло в волнение, волны подкатывались ближе к источнику, вызвавшему

необъяснимую реакцию со стороны рода тен Лоран. Людям было невдомек, отчего ненормальная девушка уселась на полу посреди зала и не делает попыток подняться. И отчего ее сразу не выведут. И это море волновалось, пока не начало расступаться. Вокруг Марионы и Эсташа уже сформировался свободный круг, а теперь люди отступали, давая дорогу главе рода, который шел выяснить, что внесло разруху в идеальный вечер. Он ведь тоже почувствовал. Защитникам это дано – безошибочно вычислять источник тревоги.

Арриен буквально врезался в невидимую преграду, едва люди расступились настолько, чтобы я оказалась перед его глазами. И будто время откатилось вспять, и я вновь очутилась в круге, за которым пылал огонь, огибая меня по сторонам. Только сейчас по ту сторону замерли люди. Сколько было на их лицах: любопытство, замешательство, непонимание, интерес, тревога. Кто это? Что за существо? Зачем пришла на прием? Каким образом попала на него?

Арриен, Мариона, Эсташ – все они, как тогда в пещере. И я видела только их. Заметила, что девушка дернулась в мою сторону, но муж ее остановил, бросив взгляд на брата.

– Простите, – сказала я негромко, но кругом повисла такая звенящая тишина, что даже эти слова прозвучали гулко. Словно их разносило эхо пещеры.

Я вжала голову в плечи, готовясь принять на них груз нового унижительного воспоминания. Самого тяжелого из всех. Поскольку Арриен приблизился ко мне.

– Зоя.

Сдавленный глухой голос человека, которого до глубины души шокировало мое появление. Даже непоколебимого, всегда сдержанного и умевшего совладать с чувствами защитника сейчас подвел самоконтроль. Неслыханная дерзость – явиться сюда. С подобной он прежде едва ли сталкивался. Пришла на сбор средств для разрушенной по моей вине Альберги.

– Зоя.

Ведь я уже не надеялась снова услышать, как он зовет меня по имени. А одно время безумно боялась, что услышать попросту не суждено. И в моей голове продолжало звучать эхо, раскатываясь дальше и складываясь в холодную фразу: «Прошу вас покинуть мой дом и никогда больше не переступать его порог».

– Прошу, поднимись.

Он протянул руку, но я не взялась за нее. Он наклонился и сам поднял меня, крепко держа за плечи.

– Простите, – мне хватило силы воли не вцепиться в него, но поднять глаза выше белоснежного воротника его рубашки недостало смелости. – Я прошу прощения, что пришла в этот дом. Простите за Альбергу. Я не хотела. Я уйду сама.

Я говорила и понимала, что не имею никакого права стоять рядом с ним, позволять ему вновь поддерживать меня. Пусть даже самой удержаться на ногах было сложно.

– Это счастье, что ты жив... что все вы живы...

Снова злосчастные непролитые слезы лишили меня голоса. От них, впрочем, тоже был толк – я сумела оттолкнуть державшие меня руки и развернуться прочь.

Конечно, люди и не думали расступаться передо мной, но мне уже было все равно. Я просто решила вклиниться в эту безликую толпу. Не видя толком, смешно вытянув руки, словно собралась пробираться на ощупь, рванулась в сторону дверей.

Арриен перехватил меня и развернул обратно. Прервал позорное бегство. Забавно было думать, словно огромную ошибку можно искупить обычным «Простите. Я не хотела». Хотя даже унижение возможно вынести, ощущая непомерную вину, но только не необходимость столкнуться с ним лицом к лицу. Увидеть его глаза так близко. По давней привычке, втягивая голову в плечи, я ждала хлестких слов, гораздо хуже пощечины. Не было ни того, ни другого, и все равно мне показалось, что свершилась катастрофа, когда ладони обхватили мое лицо. Я поймала его взгляд лишь на миг, на секунду позволила заглянуть в почерневшую глубину прежде синих глаз, и зажмурилась. И я не увидела, как он наклоняется, и я не поверила, что моих губ коснулись его губы.

Сначала гул голосов, сотни пораженных вздохов и возгласов, затем тишина, словно я перенеслась в иную вселенную. Конечно, потрясенные охи и ахи продолжали звучать, но я уже не слышала, ведь это была другая реальность. Та, в которой Арриен тен Лоран поцеловал меня на глазах сотни гостей посреди бальной залы древнего дома защитников.

Настоящий пустынный мираж.

Гости были в ужасе, мне думается. Я же вместо красивого падения в обморок на руки красивому мужчине вцепилась в отвороты его жесткого белоснежного воротничка и отчаянно ответила на поцелуй, прижавшись так тесно, что ощутила каждую мышцу его широкой груди. А затем и вовсе скрестила ладони на затылке защитника, отыскав для себя точку опоры посреди зыбкой сказки.

Другая реальность... Здесь его поцелуй не следовал никаким нормам поведения, никаким доводам разума, но он был настоящим, не придуманным мной, и дарил то, чего ничто иное во всем мире не могло подарить, — он делал меня самой счастливой на свете.

Эпилог

Сейчас тот вечер вспоминался словно в тумане. Сорванный бал, смятение гостей, мое знакомство с родителями Арриена. Все так неожиданно свалилось на меня в тот момент, что перед лицом Каролины и красивого светловолосого мужчины, на которого так сильно походили его сыновья, я не смогла произнести ни единой логически завершенной реплики.

– Зоя, – Каролина сошла ко мне с возвышения, на которое они поднимались, чтобы произнести речь, и крепко обняла, – как я рада тебя видеть! Какое это было мучение считать, что ты погибла. Мы все разделяли с Арриеном его боль.

Прежде казалось, больше попросту невозможно покраснеть, но меня спасло исключительное неверие, что происходящее правда на сто процентов. Этот туман в голове помогал следовать простым правилам, пожать протянутую руку, робко улыбнуться в ответ на красивую искреннюю улыбку и прямой взгляд.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, Зоя. Я много слышал прекрасных вещей о прекрасной девушке.

И снова я покраснела, и вновь усомнилась в реальности. Я бы и дальше полагала все сказочным сном, если бы, обернувшись к Арриену, не заметила в безликой толпе пораженных подобным вниманием к неизвестной особе гостей шокированные лица Маджа и Нейи. Они смотрели молча, но, в отличие от меня, явно принимали ситуацию именно такой, какой и видели. Верили в нее, оттого и стояли неподвижно, молчаливо взирая на знакомую Зофью так, словно увидели впервые. Я улыбнулась им и махнула рукой, подзывая, затем обернулась к Арриену, чтобы сказать и о своей семье, о том, как нашла ее, но увидела его лицо, глаза, и позабыла, что собиралась сделать. Тен Лораны сами все поняли, сами познакомились. Я слышала голос Маджа, представлявший его и Нейю, на моем же плече лежала рука защитника, и ничто в целом мире не могло заставить меня отстраниться от Арриена. Кроме разве что той самой слабости, накатившей из-за столь всепоглощающего счастья.

Арриен вынес меня в сад на руках. Эсташ сказал ему что-то о поврежденной ауре, о количестве загаданных сложных желаний, о том, что восстанавлиюсь, но я не поняла ни слова. Просто смотрела в глаза подхватившего меня защитника и думала о том, какая же я счастливая, что нахожусь сейчас так близко к нему, что могу его обнимать, что вижу ничем не прикрытые эмоции на его лице. В его руках мне стало легче. Там, в саду, с ним вдвоем было намного лучше. Я воскресала к жизни от одного его присутствия.

А его фраза о том, что не виновата. Произнесенная твердо, уверенно, без малейшего сомнения в истинности этих слов. Объяснение о том, как сущности берут разум под контроль и этому невозможно сопротивляться. И искренняя благодарность, поскольку я помогла выманить их на свет, помогла осуществиться тому, чего долгие годы пытались достичь защитники – прямая схватка с монстрами, что прятались в собственных норах столь долгое время. По чьей вине постоянно погибали люди. Он не винил, и никто из них не винил меня ни в чем.

А потом мы долго молчали и шли по дорожке сада совсем рядом, касаясь руками друг друга. И даже это молчание рядом с ним было истинным наслаждением. Он довел меня до самой отдаленной части сада. Там за оградой начинались улицы Сенаториума, но с этой стороны густая растительность скрывала даже забор. Здесь росло низкое дерево, а ствол изгибался почти параллельно земле. Остановившись, я провела ладонью по шершавой коре, так ярко ощущая присутствие защитника. Только с ним уходила боль из сердца, а следом все тревоги. Становилось так хорошо, хорошо и бесконечно легко. Так радостно, спокойно и так волнительно одновременно.

Арриен облокотился о ствол и поднял лицо к звездному небу, а я украдкой изучала его идеальный профиль. И наконец-то не казалось неправильным, что он рядом именно со мной. Словно так и должно было быть.

– Какие они, ваши крылья, вблизи? – решила нарушить приятную тишину тем самым вопросом, что всегда снедал меня.

– Большие, – улыбнулся он, вспомнив, вероятно, как и я, ту первую встречу. – Хочешь взглянуть?

– Хочу, – я затаила дыхание. – Только огонь...

Замолчала.

– Он не причинит тебе вреда. Никогда больше. Не моей избраннице, не моей жрице.

И вдруг он обратился. Так быстро, почти мгновенно, я и испугаться не успела, и спросить, что значили последние слова. А крылья вблизи и правда оказались большими. Настолько, чтобы обнять меня с обеих сторон, укрыть невесомым огненным теплом. И они были мягче самого мягкого пуха, неощутимей самых невесомых облаков, но не обжигали, а грели ласковым огнем.

– Знаешь, – я провела пальцами по этим перышкам, сплетенным из тончайших солнечных лучей, – они невероятные, они такие, что захватывает дух, такие, какие невозможно представить или нарисовать. А можно...

Я вдруг смутилась, ощутив робость и не зная, как сказать ему, что очень хочу, чтобы он поцеловал меня еще раз.

Он будто понял без слов. Опустил руки мне на талию и притянул ближе.

– Я боялся.

Даже не сразу поняла, о чем он сказал. Мысли были только о поцелуях.

– Боялся? Разве защитники умеют бояться?

– Умеют.

– Ты испугался, когда чудовища напали на Альбергу?

– Тогда я был безумен. А страх жил во мне с момента нашей последней встречи. Я боялся, что больше никогда тебя не увижу. Я поверил, что уничтожил... уничтожил собственными руками.

Он сжал меня крепче, но я не протестовала. Даже не пискнула бы, захрусти от крепких объятий каждая косточка. Он ведь такие слова мне говорил! Закрыв глаза, слушала и слушала его признания. А потом он снова меня поцеловал.

И я не знаю, кто придумал про крылатых воинов, будто они не умеют чувствовать. Вероятно, люди даже заподозрить не могли, в какую огненную страсть способны увлечь поцелуи защитников. И они едва ли знали, насколько мягки их чудесные крылья.

– Желания непросто загадывать, – объясняла Маришка, – сложность состоит в том, чтобы продумать возможные последствия. Чем серьезнее желание, тем сложнее все предусмотреть. Еще важно задуманному одной не вступать в противоречие с загаданным другой. К тому же сильные желания значительно повреждают ауру, но она восстанавливается рядом с защитником.

– До сих пор не верится, что подобные способности и правда существуют, – ответила Зоя, потянув назад веревку, а после разжав ладонь, чтобы качели полетели вперед, вознося Мариону к нижним ветвям дерева, на которых они висели.

Девушки баловались словно дети. Они устроились в саду родового поместья тен Лоран будто бы для учебы, но попутно не забывали и развлекаться.

– Сегодня жарко, – крикнула Мариона, когда качели полетели в обратную сторону, – не хочешь искупаться в пруду?

В Кенигхэме наступило лето, но в тенистом саду царила приятная прохлада.

– Хочу, – крикнула в ответ Зоя, а Маришка улыбнулась, глядя на то, как та запрыгивает на соседние качели и отталкивается ногами, набирая разбег.

Зофья стала другой. Она очень изменилась с момента их первой встречи. Внутренне надломленная девушка с удивительно сильным и упорным характером, с тем потрясающим светом, благодаря которому она не превратилась в жестокое озлобленное существо, Зоя теперь расцветала на глазах. Словно не только зарастали раны на сердце, но и появлялось нечто не менее ценное – уверенность в себе, в своем будущем, вера в собственное счастье. Она теперь гораздо спокойнее относилась ко всевозможным светским мероприятиям, когда возникала необходимость их посетить. Хотя общество до сих пор вспоминало о женитьбе второго брата тен Лоран, но это невозможно было сравнить с первой бурной реакцией. Все мигом вспоминали о скандале, связанном со свадьбой Эсташа, а всласть обсудив его, переключались на главу рода и его выбор. «Ведь защитников всегда ставили в пример, – говорили они, – заявляли о безупречности их манер. Но вы только поглядите!» Однако постепенно толки все равно сходили на нет, а Зоя быстро осваивала то, что следовало знать жене защитника.

И все же главное было не в этом – рядом с Арриеном она становилась такой, какой могла бы быть, сложись ее судьба иначе. Маришке нелегко оказалось подобрать определение, и она решила не усложнять, назвав процесс оздоровлением. Находясь подле защитника, под влиянием его ауры, невозможно было чувствовать себя иначе.

Зоя же, в свой черед глядя на Мариону, поражалась, как девушка словно светится изнутри, становясь красивее день ото дня. Особенно теперь, когда ушли тревоги и изнурительная работа в пустынях осталась в прошлом. Хотя тен Лораны уже осуществляли иную задумку, собираясь основать для нуждающихся собственный госпиталь, в котором люди могли бы получить качественное лечение, но не по тем ценам, что были приняты в Сенаториуме. И Зое очень нравилась эта идея.

– Как ваша энциклопедия? – спросила Мариона.

– Близится к завершению. Нейтон счастлив.

– А как Ирэн? Вы же дружили раньше?

– Неплохо. Она нечасто пишет, но из последнего письма я узнала, что у них с Треном намечается свадьба.

– Шутишь?

– Нет. Знаешь, пустыня сильно повлияла на нас. Вот и Ирэн писала, что оба взглянули на жизнь совершенно по-другому.

– Наверное, и к лучшему, – пожала плечами Маришка, – что они взглянули на нее именно так.

– Наверное.

– Скоро прилетит твоя сестра, комната для нее уже готова. Предложи ей погостить подольше.

– Конечно. Я буду рада ее видеть...

В этот момент Зоя встрепенулась, оборвала себя на полуслове, а в следующий миг резко затормозила качели и, спрыгнув, помчалась по дорожке среди кустов, чтобы повиснуть на шее Арриена. Защитник подхватил ее и закружил, а Маришка поспешно опустила глаза, чтобы не возникло ощущения, будто она подглядывает за целующимися молодыми людьми.

– А меня так радостно не встречают, – прошептал вкрадчивый голос на ухо.

– Эсташ! – она резко обернулась и тут же угодила прямым в руки мужа, соскользнув с качелей. – Извини, я пока не могу так резво

бегать, зато поцелую с большим удовольствием.

– Всему свое время, – улыбнулся он, склоняясь к ней.

---

notes

Примечания

Школа Естествознания – школа при столичной гимназии Кенигхэма. Научно-исследовательское учреждение, выдающее официальный документ об окончании высшего учебного заведения. Принимает учеников с момента достижения ими совершеннолетия. Специализируется на изучении природного сообщества государства Кенигхэм. В учебную программу входит также изучение чудовищ.

Арис – учитель, преподаватель. Уважительное обращение к учителю.

Защитники – особая раса сверхлюдей, обладающих превосходящей физической силой, скоростью реакции и другими не свойственными людям способностями. Среди защитников выделяются Истинные – представители древнейшей крови, наделенные возможностью к трансформации: управлению очищающим огнем и огненными крыльями, также есть обычные представители, рожденные от браков с людьми и обладающие всеми перечисленными способностями в меньшей мере, а также лишенные возможности летать. Защитники способны считывать негативные эмоции людей, поэтому их отличает наличие прочного эмоционального щита, притупляющего или подавляющего чувства. Призваны в Кенигхэм защищать людей от монстров и чудовищ и с тех пор выполняют свое предназначение.

Энсгар – звание для обладателей особой метки и необычайных знаний и умений в сфере медицины. Этим людям присуще уникальное и чрезвычайно редкое внутреннее зрение, которое позволяет увидеть болезнь, найти повреждения без диагностики, без каких-либо дополнительных приборов. Энсгар умеет устранять последствия многих опасных для человека происшествий, что дает шанс избежать смертельного исхода.

Звездное око – прибор для наблюдения за звездами и созвездиями.

Сенаториум – столица государства Кенигхэм.

Дона – учительница, уважительное обращение к преподавательнице.

Старший род – наследники древнейшей крови, способные к трансформации.

Аркис – привратник у наружных дверей, который открывает их перед посетителями.

Оснэ – достойная, уважаемая. Почетное обращение к женщине в высшем обществе.

Фьенде – досточтимый, многоуважаемый, достойный,
уважительное обращение к защитникам.

Тэа – ученица. Учащаяся высшего учебного заведения.

Энгельфер – аэростат, при управлении которым используются магические плетения.

Тисью – одна из разновидностей крепированной бумаги, которая используется в санитарно-гигиенических целях. Она имеет низкий вес, небольшую толщину и шероховатую поверхность. Изготавливается из первичного или вторичного сырья. Используется для производства салфеток, бумажных полотенец и т. д.

Бене – старшая медсестра.

Первопроходцы – население Альберги. Включает временных поселенцев, исследователей, медицинский, технический, обслуживающий персонал, добровольцев.

Энит – помощник энсгара.

Торина – иностранка, иностранка, чужачка – имеет уничижительный оттенок.

Мамари – архитектурное общество.

Сабен – жена, супруга. Уважительное обращение к замужней женщине.